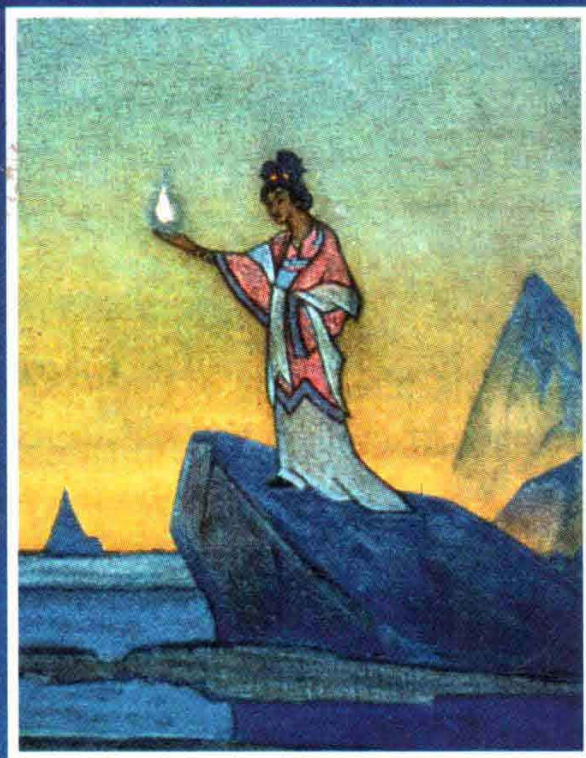

РЕРИХОВСКАЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Л.В.Шапошникова

ГРАД СВЕТЛЫЙ

ББК 87.3(2)6
Ш 24

Редколлегия серии:
П.С.Гуревич, Т.И.Мурашкина,
Л.В.Шапошникова, А.Л.Яншин.

Л.В. Шапошникова
ГРАД СВЕТЛЫЙ

Международный Центр Рерихов,
1998, 192 с., цв. вкладка 1,0 п.л.

XX век, стоящий на пороге нового эволюционного витка, оказался свидетелем уникального совпадения во времени и пространстве Духовной и социальной революций. Этим пространством оказалась Россия. Совпадение, случившееся в истории человечества, несло в себе таинственный смысл, как будто сама эволюция ставила научный эксперимент: сможет ли страна воспользоваться этим совпадением во благо и расширить духовное пространство грядущего Нового Мира или же она окажется в объятиях прошлого?

Об этом противостоянии, в котором сошлись Дух и материя, Свет и тьма, — новая книга писателя и философа Людмилы Васильевны Шапошниковой.

На обложке: фрагмент картины *Н.К. Рериха* «Агни Йога»
и покров «Преподобный Сергей Радонежский» (XVI век)

ISBN 5-86988-059-9
© Л.В.Шапошникова, 1998.
© Международный Центр Рерихов, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

1.Странник Светлого Града

2.Идущие в ночи

3.“Во имя свое...”

4.Большой взрыв

5.Заклинания над бездной

6.Отвергнутый вестник

7.“Новый человек”

8.“...Со старым сознанием не войти в Новый Мир”

Человечество движется к грядущему граду. Жертвенный путь его орошен потом и кровью и совершенно чужд всякой идиллии, потому и мечта о граде также получает трансцендентный, религиозный характер. И это есть щит, охраняющий от религиозного умирания, от подлинной иррелигиозности ту часть человечества, которая мираж пустыни приняла за облачный столп и пошла за ним. И эта святая тревога искания, этот неумолчный зов куда-то вдаль и ввысь, эта непримиримость к настоящему есть истинно божественное в человеке, что может быть только искажено неверностью пути, ложностью устремления. История есть неустанное стремление, вечная тревога, путь, не имеющий конца.

С.Н. Булгаков

Россия не только государство. Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои предназначенные ей берега, не засверкала еще в отточенных и ограниченных понятиях в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных исканиях и в бесконечных органических возможностях.

Вс. Иванов

В беспредельном океане энергий, управляемом Великими законами Космоса, происходят те таинственные движения, которые создают новые миры и формируют наше историческое и повседневное бытие. Человек, являясь частью этого Океана, несет в себе его энергию, его формы, его эволюционные процессы. Через человека, справедливо утверждал один из крупнейших ученых нашего века Тейяр де Шарден, эволюция познает себя. И поэтому все, что происходит на нашей планете, связано с потенциальной и проявленной энергетикой самого человека, его мышлением, его действиями, осознанием им своих космических связей.

“...Лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов”¹, — писал русский художник Н.К.Рерих.

Человеческое мышление и сознание находятся в пространстве магистрального направления Космической эволюции и определяют пути совершенствования и восхождения человека. И то и другое, тесно связанные друг с другом, являются двумя сторонами одного и того же энергетического процесса. Мышление не существует без сознания, сознание не может сформироваться без мышления. Одно является выражением другого в такой взаимопроникающей степени, что, иногда заменяя одно другим, мы не совершаем грубой ошибки. Качество мышления определяет уровень сознания, последнее же дает нам представление о качестве самого мышления. Вопрос о том, что из этих понятий первично, а что вторично, не корректен. Являясь производными космического энергетического процесса в духовном пространстве самого человека, мышление и сознание принадлежат Беспредельности, где нет ни начала, ни конца. Одно во времени и пространстве перетекает в другое, одно определяется энергетическим уровнем другого. Однако механизм действия каждого из них имеет свои особенности, которые обуславливаются степенью их связей с энергетикой более высокого состояния материи.

Мысль, безвременная и безразмерная, принадлежит Высшему и является одним из важнейших элементов этого Высшего в эволюции земного человечества. Вестники иных миров, мысли, имеют различную степень утончения и вибраций, зависящих от качества Духа человека, в котором они проявляются. Мысль огненная, возникшая в таком пространстве, обладает огромным энергетическим потенциалом и может послужить импульсом для складывания целой исторической эпохи. Именно мышление такого огненного свойства создает условия для дальнейшего продвижения человечества по лестнице Космической эволюции и обуславливает совершенствование его общественного бытия. Само же мышление проявляется в сознании и оформляется им. Об этом свидетельствует смысл самого слова — “сознание”. Знание, полученное через мысль из Высшего источника и постигнутое в соответствии с уровнем самого сознания. Сознание является как бы земным проявлением самого мышления. То и другое является важнейшей движущей силой как Космической эволюции человечества в целом, так и духовного развития каждого отдельного человека.

Изменение мышления и сознания является следствием энергетических процессов, идущих в Мироздании. Энергетический обмен в Космосе обуславливает закономерности этого изменения. Последнее может происходить мирно и постепенно до того определенного момента, когда накопленная в данном “коридоре” энергия взрывом или толчком начинает продвигать этот процесс. Тогда происходит Духовная революция. Новые Учения, духовные концепции или философские системы в течение истории человечества не раз меняли качество и уровень мышления.

¹ Рерих Н.К. Держава Света. Нью-Йорк, 1931. С. 80.

Учение Будды и Христа, философские системы Конфуция и Вивекананды, научные открытия Нильса Бора и Циолковского — все это единый ряд Духовных революций. Мы хорошо знаем социальные революции. Их исследуют, пишут о них книги, используют в политических играх. Духовные революции, непосредственно связанные с продвижением мышления и сознания человечества, до сих пор остаются как бы в тени. История их еще не написана, особенности не исследованы. В отличие от социальных революций, Духовные имеют цели непреходящего значения, они обращены к Духу человека и менее всего к его материи. Время их действия длительно, результаты не скоры. Социальные революции в основном обращены к внешней жизни, к ее материи. Духовные революции непосредственно связаны с внутренней жизнью человека, действуют в пространстве его Духа, изменяя его уровень и качество. Новое мышление, новое духовное сознание — от них. Социальные революции, имеющие также свое духовное ядро, в большинстве случаев не меняли кардинальным образом сознание человека в самом широком смысле этого слова, не продвигали его вперед, а временами даже отбрасывали назад. Они нередко как бы толклись на месте, не в силах преодолеть в себе тяжесть старого, обременительного. Отжившая энергетика в этом случае съедала растущую новую, не укрепленную внутренними духовными побуждениями и стремлениями самого человека, не защищенную новым, уже проявленным им сознанием.

XX век, стоящий на пороге нового эволюционного витка, оказался свидетелем уникального совпадения во времени и пространстве Духовной и социальной революций. Этим пространством оказалась Россия. Совпадение, случившееся впервые в истории человечества, несло в себе таинственный смысл закономерностей Космической эволюции. В нем существовал какой-то еще не разгаданный нами эволюционный план, какая-то возможность для страны, в которой все это произошло. Как будто сама эволюция ставила научный эксперимент: можно ли сочетать в одном времени и пространстве революции с разной направленностью? Сможет ли страна, в данном случае Россия, воспользоваться этим совпадением во Благо — расширить духовное пространство грядущего Нового Мира, придать социальным изменениям тот необходимый им энергетический потенциал, который обеспечит их устойчивость и повысит эволюционный смысл таких изменений? Или же, упустив предоставленную возможность, Россия окажется не на эволюционном пути к Новому, а в объятиях старого, его социально-политических традиций, мышления, его застоявшегося сознания? Там, где сошлись пути Духовной и социальной революций, существовало то и другое. У того и другого были свои исторические корни и обусловленные свободной волей человека возможности. Выбор же делали те, в чьих руках находилась реальная осуществимость этого выбора, иными словами, политическая власть. Совпадение во времени и пространстве обеих революций определило многие духовные и социальные процессы России и сделало ее пространство уникальным в энергетическом, духовном и материальном смысле этого слова. Обе революции, Духовная и материальная, шли своими путями, как бы

противостоя друг другу. И в этом противостоянии, в котором сошлись Дух и материя, Свет и тьма, была своя историческая логика, свой космический смысл.

СТРАННИК СВЕТЛОГО

ГРАДА

Русская народная жизнь с ее мистическими сектами, и русская литература и русская мысль, и жуткая судьба русских писателей и судьба русской интеллигенции, оторвавшейся от почвы и в то же время столь характерно национальной, все, все дает нам право утверждать тот тезис, что Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы.

Н.А.Бердяев

В 1933 году Николай Константинович Рерих написал картину, которая называлась “Странник Светлого Града”. По равнине, опираясь на посох, идет человек туда, где между гор сверкают купола храмов и стоят белокаменные здания. Сюжет кажется на первый взгляд незамысловатым и простым. Но если в картину попристальней взглядеться и поразмышлять над ней, она вырастает в некий символ, наполняясь духом и звонами России. Такое полотно мог создать только русский художник и только о России, с ее мягкими увалами и пригорками, с ее дальними невысокими горами, с ее прозрачным лесным воздухом и золотистой далью ее дорог. В этом пронзительно одиноком страннике с его неуклонной устремленностью и в то же время нездешней мечтательностью заключен духовный многослойный образ целого народа, целой беспредельной страны. Чтобы создать именно такой образ, надо было глубоко почувствовать характер народа, проникнуть в его внутреннюю суть и извлечь из всего ту единственную Россию, которая, как говорил сам художник, “поверх всех Россий”. Так иногда через искусство мы постигаем самые сложные явления, распутываем ускользающие нити

разнообразных времен и пространств, синтезируя все это в один четкий и ясный образ, где “ни прибавить ни убавить”.

Географическое, культурное и историческое пространство России раскинулось на тысячи километров, соединив в себе то, что мы называем Востоком и Западом. “Россия может осознать себя и свое призвание в мире, — писал крупнейший русский философ Н.А. Бердяев, — лишь в свете проблемы Востока и Запада. Она стоит в центре восточного и западного миров и может быть определена как Востоко-Запад”¹. Именно в этом средостении Востока и Запада складывалась синтетическая культура России, формировался ее многослойный народный характер, возникало то, что мы определяем как “национальность”.

Океан российской национальности заполнялся в течение многих веков исторической материей самых разнообразных источников, проходивших сквозь слои ее времени и пространства. “Вы знаете, — писал Н.К. Рерих, — что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники этих переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений. Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России. И снова принесли ей обновленные формы своей жизни”².

Исследуя многовековую культуру России не только как художник, но и как ученый, Николай Константинович находил в ней элементы, пришедшие с Востока, и то, что проникло с Запада. В своих очерках он писал о хитрых арабских купцах, плывших по русским рекам, о викингах, об азиатской миниатюре, которая через итальянский примитив обнаружила себя в русских иконах, о татарском иге, которое в очередной раз принесло на русские равнины звуки и формы культуры Востока.

На огромных пространствах России в течение веков кипел и плавился культурный синтез Востока и Запада, формируя энергетическое поле русской Культуры, русского национального духа. Пространства России, принимая в себя дары Запада и Востока, усиливали свою энергетику, создавали свою самобытность, зацветая каждый раз по-новому после соприкосновения мирного или не мирного с Западом или Востоком.

Положение России между Востоком и Западом как моста, объединяющего эти два мира, обусловило многие особенности русской культуры, русского духа и русского характера. Последний обрел уникальную полярность, соединив в себе резко выраженные противоположности, так и не дотянувшие до той золотой середины, на которой возрастает классическая цивилизация с элементами усредненной Культуры.

С одной стороны, в народе существовали развитые общинные традиции, бескорыстие, нерасчетливость, нежелание покоряться “золотому тельцу” и отвергание наживы, душевность и отзывчивость, стремление к

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 127.

² Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 29.

подвигу во имя Общего дела и т.д. С другой — бытовал известный соблазн легкой наживы, склонность к мошенничеству и воровству, жестокость и тупость, гражданская безответственность и извечное ожидание кого-то, кто сделает все за нас и спасет от дурной жизни и ее нелепостей. Эту полярность русского характера не смогли изменить ни годы, ни события, ни войны, ни страдания. Что же касается последнего качества — надежды на кого-то другого, а не на себя, надежды на Бога, царя, героя или на того символического “барина”, который приедет, все рассудит, все поправит и всех утешит, то сейчас трудно определить, в какие века и события уходят исторические корни этого качества. С годами это качество развивалось и сделалось чуть ли не определяющим в послереволюционный период, когда власть, сменившая царя и заменившая Бога, превратилась в глазах многих в иллюзорно-могущественное средство спасения от всех бед, в которые только может попасть человек. Политическая пассивность, общественная робость отдельного человека в сегодняшней тяжелой и трагической ситуации в России объясняется именно этим, я бы сказала, историческим качеством, заставляющим миллионы людей в условиях криминального рынка и развала надеяться на появление “хорошего” президента или правительства, которые избавят народ от незаслуженных им страданий и установят повсеместную справедливость. Это трусливое и пассивное отчуждение народа от общественного действия и его иллюзорные надежды вносят в общественно-политическую жизнь сегодняшней России тот разброд, который может привести к новым бедам и страданиям.

Наличие противоположных качеств в характере русского народа создало ситуацию, которая резко отличала Россию от других стран, и в первую очередь от западных. “Слишком ясно, — писал Н.А. Бердяев, — что Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему”¹.

Именно в российском духовном пространстве в течение веков сформировались два духовных полярных образа. Бердяев называет их “Русь святая” и “Русь звериная”. Эта полярность создала особую и высокую энергетику в духовно-культурном поле России и определила ее роль в процессах Космической эволюции человечества. Елена Ивановна Рерих, один из крупнейших философов нашего века, пришла к выводу: “Расцвет России есть залог благоденствия и мира всего мира. Гибель России есть гибель всего мира”². Россия оказалась энергетическим центром планеты, в пространстве которого разыгрывается космическая драма духовно-культурной эволюции. В нем же идут видимые и невидимые процессы взаимодействия Духа и материи, противостояния сил Света и тьмы. “Ангельская святость и зверская низость — вот вечные колебания русского народа, неведомые более средним

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 31.

² Письма Елены Рерих. Минск, 1992. Т. II. С. 82.

западным народам”¹. Но и “Русь святая” не была однородной. В ней также существовало два полюса — духовно сытых и духовно голодных. Об этих “сытых” и “голодных” еще в 1915 году писал Н.А. Бердяев:

“Духовная сытость, охранение старого, бытовое и внешне-обрядовое понимание христианства — один образ народной религиозной жизни. Духовный голод, пророческие предчувствия, мистическая углубленность на вершинах православия в иных сторонах нашего сектантства и раскола, в странничестве — другой образ народной религиозной жизни”². Полюса — “сытый” и “голодный”, по справедливому утверждению философа, нашли свое отражение в творчестве великого русского писателя Достоевского, художественно воплотившего эту духовную полярность России. “У него два лика: один обращен к охранению, к закреплению национально-религиозного быта, выдаваемого за подлинное бытие, — образ духовной сытости, а другой лик — пророческий, обращенный к граду грядущему, — образ духовного голода”³.

И если В.И. Ленин назвал Льва Толстого “зеркалом русской революции”, что само по себе далеко не бесспорно, то Достоевский отразил в себе всю Россию и ее основное противоречие — “противоборство духовной сытости и духовного голода”⁴.

Ни страны Востока, ни страны Запада такого острого противостояния не знали. Синтезированные Россией духовные тенденции обоих миров в ее энергетическом пространстве обрели новое качество, способное развить энергетический динамизм духовных накоплений страны, лежащей на перепутье Запада и Востока. Безусловно, и на Западе есть и “сытые” и “голодные”. Однако там искания и стремления “голодных” не обрели той истовой, жертвенной формы, которая получила крайнее выражение в русском странничестве. Странничество было особенно распространено среди староверов, которые уходили в неведомые земли в поисках Страны обетованной или Светлого Града. На это явление обратил особое внимание и Н.К.Рерих во время Центрально-Азиатской экспедиции. Западная же цивилизация как бы духовно нивелировала и “сытых” и “голодных”. Поэтому энергетический процесс одухотворения материи там шел вяло и был замечен больше на индивидуальном уровне, нежели на общественном.

Что же касается Востока, то многовековая и развитая его духовная традиция, проникшая глубоко в народные слои, если и не во всем удовлетворяла духовный голод, то и не допускала той духовной дистрофии и неистового духовного голода, который был присущ России и который заставлял человека по внутреннему своему побуждению не только размышлять, но и действовать и двигаться.

Русская православная церковь была и остается до сих пор приютом “сытых”, в то время как “голодные” выламывались из ее жестких границ,

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 33.

² Там же, С.31.

³ Там же, С.30.

⁴ Там же, С.30.

устремляясь в голубые дали в поисках Града Светлого и его правды. Русское странничество, как особое явление, духовное и психологическое, есть самобытная форма русского мессианства, замешенного на христианском учении. Странничество сыграло важнейшую роль и в Духовной революции России, и в ее социальной революции.

Мессианство, как таковое, до сих пор в достаточной мере еще не изучено. Нам неизвестны его истоки и энергетические пути формирования. Оно представляет собой сложный процесс с высоким энергетическим “выходом”, выраженным в народном сознании и мышлении. Сама же мессианская идея, по выражению Бердяева, “как молния, сходящая с духовного неба”¹. Он же справедливо утверждает, что эта идея “идет из иного мира, и стихия ее — стихия огня, а не земли”². Иными словами, мессианство по своей духовной сути есть явление Высшего Мира, того его конкретного пространства, которое Учение Живой Этики называет Миром Огненным.

Пророческая, странническая и скитальческая, ангельская Русь, радикально влиявшая на русскую мысль, не имела ничего общего с Русью “сытой”, инертно-косной, “отяжелевшей в своей национальной плоти, с Россией, охраняющей обрядоверие, с русскими — довольными своим градом, градом языческим, и страшющимися града грядущего”³.

Историческая судьба России была трудна и беспокойна. Народ прошел через рабство, войны, внутренние раздоры, произвол собственных правителей. Здесь, на перекрестье Запада и Востока, история вела себя по-другому, нежели на самом Западе или Востоке. “Мессианское сознание народа, — писал Н.А.Бердяев, — может быть лишь плодом великих народных страданий. И мессианская идея, заложенная в сердце русского народа, была плодом страдальческой судьбы русского народа, его взысканий Града Грядущего”⁴.

Этот Светлый Град был символом того Царства Божьего, о котором говорили Христос и его апостолы, символом жертвенного служения всему миру в великом и благородном деле освобождения его от зла и страданий. Светлый Град породил в сознании народа идею духовного подвига во имя ближних и дальних своих. “Именно этому великому народу (русскому.— Л.Ш.),— писал Н.К.Рерих, — дано и великое слово ПОДВИГ. Ни в одном ином языке нет такого понятия во всей его возвышенности и поступательности. Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя Общего Блага. Русский народ уже много раз доказал свое бескорыстие, и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сбережет свои сокровища”⁵.

Вот это бескорыстие, жившее, наряду с другими качествами, в народе в целом, и придало русскому мессианизму характер, несколько отличавший его от вселенской идеи мессианства. В нем не было ни самоутверждения, ни

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.103.

² Там же.

³ Там же, С.30.

⁴ Там же, С.104.

⁵ Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 47.

чувства превосходства над другими народами. Русское мессианство, отмечал Н.А.Бердяев, являлось “жертвенным горением духа, лишь великим духовным порывом к новой жизни для всего мира”¹. И этот порыв ставил перед лучшими людьми России проблему ответственности, которая ложилась на их плечи. Они должны были понять, что необходимо было сделать во имя Общего Блага и от чего надо было отречься ради него.

Таков был, в общих чертах, крайний духовный полюс “Руси святой”, которому в этом же пространстве противостояла духовная сытость, инертность и болотная неподвижность, гнездившаяся в православной церкви. И хотя на снеговых вершинах и холодных ветрах этого полюса удерживались немногие, его энергетика составляла главный стержень духовного пространства России. Странник Светлого Града жил в русских мыслителях, крупных писателях, российских героях, во всех тех, кто, независимо от своего социального и материального положения, был готов принести жертву на алтарь правды, кто понимал культурно-исторический смысл Общего Блага, кто стремился искренне и бескорыстно к Грядущему Граду. Странники Светлого Града были тем духовно опережающим элементом, который содействовал в огромной степени развитию духа народа, его продвижению в духовном пространстве, отвоеванном у косной материи инертной человеческой массы. Странники расчищали культурно-духовные поля, в которых действовала Космическая эволюция человечества, слагая и формируя объективные тенденции, которые впоследствии принесут миру и России самые неожиданные результаты. Такого интенсивного духовного процесса, пожалуй, не знала ни одна страна мира на протяжении последних веков нашей истории. Эволюционное творчество несло предощущение мировой роли России, ее энергетического воздействия на Космическую эволюцию человечества. “В грозе и молнии, — писал Н.К. Рерих, — кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар и разор лишь способствовали величию земли русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки, и обучалась, и глублила свое неисчерпаемое творчество”².

Противоречивые черты русского характера, тяжкий и страдальческий его исторический путь — все это, как отмечал Бердяев, “путь к самосознанию, к осознанию того, что нужно России для раскрытия ее великих духовных потенций, для осуществления ее мировых задач”³.

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 107.

² Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 53.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 33.

ИДУЩИЕ В НОЧИ

Мир вступает в период длительного неблагополучия и великих потрясений. Но великие ценности должны быть пронесены через все испытания. Для этого дух человеческий должен облечься в латы, должен быть рыцарски вооружен.

Н.А. Бердяев

Мы идем при свете костров. Мы идем при сиянии звезд. Мы дойдем при молчании духа, когда золото солнца вспыхнет внутри нас, поражая неправду.

Живая Этика

На таком фоне в пространстве России развернулись два судьбоносных события, сформировались два процесса, носившие сами по себе не только объективно-глобальный характер, во и повлиявшие на мировую мысль, а также послужившие если не началом, то определенным импульсом для зарождения, а затем и для развития нового планетарного мышления, приведшего к сдвигу сознания человечества. Оба эти события, или, точнее, явления, как бы сфокусировали в себе ярко-противоположные качества, носившие, несомненно, эволюционный характер и отражавшие все то, что происходило в это время на главной магистрали Космической эволюции — взаимодействия Духа и материи.

Мессианское, странническое сознание, драгоценный кристалл русской духовности, составляло энергетическую основу того, что впоследствии стало называться Духовной революцией, в которой, помимо национально-духовных качеств России, уже описанных выше, слагавших ее, действовали вековые накопления данного пространства, его исторические и Культурные результаты, без которых, наряду с упомянутыми особенностями, не могла бы состояться Духовная революция, не имевшая, в противном случае, нужных вех и опор. Этими вехами являлись не только определенные результаты, но и отдельные личности, которые не только складывали такие результаты, но и как бы инициировали процессы, приводившие к ним. В России такой личностью являлся святой Сергей, оказавший могучее и многостороннее влияние на важнейшие процессы русской жизни: развитие духовности, нравственности, формирование лучших черт национального характера и,

наконец, укрепление государственности. Значение его личности до сих пор не оценено в должной мере ни с точки зрения культурно-духовной, ни исторически-эволюционной. На то были свои, не всегда праведные причины. Но, как бы то ни было, на вопрос: могла бы без Сергия состояться в пространстве России Духовная революция, — однозначно можно ответить: нет. Его широчайшая духовно-культурная деятельность, его учение, поощрение им странничества и, наконец, содействие уникальному явлению старчества, уходящего своими духовными корнями в славянскую древность, — все это закладывало в будущую Духовную революцию России ту энергетику, на которой эта революция возросла и сформировалась. В Сергии существовало то абсолютное героическое начало, которое свойственно лишь великим духовным водителям и Учителям. “...Память о Сергии, — писала Е.И.Рерих, — не умрет никогда, ибо велик магнит духа, заложенный им в душу русского народа. История развития духовности в русской душе и начало собирательства и строительства Земли Русской неразрывными нитями связаны с этим великим Подвижником”¹ “...Он творил характер народа, создавая тем мощь государства”², — справедливо утверждала она.

“Участник и политики, и малых дел житейских, исцелитель, чудотворец... Неутомимый труженик и духовидец, друг легкого небесного огня и радонежского медведя, Преподобный Сергей вышел, во влиянии своем на мир, из рамок исторического. Сделав свое дело в жизни, он остался обликом. Ушли князья, татары и монахи, самый монастырь его закрыт, осквернены мощи, а облик жив и так же светит, учит и ведет”³.

Прошло более шести веков с момента ухода Сергия, но его воздействие продолжается по-прежнему. Продолжается и влияние на лучших представителей русской культуры, каковым являлся Николай Константинович Рерих, один из тех, кто сыграл важнейшую роль в формировании и развития Духовной революции в России.

У Рериха как русского художника и мыслителя существовала особая связь с иноком, жившим века тому назад. Эта связь была конкретным, я бы сказала, персонифицированным духовным воздействием Сергия на Николая Константиновича. Возможно, в этом выражалось то длительное влияние Сергия, которое энергетически испытывала культура России в целом.

Неканоническая церковная роспись Рериха несла в себе отголоски тех взглядов, которые были у инок Сергия. Временами казалось, что Рерих как бы продолжает идеи Сергия, развивает их, вскрывает их жизненность. Его, как и Сергия Радонежского, отличала широта исторического мышления. Оба они, инок и художник, считали, что культурное, нравственное строительство является главным в любом строительстве, что оно основа всему. Тот настрой, который был присущ Сергию, нередко одухотворял рериховские полотна. И тогда в них возникал чудесный сплав мужества, красоты и глубокого проникновения в суть Времени. Но в то же время у Рериха был момент,

¹ Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. II. С. 205.

² Там же.

³ Знамя Преподобного Сергия Радонежского. М., 1991. С. 103-104.

определенно относящийся к Сергию, который трудно объяснить. Он возник в творчестве художника не сразу. В нем как бы сочеталось несочетаемое. На одном из полотен Николая Константиновича мы видим высокую сильную фигуру инок в черной схиме. Белая борода, резко очерченные скулы, совершенная линия тонкого носа, чуть приподнятые кверху уголки продолговатых глаз. Облик Сергия похож и в то же время не похож на тот приглаженный, смягченный иконописный образ, хорошо известный в русском православии. Позади стоящего на холме Сергия — Троице-Сергиева лавра. На “полотенце”, которое Сергей держит в руках, три круга. Знак, который потом ало вспыхнет на рериховском Знамени Мира... Другое полотно, о котором пойдет речь, было создано Рерихом годом раньше и, казалось, не имело непосредственного отношения к Сергию Радонежскому. На ступеньках лестницы, высеченной в скале, стоит высокий человек. Горы, среди которых он изображен, находятся в далекой Индии и называются Гималаями. Чужим словом “гуру”, что значит “учитель”, назван и стоящий на каменной лестнице. Все на этом полотне незнакомо, знакомо только лицо стоящего. Красивая, четкая линия носа, высокие скулы, продолговатые глаза. На грудь спускается седая борода. Человек держит чашу с зажженным светильником. И еще картина. Характерный русский купол небольшой церковки. Церковка стоит в горах. Картина называется “Часовня святого Сергия в Гималаях”. Откуда эта связь с Гималаями у русского инок? Где сдвинулось Время в таинственной цепи бесконечных жизней? Сдвинулось, на миг вспыхнуло светом и тотчас же снова стало на свое место, опустив непроницаемый занавес. Кто знает, может быть, Рерих успел поймать этот свет-озарение и смог постигнуть тот неведомый миг... Оба они были людьми необычной судьбы.

Жизнь Сергия прошла стремительно, плодотворно, и путь ее удивительно был прям и походил на несущуюся во времени стрелу, пущенную чьей-то невидимой, но мудрой рукой. Прямой путь не значит путь легкий. На нем было столько предвиденных и непредвиденных трудностей и тяжелого труда, что хватило бы на целую братию не одного монастыря. Влияние этого человека на многие стороны русской жизни было длительным и прочным. Культурная, духовная и политическая его деятельность отличалась качествами устойчивости и составила целую неповторимую эпоху в истории России. Церковью он был причислен к лику святых, преподобных. Монастырь, им основанный, играл на протяжении ряда веков крупную историческую роль. Дмитрий Донской незадолго до Куликовской битвы получил в нем от Сергия наставления и благословение. Позже монастырь встал неприступной крепостью на пути поляков. Его стены спасли жизнь русского царя-строителя Петра I. Трудясь на благо России, Сергей Радонежский прозревал будущее. Он закладывал крупные, хорошо обработанные камни в основание этого будущего, и каждый из этих камней потом станет краеугольным в каких-то очень важных событиях. Его точное историческое предвидение походило бы на необъяснимое чудо, если бы за ним не стояли знание и аналитическая одаренность, сочетавшиеся с

творчеством его духа. В 1919 году священник и ученый П.А. Флоренский писал: “Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному”¹. И если непредубежденно проследить жизнь Сергия, мы поймем, что в этом высказывании нет переоценки. С годами в нем росла и укреплялась та высокая нравственная сила, которая отличала Сергия от многих и которую он прививал монастырской братии.

Несмотря на глухое место, где стояла келья Сергия, слух о нем распространился широко, и к нему стали стекаться те, кто искал в то смутное и тревожное время покоя души и сопричастности духовному. Сергей принимал всех душевно обремененных. Он не требовал от них денежных вкладов или иных гарантий их материального состояния. Это придет в монастырскую жизнь позже, когда Сергия уже не будет, а нравственные основы монашества, с таким трудом им установленные, будут порушены. В монастырях начнут “мягко спать и сладко есть”. И это будет так не похоже на то, за что ратовал и боролся Сергей.

Один из будущих настоятелей Троице-Сергиева монастыря отец Иосиф писал: “Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствие любостяжания, что в обители св. Сергия и самые книги писали не на пергаменте, а на берестах; сам же св. Сергей носил такое бедное платье, что приходящие часто не узнавали его и думали, что это один из просителей”². Приходящим к нему людям Сергей говорил прямо и открыто: “Хотите ли и можете ли терпеть труды места сего, голод и жажду и прочие недостатки? Знайте, что вам предстоит здесь, будьте готовы терпеть скорби, беды, печали, всякую тугу и нужду, приготовьтесь не к покою и беспечалию, но к трудам, посту, всяким искушениям и подвигам духовным”³. Одни к этому не были готовы и уходили, другие оставались. То, о чем говорил Сергей, в значительной степени относилось к нему самому. Скорби, беды, печали и труды терпел сам он больше всех остальных. В лесу стояли бедные кельи, огороженные тыном. Некоторые из них срубил сам Сергей для вновь пришедших. “Он сам носил дрова из лесу и колол их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на всю братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем, как раб купленный”⁴. В этом подвижническом служении была заложена одна высокая идея — научить людей бескорыстно служить другим, научить их жить сообща. И до Сергия, и в первые годы существования его обители монахи селились вместе, но сообща не жили. Каждый из них имел свое хозяйство, каждый сам заботился о пропитании. У одного это пропитание было, у другого нет. Сергей осуществил в своей обители идею общежития, общины. Имущество было

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия. Сб.: “Троице-Сергиева Лавра”. М., 1919. С. 9.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. III. С. 195.

³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. II. С. 276.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. II. С. 597.

объединено, пропитание стало общим и одинаковым для всех. Были введены общинные должности: повара, казначея и т.д. Труд стал мерилom в отношениях между людьми. Стараниями Сергия монашеская община его обители сохраняла ту изначальную чистоту, которая была заложена в его идее. Эта удивительная община стала своеобразным прообразом будущего лучшего устройства мира, где людей объединяет труд и где духовные, культурные ценности занимают одно из важнейших мест. В этом отношении Сергий намного опередил свое время. Община была небольшая, ограниченная рамками социальных и исторических условий. В то время, в тех обстоятельствах она была обречена. Но, тем не менее, в ней какое-то время жила и билась прекрасная и высокая мысль ее создателя. Мысль о всеобщем благе. Устав иноческого общежития был введен и в других монастырях. Но надо ли писать о том, чем все это кончилось...

Росла обитель, и росла ее слава. “Преподобный Сергий, — писал крупнейший русский историк Ключевский, — был великим устроителем монастырей, своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергию подвижничества”¹. Из всех существовавших тогда социальных институтов церковь и монастыри были приближены более всего к народу. И просветитель широкого масштаба, каковым являлся Сергий, мог действовать только через эти средоточия духовной жизни народа. Такова была эпоха, и таковы были ее особенности.

Еще в первых лесных кельях обители Сергия монахи по его настоянию занялись перепиской книг на бересте и на досках. Когда же обитель пошла в гору и появилась возможность приобрести краски, книги расцвечивались узорами и заставками. Алая киноварь и золото составляли их основу. Стали писать иконы, расписывать фресками храмы. Самый великий из иконописцев Андрей Рублев был причастен к этой же обители. Именно он сумел в иконописи воплотить идеи Сергия. Рублев возвысил земного человека до подвижника, святого. В своей всемирно известной “Троице” он выразил взгляды Сергия о мире и согласии. Троица, ее смысл человеческий и духовный, занимала очень важное место во взглядах Сергия. Именно он воплотил идею Троицы в русском православии. Монастырь, им основанный, был назван Свято-Троицким. Сергиев монастырь стал и культурным средоточием московской Руси, и распространителем культуры. Здесь начиналось русское культурное строительство. И главным ее строителем был сам Сергий Радонежский. В конце XIV — начале XV века в русской культуре наступила эпоха подлинного расцвета. И Сергий был ее вдохновителем. “Русская иконопись, — писал П.А.Флоренский, — нить своего предания ведет к иконописной лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просветительство, основное свое питание

¹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. II. С. 249.

получали всегда от просветительской деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры”¹.

Удивительно много и разнообразно работал этот необычный человек. По инициативе Сергия началась монастырская колонизация глухих уголков Московского княжества, освоение огромных земель. Монастыри, оторвавшись от городских стен, смело шагнули в дремучие леса, ненаселенные пространства, к неведомым еще рекам и озерам. В глухих лесах застучал топор, и крестьянская соха поднимала девственные пласты земли. Под стены этих обителей и монастырей к Сергиевым ученикам и продолжателям стекались беглые крестьяне, уходившие из мест, разоренных беспощадным татарским мечом и истощенных произволом московских бояр. Из междуречья Оки и Волги монастыри наступали на глухие, далекие земли, захватывая огромную территорию между реками Костромой и Вычегдой, с одной стороны, и Шексной и Белым озером, с другой. Эта колонизация проходила по разным землям. И по тем, которые уже вошли в Московское великое княжество, и по тем, что просто от него зависели, и по тем, которые войдут в него позже. Монастыри, связанные с Троице-Сергиевой обителью, как бы цементировали слабые места княжества и подпирали уже устоявшиеся. В монастырях не только писали книги на бересте и пергаменте, не только расписывали иконы. В них делалась и политика. И политика эта при Сергии была направлена на одно: собрать воедино земли русские, сплотить ссорящихся меж собой князей и, наконец, освободить эти земли от постылого чужеземного татарского ига. Эта цель для Сергия была самой важной. Ради нее он направлял своих учеников на суровое подвижничество в трудные земли. Ради нее выполнял тяжелые поручения — замирать распри удельных князей. Ласково уговаривал упрямого Олега Рязанского, повышал голос на строптивого князя Нижегородского. Настраивал великого князя Дмитрия на решительные действия.

Он осознанно и целенаправленно готовился к чему-то самому главному в своей жизни. Готовился сам и готовил других. И наступил год 1380-й, когда должно было свершиться это главное. Инок, он провидел его ярче и точней, чем кто-либо из правящих князей. И это его ясное провидение будущей победы было тем, что подвигнуло князя Дмитрия, вкупе с другими русскими князьями, выступить в поход против мамаяевых полчищ. Поход начинался от стен Троице-Сергиевой обители, где Сергей благословил коленопреклоненного князя на ратный подвиг. С этого подвига началась уже иная история русской земли... Там, за туманным рассветом на Непрядве, у донских степей решилась ее судьба. В день субботний на Куликовом поле “посекли христиане полки татарские”. Сам Сергей на том поле не был, но послал туда двух своих иноков, Ослябю и Пересвета, чьи имена навсегда вошли в историю этой победной, но и трагической битвы. Удивительно вовремя подоспели и его посланцы с грамотой, “указующей идти вперед”, в один из критических моментов похода. Русские войска подошли к Дону и заколебались — переходить его или нет? Ни радио, ни телефона в то время не

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия. Сб.: “Троице-Сергиева Лавра”. М., 1919. С. 24.

было. И Сергей мог и не знать и не предвидеть этого колебания. Но он знал и предвидел. Как и многое другое в тот “день субботний на Рождество Богородицы”. Еще до возвращения Дмитрия с войском, он отслужил поименный заупокойный молебен по убитым. До появления гонцов объявил о победе русских воинов.

В последние годы жизни он был бессменным игуменом Свято-Троицкого монастыря. Пост этот он принял неохотно, с большими раздумьями. “Желание игуменства, — сказал он, — есть начало и корень властолюбия”. Он уступил только настоянию владыки Афанасия. Но это ничего не изменило ни в его обращении с братией, ни в положении его самого. По-прежнему ветха была его одежда, по-прежнему он рубил дрова и таскал воду, по-прежнему приветлив и ровен был с иноками и послушниками. Велика была нравственная сила этого человека, выдержавшего самое страшное — искушение властью. За полгода до смерти он предсказал ее приход с точностью до одного дня. Это, пожалуй, было последнее, что услышали от него. Потом он замолчал. Принял обет молчания. Так он и ушел из жизни, не проронив больше ни одного слова. Это случилось в 1392 году. Его похоронили в деревянной церкви монастыря, а три десятилетия спустя над могилой воздвигли белокаменный Троицкий собор, который стоит и поныне. Мощи преподобного Сергея покоятся в нем в серебряной раке. За всю жизнь у него не было и тысячной доли этого серебра. Не было его и в обители, которую он срубил вместе с другими в глухом лесу на горе Маковец и где самым большим богатством считался человеческий труд и высокий Дух.

Многие годы спустя появятся его изображения на иконах. Церковные иконописцы будут изображать его с неземной, святой отрешенностью в глазах. Однако история донесет до нас другого Сергея Радонежского. Философа и мыслителя, патриота и политика. Строителя русской культуры и русской государственности. Земного неутомимого подвижника и труженика. Проницательного и одаренного, прозревающего будущее. Человека иного облика. Резкие черты, глаза провидца и сильные руки, привыкшие к тяжелому физическому труду. Таким мы видим Сергея на полотнах Николая Константиновича Рериха.

Учение святого Сергея о Троице, об Общем Благе, об общине, о Мире Вышем, о важнейшей роли нравственности и сотрудничества в жизни народа, о необходимости труда как средства духовного достижения установилось на Руси ведущими вехами и оказало решающее влияние на тот высокий полюс духовной жизни страны, без которого не могла состояться в ее пространстве Духовная революция. Созидательная широкая работа этой великой личности на поприще Культуры свидетельствовала о том важнейшем значении, которое придавал святой этой области народного Духа. Известное нам по многим историческим и религиозным источникам общение Сергея с Высшим миром, с которым были связаны пламенные его видения, не было результатом каких-либо ухищрений или изнурительных упражнений. Все это происходило через его сердце. “В познании сердца, — писала Елена

Ивановна Рерих, — этого великого и единственного двигателя и мерила духовности, Преподобный опередил многих духовных путников. Именно он нашел силу этого источника и через него приобщился к Миру Огненному; об этом ярко свидетельствуют его пламенные видения”¹.

Вместе с этим Сергей был личностью глубоко национальной, как бы возникшей из самой души русского народа и вознесенной над ним, но удивительным образом сохранившей нити, связывающие его с народом. “Как святой Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвное возведение в народного святого, что навряд ли выпало другому”².

Именно в Сергии Радонежском как бы сосредоточились важнейшие черты русской истории и духа русской культуры, чтобы потом, через шесть веков, прозвучать в мудрых мыслях Учения, которое станет фундаментом нового планетарного мышления. И если посмотреть достаточно широко на эту проблему, то можно сказать, не боясь ошибиться, что именно энергетическое поле Культуры, созданное Сергием, послужило дальнейшему развитию русской мысли. На этом поле в XIX веке вызрели та русская литература и то русское искусство, которые послужили импульсом для развития процесса, завершившегося Духовной революцией.

Культура XIX века, во всем ее многообразии, явилась предтечей Духовной революции XX века. Литература, живопись, музыка — через них Странник Светлого Града познавал духовную суть того пространства, в котором он жил, странствовал и творил и которое называлось Россией.

У Космической эволюции есть свои энергетические процессы, которые протекают согласно Великим законам Космоса. Эта же процессы создают и земные формы новых сочетаний энергетики, необходимых для продвижения сознания человечества того или иного исторического периода. Иными словами, любое земное явление сначала складывается энергетически в пространстве более высоких состояний материи, или в Высших Мирах, или, как мы иногда говорим, — на небесах. Эти же небеса, или Высшие Миры, находят отражение в духовной структуре наиболее развитых личностей, в жизни которых творчество играет определяющую роль. В XIX веке эти “небеса”, этот контакт с Высшим оказался в душах и сердцах тех, кто создал уникальное явление русской литературы XIX века. Если революционный взрыв во всей его реальности еще не проявлялся во внешней жизни страны, то его уже видели и предчувствовали русские писатели. Там, на их “небесах”, уже бушевала внутренняя революция, вылившаяся удивительными пророчествами, которые не проявились таким мощным потоком в литературе других стран. И самое интересное состоит в том, что во внутренней, духовной структуре творцов-художников, в которой все и происходило, революция, как таковая, ощущалась как нечто цельное,

¹ Знамя Преподобного Сергия Радонежского. М., 1991. С. 89.

² Там же, С. 102.

неразделенное. Когда же все это обрело затем внешнюю форму, тогда и появилось разделение на Духовную и социальную революции. И если Духовная революция обозначилась в творчестве великих русских писателей предчувствием свободы, то социальная вылилась в те пророчества, которые мы находим на страницах произведений XIX века. Вот эти два противоположных потока, сойдя с духовного “неба” творцов, впоследствии и обрели земную форму двух революций — Духовной и социальной. “Русская литература — самая профетическая в мире, — писал Н.А.Бердяев, — она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что Россия поставлена перед бездной и летит в бездну. Русская литература XIX века свидетельствует о совершающейся внутренней революции, о надвигающейся революции”¹.

Такие гиганты, как Пушкин и Лермонтов, Лев Толстой и Достоевский, Блок и Тютчев, предсказали то, чему мы стали потом свидетелями.

Шестнадцатилетний Лермонтов написал стихотворение, которое так и называлось “Предсказание”.

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек;
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в его руке булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.²*

В начале XX века великий поэт Александр Блок написал цикл стихотворений “На поле Куликовом”, который был посвящен России и носил, несомненно, пророческий характер. Вот несколько фрагментов из этого цикла:

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 63.

² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. М., 1957. Т. I. С. 161.

*И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...
И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!¹*

И еще:

*Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.*

*За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.*

*Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.*

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!²*

И наконец, еще одно стихотворение, которое так и называется “Россия”, одно из самых пронзительных и пророческих стихотворений поэта, все пронизанное такой любовью к своей стране, что становится страшно за самого поэта...

*Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются илеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...*

¹ Блок Александр. Сочинения. М., 1955. Т. I. С. 285.

² Блок Александр. Сочинения. М., 1955. Т. I. С. 288.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!*

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!*

*Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинеешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...*

*Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес да поле,
Да плат узорный до бровей...¹*

Вот в этих не полностью приведенных стихотворениях мы видим отблеск вечности той России, в которой заключено все: ее Дух и материя, ее история и эволюция. Именно Блок, как поэт, более чем кто-либо из его современников, обладал великой способностью отразить точно и влито в земных стихах свое высокое духовное “небо”.

Говоря о пророческом характере русской литературы, предшествующей драматическим событиям XX века, нельзя не упомянуть гениальную “Легенду о Великом Инквизиторе” Достоевского, вплетенную им в ткань повествования романа “Братья Карамазовы”. Ее рассказывает Иван Карамазов Алеше. В основе легенды лежит вымышленный монолог Великого Инквизитора перед Христом, вновь пришедшим на землю. История мировой литературы не знает ничего подобного. В “Легенде” заключен главный и важнейший смысл исторического пути человечества. Смысл этот — свобода, закономерности ее развития и действия в человеческом обществе. Свобода Духа, о которой говорил Христос, противопоставлена тем “хлебам”, которыми Великий Инквизитор хочет накормить свою паству. Достоевский почувствовал и ощутил своим духовным “небом” самую болезненную и самую трагическую точку человеческой истории — материальную цену свободы и те последствия, которые возникают, когда эта цена заплачена. В “Легенде о Великом Инквизиторе” сказано все о том, через что мы прошли и идем в российском пространстве XX века. В ней показан исторический и в значительной степени психологический механизм самой бездуховной государственной системы, получившей в XX веке название — тоталитаризм.

¹ Там же, С. 296-297.

Я процитирую лишь два фрагмента из “Легенды”, чтобы показать, каким глубоким было проникновение Достоевского в человеческую природу, которая стала полем столкновения таких принципиальных явлений космического значения, как Дух и материя, Свет и тьма, свобода и принуждение, Учение и церковь.

“Знаешь ли ты, — говорит Великий Инквизитор, обращаясь к Христу, — что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. “Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!” — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой. На месте храма твоего воздвигнется здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же ты бы мог избежать этой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своею башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: “Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали”. И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя твое, и солжем, что во имя твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “Лучше поработите нас, но накормите нас”. Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделить между собою! <...> Взгляни же, что сделал ты далее. И все опять во имя свободы! Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя — о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав”¹.

В таком столкновении земного и небесного мы видим будущее зарождение двух потоков, которые впоследствии выйдут на поверхность и сформируют цели Духовной революции и социальной, мировоззрение той и другой.

Русская литература XIX века несла правду о судьбе России, ее грядущей истории, движениях ее национального духа.

Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Лев Толстой, Островский и Чехов, Лесков и Тургенев, Гончаров и Некрасов — блестящая плеяда писателей мирового значения. Они вводили в культурный оборот страны новые понятия, новые этические и эстетические меры. “Красота спасет мир”, — скажет Достоевский. И как бы в ответ на это последуют удивительные

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 9. С. 317-320.

живописные полотна великих русских художников Репина и Сурикова, Поленова и Левитана, Врубеля и Верещагина, Шишкина и, наконец, совсем еще молодого Рериха. Такие понятия, как Красота, Любовь и Свет, вошли в духовный обиход России через искусство, в самом широком смысле этого слова. Оно приготовило и взрыхлило почву для грядущей Духовной революции, которая должна была изменить структуру человеческого сознания. “Только искусство выводит нас, — утверждал один из известных писателей России Всеволод Иванов, — из этого замкнутого круга нашего существования, только оно дает нам крылья, отрывает нас от силы этого земного притяжения, а также и от границ пространственно-временных, показывая бескрайние, невыразимые словами перспективы.

Россия первая из всего мира создала это объединительное значение искусства. Все взлеты, все падения своей изумительной судьбы, все ее чаяния, предчувствия ее души, ее пророческие вдохновения черпала она из искусства”¹.

Искусство в российском энергетическом пространстве становилось средством или методом познания окружающей действительности. Его красота, его нездешняя глубина преображала внутренний мир человека так же, как это могут делать философские или научные идеи.

Пожалуй, среди выдающихся деятелей русской культуры, которые начали свой творческий путь в XIX веке, Рерих был первым, кто осознал значение искусства как одного из устоев духовной жизни народа, как его эволюционную основу, и с этим осознанием перешел в XX век, чтобы оказаться глашатаем нового мышления Планеты, выразителем тех эволюционных изменений, которые несла человечеству Духовная революция. Он становится художником-мыслителем, редчайшее, новое сочетание, которое позже и определит его собственный выбор и свяжет его имя самым тесным образом с новым философским учением XX века. Энергетический импульс, который шел от Рериха как творческой личности, создающей Красоту и возбуждающей мысль, был одним из формообразующих факторов Духовной революции, которая начиналась в России на заре XX века. Осознавая роль России в этом меняющемся мире и тонко чувствуя энергетику наступающего времени, Николай Константинович нес через свое искусство, через свои мысли то, что станет потом фундаментом нового мышления, — Культуру и Красоту. Он как бы заново перечитывал историю России, выбирая в ней те моменты, которые имели непреходящее значение, — труд, созидательное устремление, подвиг, героизм. В нем самом и в его искусстве жило предчувствие или предвестие Нового Учения и нового мышления. Расплывчатая мечта Странника Светлого Града обретала ясные и твердые формы. Оценивая роль Рериха в становлении нового мышления, Всеволод Иванов писал:

“Человеческий дух похож на электрическую лампочку, ее смысл — горение. Но ни спичкой, ни угольком нельзя зажечь этой изолированной

¹ *Иванов Вс.* Рерих. Рига, 1992. С. 92-93.

сферы; ее нужно включить в живую, внутреннюю сеть некоего вселенского тока. И тогда она засветит ярко.

Рерих делает именно это. Он приобщает человечество к генератору тока, к динамо-машине великого тока — к России.

Петр Великий открыл России окно на Запад.

Рерих открыл миру окно в Россию, окно на Восток”¹.

Начало XX века было озарено огнем первой мировой войны, который запыхал на фоне уже начинавшейся Духовной революции. Взаимодействие этих двух энергетических систем сообщило духовный импульс одной и привело к бесславному разрушительному концу другую. Первый результат был замечен немногими, второй — коснулся миллионов, ввергнув их в страдания, нищету и кровь. “С 1914 г., — писал Н.К.Рерих, — человечество пришло в космическое беспокойство <...> Все поднялось. Все поехало”². Ощущая это “космическое беспокойство”, Рерих понимал, что судьбы народов приведены в движение таинственными энергетическими изменениями, произошедшими в самом Космосе. “Космическое беспокойство” предвещало не только войну, но и качественные эволюционные изменения. Художник тогда написал несколько пророческих полотен, сюжеты которых получили реальное истолкование позже.

В то же время другой мыслитель, чьи корни уходили в философию Серебряного века, Н.А.Бердяев, отмечал почти те же самые обстоятельства: “Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения”³.

В космической оценке событий первой мировой войны сошлись две крупнейшие личности русской культуры: художник Рерих и философ Бердяев. Оба глубоко понимали сложнейшие энергетические процессы Духовной революции.

В таком смыкании мыслей и интуиции того и другого была своя эволюционная закономерность, которая свидетельствовала о том, что силы и индивидуальности, причастные к Духовной революции, уже начали проявляться. Война способствовала этому и ускоряла те духовные процессы, которые в начале XX века едва только забрезжили.

Н.А.Бердяев достойно представлял блестящую плеяду русских философов Серебряного века, в которую входили такие выдающиеся мыслители, как П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин, В.С.Соловьев и другие. Мысль этих философов как бы вышла из лона русской литературы и искусства XIX века и синтезировала в себе все то, что внесли последние в духовное поле России. Работы русских мыслителей были самобытны, в них отсутствовало традиционное подражание западным школам. Отойдя от

¹ Там же, С. 66-67.

² Рерих Н.К. Пути Благословения. Париж, 1924. С. 91.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 114.

мелких политических моментов, от вопросов рутинного бытия, русские философы поставили в центре своих исследований человека, особенности его духа, эволюционную его судьбу и роль Высшего во всем этом. Старое мышление с его традиционными подходами уже не могло ответить на многие вопросы, которые ставили перед Россией и миром события космического масштаба. Философы Серебряного века ощущали это со всей остротой, над ними уже неслись космические ветры Духовной революции. Русские мыслители переходили “в иное идейное измерение”¹. Это “идейное измерение” было связано с новыми подходами к проблемам Духа, материи, Космоса.

“Углубленное сознание, — писал Н.А.Бердяев, — должно прийти к идее космической общности, то есть общности, размыкающейся и вступающей в единение с мировым целым, с мировыми энергиями”².

И еще: “Сильный космический ветер колеблет все страны, народы и культуры. Чтобы устоять от этого ветра, нужна большая духовная сосредоточенность и углубленность, нужно религиозное переживание исторических катастроф”³. Бердяев писал эти строки во время первой мировой войны, хорошо понимая, что в Космосе и на планете Земля происходит какой-то энергетический сдвиг, который повлечет за собой неизбежные нарушения в социальной, культурной и духовной сфере всего человечества. Он прозревал ту энергетическую целостность Мироздания, которая пронизывает все человеческое бытие, и понимал, что, если человечество не примет новый уровень сознания, новое осмысление космических процессов, оно столкнется с социальными и духовными катастрофами, которые ввергнут его в серию затяжных и тяжелых кризисов. Но старое не хотело верить в реальность этого нового, оно укрывалось от “космических ветров” в теплых глубинах косной материи привычной жизни, не понимая, что это и есть самое ненадежное укрытие от тревог и волнений уже пришедшего в движение мира. Старое стремилось остановить это движение, сопротивлялось ему. Однако сопротивление приводило лишь к обострению противоречий между новым и старым, усиливало их противостояние. Новое и старое, Свет и тьма, Дух и косная материя — вот те противоположения, энергетика взаимодействия которых постепенно заполняла духовно-культурное пространство России. Главная магистраль эволюции проходила теперь в России. “Чтобы добыть свет в нахлынувшей на мир тьме, необходимо космическое углубление сознания. Если остаться на поверхности жизни, то тьма поглотит нас”⁴. Борьба с тьмой за новое сознание и мышление разворачивалась на вершинах человеческого духа, эволюционная судьба самого человечества определялась именно там. Все, что происходило “внизу”, несмотря на кажущуюся значимость, имело характер следствий. Причина уходила к этим вершинам, к космическим

¹ Там же, С. 89.

² Там же, С. 141.

³ Там же, С. 122.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., С. 143.

горизонтам, сопрягаясь с энергетикой внутренней жизни самого человека. “Вершина человечества, — писал Бердяев, — вступила уже в ночь нового средневековья, когда солнце должно засветиться внутри нас и привести к новому дню”¹.

Наряду с новой философией, в России формировалась и новая научная мысль, тесно связанная с научным “взрывом” 20-х годов, который был неотъемлемой частью Духовной революции, разворачивавшейся в духовно-культурном пространстве России. “Взрыв” разрушил старые представления, начался процесс пересмотра ценностей и создания новой модели Вселенной, которая уже не отвечала традиционной научной методологии. В работах наиболее талантливых, интуитивно развитых ученых, таких, как В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, В.М.Бехтерев и другие, формировался целостный подход к явлениям природы и человеческого общества. Ученые обращали внимание на забытые мысли древних мудрецов о тесном взаимодействии человека, планеты, Космоса, о фундаментальном единстве макро и микрокосма. Эти мысли находили подтверждения в научных открытиях. Путаясь в концепциях узкого материализма, традиционная наука не могла объяснить многого из того, что к началу XX века уже стало научной реальностью. Наиболее талантливые и смелые ученые России и Запада обратились к умозрительной философии Востока. Это привело к “онаучиванию” духовных достижений древней культуры Востока и началу процесса одухотворения самой науки. Новое космическое мироощущение вводило в науку категории Высшего, приближало к изучению иных состояний материи и заставляло искать экспериментальные подтверждения существования невидимых миров.

Пробиваясь сквозь новую, еще неведомую информацию, непредвзято мыслящие исследователи нащупывали первые вехи грядущего энергетического мировоззрения. Они понимали, что единство человека, планеты, Вселенной, о котором знали еще в древности, есть энергетическое единство. В те годы В.И. Вернадский уже писал о необходимости новой науки, “более современной, чем современная, более терпимой к новым идеям и новым завоеваниям человеческого гения”². Он склонялся к тому, что жизнь, как таковая, является “космическим выражением реальности, каким является пространство-время, материя и энергия”³. Вернадский и те ученые, которые шли в едином русле научной мысли с ним, смотрели уже по-иному на научную методологию, расширяли ее рамки до осознания реальности космической Беспредельности. “Научно *понять* — значит установить явление в рамки научной реальности космоса”⁴. Вернадский в своих исследованиях и размышлениях четко поворачивался в сторону явлений, которые не признавались ортодоксальной наукой и особенно теми, которые придерживались марксистской методологии. “Интуиция, вдохновение —

¹ Там же, С. 88.

² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. II. С. 23.

³ Там же, С. 32.

⁴ Там же, С. 31.

основа величайших научных открытий, — писал великий русский ученый, — в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, — не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание”¹.

Космическое мироощущение, которое стало формироваться в русской научной мысли, привело ее к выходу на явления высшего порядка, которые до сего времени являлись монополией лишь религии. Резкие границы между ортодоксальной наукой и тем, что нельзя было еще объяснить этой наукой, как бы размывались, направляя поток научной мысли к синтезу в пределах различных проявлений космо-планетарного характера. Учение Вернадского о биосфере и ноосфере было плодом нового мышления на уровне “эволюции, осознавшей себя”. Ноосфера, или сфера Разума, следующий, высший этап в развитии биосферы земли, — есть результат сознательной мыслительной деятельности человека. Формирование ноосферы идет через великое противостояние созидательной мысли силам разрушения. Только такая мысль, обретшая планетарный характер, в состоянии завершить созидание сферы Разума и предоставить человечеству возможность перейти на новый, более высокий виток своей эволюции.

Этизированная и одухотворенная научная мысль, Культура, в ее истинном значении, революционные изменения в социальных отношениях, усовершенствование средств связи и информации, нарастающая интенсивность общения между народами — все это факторы, содействующие созиданию ноосферы и объединяющие человечество. Войны, насилие и разрушение стояли на пути такого созидания. “Пока войны не ликвидированы, — писал крупный русский ученый академик А.Л.Яншин, - биосфера еще не может стать на всей поверхности земли сферой разумной человеческой деятельности”². И как бы прозревая будущее и отзываясь на мысли Вернадского, гениальный Циолковский писал: “Все будет в руках тех грядущих людей — все науки, религии, верования, техника, словом, все возможности, — и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегали мы — еще злостные невежды — данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности”³. Человек переставал быть лишь социально-биологическим объектом, он становился космической сущностью, несущей в себе всю сложность энергетики Вселенной. Пугая ортодоксальных материалистов, К.Э.Циолковский писал и говорил об одухотворенном Космосе, о разумных силах в нем, о неборимой воле Вселенной, об иерархии высокоразвитых существ. Он утверждал, что материя будущего человечества, пройдя через многие ступени Космической эволюции, обретет качества лучистой энергии. “Воля человека, — отмечал ученый, — и всяких

¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. II. С. 111.

² Журнал “Знание - сила”, 1985, № 1. С. 13.

³ Журнал “Химия и жизнь”, 1978, №1. С. 29.

других существ — высших и низших — есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия истины и заблуждения есть только голос Вселенной”¹. Циолковский как бы слушал Вселенную и нес долетавшие до него знания людям своего века.

Тем временем А.Л.Чижевский вычерчивал кривые влияния космических тел на человека и улавливал в их ломких линиях проявление каких-то загадочных ритмов. Картина, возникавшая в результате исследований, поражала ученого. “И вот при виде всех этих дружно вздымающихся и дружно падающих кривых наше воображение представляет себе животрепещущую динамику космотеллурической среды в виде безграничного океана, покрытого рядами нарастающих и рушащихся волн, среди которых жизнь и поведение отдельного организма уподобляются незаметной и безвольной щепке, повинующейся в своем поведении, как и в настоящем океане, всем капризам окружающей его физической стихии”². Старые узкие представления о взаимодействиях с Космосом рушились. Возникла новая картина единства того, что происходило в Космосе, с теми процессами, которые шли на земле. Ученый хорошо понимал это единство и в вычерченных им кривых угадывал богатство взаимодействия, казалось бы, несоотносимых величин — Космоса и человека. Он писал о великой электромагнитной жизни Вселенной, закладывая первые кирпичи в фундамент энергетического мировоззрения XX века. “Эта жизнь, — утверждал он, — имеет свой пульс, свои периоды и ритмы. Наука будущего должна будет решить вопрос, где зарождаются и откуда исходят эти ритмы”³. Подводя итоги своих необычных исследований, Чижевский писал: “Из сказанного следует заключить, что есть некоторая внеземная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служит лучшим указанием на эту силу”⁴.

Новая информация шла с разных сторон, зарождалась в различных пластах духовно-культурного поля, чтобы потом стянуться в один узел, собраться в единую энергетическую точку эволюционного импульса. Так мысль, питаемая энергией Космоса, формировала и готовила новое сознание человечества. Если движения в научной и философской мысли находились как бы на поверхности, были видны и ощутимы, то в глубине энергетического эволюционного поля происходил тот таинственный невидимый процесс, который питался истоком тонких энергий и иных состояний материи. Именно там формировался энергетический импульс, который был необходим для дальнейшего продвижения мышления и сознания человечества. Когда оба пространства, видимое и невидимое, соприкоснулись, то в точке соприкосновения энергетический импульс обрел форму нового Учения, которое притянуло к себе все, что к этому времени

¹ Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928. С. 14.

² Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 34.

³ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 30.

⁴ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 62.

уже было наработано человеческой мыслью: художественной, философской и научной. Притянуло, синтезировало и указало дальнейшие пути развития Духовной революции на планете Земля. Учение называлось Живая Этика. Первая строка первой книги Учения гласила: “В Новую Россию Моя первая весть”¹. Книги начали публиковаться в 20-е годы нашего столетия. И к их записи, и к их публикации имели отношение опять-таки наши соотечественники Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи. Их не было в это время в России, но они работали для России и во имя ее совершили тот духовный и эволюционный подвиг, который дал возможность многим из нас приблизиться к новому планетарному мышлению. Их Наставниками и Учителями были Космические Иерархи, те самые Разумные силы Вселенной, о которых писал Циолковский и которые в силу своих знаний и способностей влияли на эволюцию, создавая духовно-энергетические условия для дальнейшего восхождения человечества. Елена Ивановна записала и обработала сообщенные ей Учителями тексты, Николай Константинович отобразил идеи Учения в прекрасных художественных полотнах. И тот и другой внесли великий вклад в формирование нового мышления и нового сознания современного человечества.

Создатели Живой Этики шире, чем современная наука, трактовали такие фундаментальные понятия, как материя, Дух, энергия, и рассматривали Мироздание как грандиозную и беспредельную систему одухотворенного Космоса, включающую в себя множество энергетических структур, в том числе и человека. Они давали представление о взаимодействии этих структур и влиянии такого взаимодействия на Космическую эволюцию, энергетические “коридоры” которой пронизывают беспредельное пространство.

“Что такое эволюция — теория, система, гипотеза? — несколько позже напишет крупнейший французский ученый и мыслитель Тейяр де Шарден, как бы отзываясь на те движения мысли, которые происходили на планете. — Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она — основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, — вот что такое эволюция”².

Именно закономерностям Космической эволюции, в которой смыкались “все линии” человеческого существования, и была посвящена Живая Этика. Такой подход требовал и иного, космического мироощущения, которое пронизывало все положения нового Учения.

Идеи Живой Этики не были ни отвлеченными, ни абстрактными. Сложившись в природном космическом потоке, вобрав в себя самое ценное из прошлого и настоящего человечества, объединив в себе мысль Запада и Востока, они несли в себе огромный энергетический заряд действенности, устремляя человечество к будущему, к переходу на новый эволюционный

¹ Листы Сада Мории. Книга первая. Зов.

² Тейяр де Шарден Пьер Феномен человека. М., 1987. С. 175

виток, к духовному совершенствованию и эволюционному продвижению. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствовала такому пониманию человеком событий, “которое бы отражало суть и основу всей Вселенной” — по словам самого Рериха. Осмысливая место человека в системе Космической эволюции, создатели Живой Этики утверждали, что “человек является источником знания и самым мощным претворителем Космических Сил”¹. Человек в своем бытии не может быть отделен, обособлен от энергетической структуры Космоса. Он несет ее в себе и поэтому живет по тем же законам, что и Космос. Взаимодействие энергетических структур мироздания в процессе их энергообмена с человеком является главной движущей силой его Космической эволюции. Сам этот процесс обширен, сложен и мало изучен современной наукой. Однако лишь в результате него происходят те вспышки энергии, которые двигают человечество. Человек вступает в энергообмен с себе подобными, объектами, находящимися на поверхности планеты, с самой планетой, а также с иными космическими телами, в первую очередь с Солнцем, планетами солнечной системы, созвездиями Зодиака, созвездием Орион и, наконец, с мирами иных измерений и иных состояний материи. В результате такого обмена энергетический потенциал человека и космических тел меняется и создает условия для их эволюционного продвижения. Сама же энергетика есть первопричина всех процессов, происходящих в Космосе. Она же играет основную роль и в переходе человека от состояния объекта эволюции к состоянию ее субъекта. Расстояние, отделяющее объект эволюции от ее субъекта, есть путь духовно-культурного совершенствования человека, в итоге которого совершается переход от пассивного и несознательного участия человека в эволюции к активному и осознанному. Человек обретает способности влиять, соблюдая Великие законы Космоса, на ход и качество эволюции. Из тех, кто стал сознательным субъектом эволюции, и состоит Иерархия одушевленного Космоса, представленная на Земле Учителями.

Эволюционные процессы Космоса развиваются согласно объективным Великим законам Космоса. Сочетания этих законов определяют общие и частные цели эволюции. Все законы Космоса свидетельствуют о приоритете Духа, который создатели Живой Этики рассматривают как силу природы и энергетическое явление. Искра этого Духа находится в каждом человеке и живет и действует в нем согласно Великим законам Космоса, с одной стороны, и, с другой — свободе его воли. Главной задачей самой эволюции является одухотворение материи, повышение ее энергетики и последующее ее утончение и изменение. Этого можно достигнуть лишь с помощью такой силы, как Дух. В процессе утончения и одухотворения материи направление синтеза является главным магистральным путем.

Такие же явления, как Культура и возникающие в ее пространстве любовь и красота, несущие в себе тонкую и высоковибрационную энергетику, и, наконец, сама психическая энергия человека являются

¹ Мир Огненный, III, 306.

опорами эволюции и определяют ее качество. Отсутствие по тем или иным причинам таких опор прерывает путь Космической эволюции и уводит в воронку инволюции. Новый подход к Культуре как устою эволюции, который мы находим на страницах Живой Этики, дал возможность Николаю Константиновичу Рериху и ряду философов Серебряного века поставить вопрос об онтологическом содержании понятий “Культура” и “цивилизация”. “Многозначительно приходится повторять понятие о Культуре и цивилизации, — писал Н.К. Рерих. — К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова “культура” цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень “культ” имеет очень глубокое духовное значение, тогда как “цивилизация” в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни”¹. Если Культура есть дух творческой деятельности человека, то цивилизация, или попросту обустройство жизни человека во всех ее материальных, гражданских аспектах, есть материя этой деятельности. Оба эти вида деятельности, казалось бы так тесно связанные между собой, имеют различные источники возникновения и различный смысл своего существа и назначения. Отождествление цивилизации и Культуры приводит к путанице основных понятий, к недооценке духовного фактора в истории человечества. Подмена одного понятия другим, что случается часто, дает возможность навязывать Культуре несвойственные ей функции, а цивилизации приписывать то, что совсем не было для нее характерным. Н.А. Бердяев, чьи взгляды во многом совпадали с рериховскими, определял Культуру следующим образом: “Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще неразвернутой и недифференцированной. Древнейшая из культур — культура Египта началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знания и подобию иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями”². Рерих не только разворачивает и углубляет особенности Культуры, подмеченные Бердяевым, но и вводит многие, неизвестные нам до него, понятия и определения. “Культура, — пишет он в одном из очерков, — есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура

¹ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994. С. 108-109.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты”¹. К области Культуры мы можем отнести те проявления человеческого духа, которые как бы сами изливались из таинственных глубин человека, носили природный характер и были естественны для него. Песня и музыка, художество во всех его проявлениях, различные культы, этические моменты, поэзия и многое другое, казалось, появились вместе с человеком, росли и развивались параллельно с его сознанием. Культура является самоорганизующейся системой Духа, действующей в согласии с уровнем и качеством энергетики этого Духа. Иными словами, самоорганизация Духа есть форма существования культуры. Новая наука, называемая синергетикой и зародившаяся в XX веке, дает некоторые наведения для выяснения закономерностей этой способности к самоорганизации. Синергетика имеет дело, в основном, с биологической самоорганизацией. На этом уровне ученым удалось нащупать некий универсальный принцип, имеющий отношение к любой энергетической структуре, и к Духу в том числе. В энергетическом поле Духа идут те же обменные процессы, которые составляют основу всех космических явлений, начиная от человеческого общества и кончая межзвездным веществом. Специфика такого энергообмена складывает или превращает Дух в систему Культуры. Синергетика справедливо утверждает, что самоорганизации поддаются лишь открытые системы.

Наряду с этим важным условием для начала процесса самоорганизации, в какой бы среде он ни шел, является исходное отклонение от равновесия. Такое отклонение может происходить в результате направленного энергетического воздействия извне или возникать внутри самой системы. Раз уж мы обратились к открытиям современной науки, то следует еще упомянуть теорему Маккалока—Литса, одну из важнейших теорем в кибернетике: промоделировать некую сложную самоорганизующуюся систему может только система на порядок более сложная.

В этих положениях заключаются основные принципиальные закономерности формирования Культуры как самоорганизующейся системы Духа. Условно мы их можем считать объективными и субъективными. Объективные закономерности действуют на уровне регулярных процессов энергообмена, субъективные же связаны с более сложными явлениями, имеющими отношение к высоким самоорганизующимся системам, способным к направленному энергетическому воздействию. И объективные, и субъективные факторы в формировании и развитии Культуры как самоорганизующейся системы Духа постоянно взаимодействуют. Если объективные двигатели Культуры мы можем отнести к условно называемым природным явлениям, то субъективные, я не ошибусь в этом, связаны с субъектами Космической эволюции, которые Живая Этика называет Иерархией Света. Деятельность космических Иерархов, участвующих в

¹ *Рерих Н.К.* Твердыня Пламенная. Париж, 1933. С. 93.

эволюции человечества, проявляется, в первую очередь, в области Культуры, которая является энергетическим сердцем этой эволюции.

Воздействие подобного рода можно проследить в истории человечества с древнейших времен и по сегодняшний день. Культурные герои мифов и легенд, мудрецы, Учителя, анонимные и исторические, религиозные наставники и, наконец, создатели духовно-этических учений — все они были связаны с космическими Иерархиями и сами в ряде случаев являлись субъектами Космической эволюции, то есть теми, кто сознательно воздействовал на ход эволюции человечества. Культура “есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции”¹, — писал Рерих. — “Культура покоится на Красоте и Знании. Растет она осознанием благословения Иерархии Света. Значит, к познанию механическому нужно добавить огонь сердца. В этом будет уже первое отличие Культуры от цивилизации”².

Называя Культуру “Садом Прекрасным”, Рерих ставит в ней на первое место Красоту. “Осознание Красоты спасет мир”, — повторит он с небольшой поправкой слова Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл Космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от системы к Красоте. Красота, как категория Духа, утончает материю жизни и энергетику человека. Созерцание Красоты формирует в человеке “философское и утонченное созерцание мира”.³ Культура, как таковая, не существует без творчества, ибо именно творчество и есть та энергетическая сердцевина, без которой самоорганизующаяся система Духа не может продвигаться от простого к сложному, от плотного состояния к утонченному. Творчество роднит земного человека с Богом-творцом и указывает ему (человеку) тем самым эволюционный путь в звездных пространствах Космоса. Именно творчество как явление Культуры, в самом его широком смысле, дает возможность сотрудничества с высокой космической Иерархией. Энергетически усиленное “языком сердца”, оно рождает для человека возможность прорыва в неизведанное, в Беспредельность. Культура не может существовать без естественной связи с Высшим. Ее самоорганизующаяся система формируется под непосредственным влиянием контактов с мирами иного состояния материи, иных измерений. Как писал Бердяев, в ней “даны знания и подобию иной духовной действительности” Эта “иная духовная действительность” вошла в человека с первыми искрами его сознания, с первыми формами его творчества. XX век дает нам огромный материал различного рода связей с этой “иной духовной действительностью”. Энергии, которые в результате сложнейших энергообменных процессов, идущих в Космосе, приближаются к Земле, могут выполнить свою позитивную роль, лишь пройдя поле Культуры, где сосредоточен высокий духовный потенциал, необходимый для принятия такого рода энергий. Энергии, приблизившиеся к Земле, но не

¹ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Париж, 1933 С. 77.

² Рерих Н.К. Культура и цивилизация М., 1994 С. 60-61.

³ Рерих Н.К. Листы дневника. М., 1995. Т. II С. 144.

встретившие на своем пути смягчающих духовно-энергетических структур, способных снизить их напряжение, могут обрести разрушительный характер.

Живая Этика, учение, открывшее нам энергетическое мировоззрение, говорит о высших Мирах — Тонком и Огненном, под воздействием которых находятся многие явления на Земле и элементы которых входят в нашу Культуру. Новый период существования Земли, наступающий с очередным эволюционным витком, еще более усилит нашу связь с “иной духовной действительностью”. Рерих, обращая наше внимание на это обстоятельство, приводит один из параграфов Живой Этики: “Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль”¹. Эта ступень творящей мысли и есть один из этапов Космической эволюции человечества, к которой нас готовит лишь Культура как форма существования Духа на нашей планете. Иного пути в Космическую эволюцию нет. Те, кто не в состоянии идти по этому нелегкому и сложному пути, выпадают из эволюционного коридора, предназначенного нашей планете. Их подхватит спираль инволюции, бросит вниз и вновь заставит подниматься путем страдальческим и мученическим. Великие законы Космоса неумолимы, а энергетические процессы, идущие в нем, необратимы.

“...Немногие понимают, что Культура, как таковая, по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах, и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны и, кто знает, может быть, даже еще труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи”². Земная материя, в какой бы форме она ни пребывала, своей энергетикой сопротивляется этому восхождению, не желая выходить из комфортного состояния инерции, всячески мешая тому процессу собственного утончения, к которому стремится динамичный и бессмертный дух. Но не материя формы держит Дух, а нетленный и неразрушимый Дух держит эту материю и обеспечивает ей возможность нового возрождения.

Цивилизация есть обустройство жизни, связанное с рукотворчеством — главной формой деятельности материи в нашем плотном мире. В истории человечества возникали и складывались различные типы цивилизаций. Их характер определялся, в первую очередь, уровнем взаимодействия с Культурой, ибо сама цивилизация возникает на энергетическом поле Культуры. Процесс этот еще не изучен, так же как еще не осмыслен характер самой Культуры. Можно только сказать, что во многих случаях ранние цивилизации создавались и развивались вместе с Культурой и активно взаимодействовали с ней. На этих этапах цивилизация являлась как бы оправой драгоценного камня Культуры, и соответствие такой оправы самому камню или степень их гармонии определяли качество того или иного этапа человеческой истории, его духовность и культурность. Временами оправы

¹ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994 С. 98.

² Там же, С. 53.

изнашивалась, разрушалась в силу разных обстоятельств, и тогда сам камень отдавался во власть стихий, часто низких. Временами цивилизация отдалялась от Культуры или приближалась к ней, но никогда, на протяжении последних двух тысячелетий, да и ранее не существовала отдельно от нее. Полный отход цивилизации от Культуры — особенность лишь XX века, стоящего на пороге новых эволюционных изменений в жизни планеты. Представляя, в отличие от Культуры, смертную, преходящую материю человеческой жизни, цивилизации приходили и уходили, возникали и разрушались, в то время как вечный дух Культуры, носителем которой являлось человечество в целом, оставался, проходил свои циклы развития через многие поколения, расширяя энергетические возможности их дальнейшей эволюции.

Большинство современных философов и культурологов, вне зависимости от того, отделяют ли они Культуру от цивилизации или нет, пишут в основном о цивилизации XX века и ее особенностях. Наиболее значительны, на мой взгляд, исследования Н.А. Бердяева. “Цивилизация, в противоположность Culture, — отмечал он, — не религиозна уже по своей основе, в ней побеждает разум “просвещения”, но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация, в противоположность Culture, не символична, не иерархична, не органична. Она хочет не символических, а “реалистических” достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров <...> Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни <...> Соотношение между целями и средствами жизни перемешивается и извращается”¹.

Рерих обращает наше внимание на то, что во взаимодействии Культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать Culture, что избавит цивилизацию от многих искажений, ей угрожающих. “Будем помнить завет Света, — пишет он, — что прежде всего самое важное для нас будет Дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте богатство”. В энергетически цельной структуре Мироздания, управляемой Великими законами Космоса, пульсируют Дух и материя, и, стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются, то удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета Culture, и цивилизация становится “культурной”, то берет верх материальная цивилизация, и Culture отходит на второй план, подчас не будучи в состоянии влиять на цивилизацию. Нарушение равновесия между Culture и цивилизацией, Духом и материей человеческого бытия привели к острому кризису цивилизации XX века. Материя, по ряду причин, заняла господствующее положение, выразив себя в техногенной бездуховной цивилизации. Последняя использовала мощные технические средства, забыв о нравственном значении такого использования. Создатели Живой Этики более, чем кто-либо на земле, понимали

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 168-169.

критическое положение планеты и, в связи с этим обстоятельством, возможность наступления катастрофы. В Учении самым широким образом была поставлена проблема Культуры как средства спасения планеты от грядущих губительных катаклизмов. Живая Этика аргументированно и убедительно показала, что регулярное нарушение человечеством Великих законов Космоса завело его в тупик, чреватый губительными энергетическими взрывами. Было ясно, что только сближение Духа и материи человеческого бытия даст импульс процессу одухотворения последней. Сближение должно завершиться синтезом. И только синтез может привести систему “Культура — цивилизация” в состояние, которое будет соответствовать магистральному направлению развития Космической эволюции. В конце концов, целью эволюции в нашем плотном мире является сближение Духа и материи, достижение между ними гармонии на определенном этапе и, наконец, их синтез, который приведет к созданию одухотворенной материи и повысит ее энергетический уровень. Этот синтез, как утверждал Рерих, изменит смысл цивилизации, одухотворит ее и превратит Культуру и цивилизацию в целостное явление, но действующее уже на более высоком уровне, нежели в своем изначальном варианте. “Благодетельный Синтез, — писал Рерих, — поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия, и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или неприменимою неуклюжестью, или просто смешным, с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий”¹. В настоятельной необходимости такого синтеза была заключена и разгадка, казалось бы, неожиданного совпадения в пространстве России двух революций — Духовной и социальной. Совпадение носило эволюционный характер, отвечало космическому плану Иерархов и содержало в себе возможность синтеза Культуры и цивилизации как основы построения Нового Мира, о котором писала Живая Этика. Но это была лишь возможность, реализация которой зависела от свободной воли участников этих революций и от уровня их сознания. Все, что происходит на Земле, определяется процессами Космической эволюции, ее законами и особенностями. Этим же, а не “способом производства” обуславливается и земной исторический процесс, энергетическая причина которого действует в сложнейшей гамме космических процессов.

“Если бы вместо мнимых нововведений, — отмечали Учителя, — и установлений человечество обратило внимание на Законы Космические, можно было бы установить равновесие, которое все больше и больше нарушается, начиная с закона зарождения и до космического завершения. Законы утвержденные едины. На всех планах можно утвердить единство. Путь эволюции проходит, как нить, через все физические и духовные степени. Потому государственный и общественный строй могут применить все Космические Законы для усовершенствования своих форм”².

¹ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994. С. 111.

² Мир Огненный, III, 65.

Из положений Живой Этики явствовало, что исторический процесс, идущий на планете, также носит естественно-космический характер. Осмыслить этот характер во всем его богатстве — значит правильно понять закономерности и особенности развития человечества в прошлом, осознать цели этого развития в настоящем и познать основные направления нашего будущего. Из всех существовавших и существующих теорий и концепций исторического процесса наиболее полными и реальными являлись концепция Живой Этики и созвучные ей философские и научные накопления, о которых уже было упомянуто.

“Великолепие полярных сияний, — писал А.Л.Чижевский, — цветение розы, творческая работа, мысль — все это проявление лучистой энергии Солнца”¹.

“Огонь солнца и огонь духа — наши творческие силы. Теплота солнца и теплота сердца — наши жизнедатели”², — звучало со страниц книг Живой Этики. Чижевский пришел к мысли о том, что исторический процесс обусловлен энергетической деятельностью Космоса и в последнем заключена причина этого процесса. Обработав огромное количество исторического материала, ученый уловил космический ритм в человеческой истории и обнаружил в ней регулярные одиннадцатилетние циклы.

Чижевский как бы интуитивно почувствовал Космический Магнит, о котором писала Живая Этика и который он определил как “некую внеземную силу”, проявляющуюся в режимах “солнечной и человеческой деятельности”.

Исторический процесс, участниками которого мы в той или иной степени являемся, есть одна из важнейших составляющих Космической эволюции. Этот процесс формируется в пространстве взаимодействия Духа и материи и определяется энергетикой этого взаимодействия. В этом же пространстве находятся причины цикличности взлета и упадка самих исторических периодов, непосредственно связанных с эволюционными процессами одухотворения и утончения материи, а также пути совершенствования самого человека, заоблачные вершины его духовных достижений и ужасающие бездны его падений. “Тема о всемирной исторической судьбе человека, — писал Н.А.Бердяев, — есть тема об освобождении творящего человеческого духа из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабощенности низшими стихийными началами”³. Иными словами — главное наполнение исторического процесса состоит в этом взаимодействии Духа, или мира свободы, с материей, или миром необходимости. И сама эволюция, содействуя расширению пространства Духа, направлена к свободе, утончению материи и повышению качества самой энергетики.

Учителя, или Космические Иерархи, создавшие Живую Этику, в силу своих высоких знаний и способности применить их в космическом пространстве, являют пример самых блестящих историков, которым

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 28.

² Беспредельность, 79.

³ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 87.

доступны и исторические прогнозы, и реальные заключения, относящиеся к прошлым накоплениям. Сам Николай Константинович Рерих был их талантливым учеником, который занимался изучением переломных моментов человеческой истории. Такой момент, предшествующий нашему, пришелся на первое тысячелетие до новой эры, когда эволюция подтолкнула человечество к следующему витку в развитии, изменив его энергетику, образ мышления и подарив новому виду человечества нахождения, неведомые ему до этого времени. Это была заря формирования пятого энергетического вида человечества, к которому мы все принадлежим и который находится в наше время на энергетическом исходе, ибо шестой вид уже спешит нам на смену. Николай Константинович сумел выделить важнейшие моменты предшествующего переломного периода, такие, как переселения народов, в которых он уловил, в отличие от традиционных историков, ритм Космической эволюции. Он увидел в этих передвижениях бурный энергетический обмен, созидание новой энергии, необходимой для дальнейшего восхождения. Древние земледельческие цивилизации умирали, израсходовав свою энергию. Динамичный кочевой мир, возникший на основе переселений народов, принес в мир новую свежую кровь, вдохнул в него необходимые ему силы. Нечто подобное происходит и в нашем XX веке, когда сдвинулись со своих насиженных мест, используя современные средства коммуникации, массы народа в бессознательной жажде усиленного энергообмена, необходимого для дальнейшего эволюционного продвижения.

Если Космическая эволюция бесконечна в пространстве Беспредельности, представляя собой бушующий, меняющийся океан энергий, то исторический процесс имеет начало и исчерпывающий себя конец, ограниченные видом и состоянием материи, в рамках которой он происходит.

Начало исторического процесса лежит в таком сложном явлении, как мифология. В старинных исторических хрониках Востока обычно присутствовала мифологическая часть, которая многими исследователями не бралась в расчет и не считалась достойной ученого внимания. Со временем отношение к ней менялось, и уже в наше время было признано, хотя далеко не всеми, что мифология есть исток нашей истории. Мексиканский ученый Х.Л.Портильо пишет: “Религии, философские системы, искусство, общественные формы бытия примитивного и современного человека, первые научные и технические открытия, даже мучительные сновидения — все это вытекает из единого мифологического источника”¹.

“...Религиозная правда всех преданий и мифов, — писал Н.А.Бердяев, — заключается вовсе не в том, что они дают какие бы то ни было естественнонаучные или исторические познания, которые могут конкурировать с современной историей, геологией, биологией и т.д., а в том, что они символически раскрывают какие-то глубочайшие процессы, совершавшиеся за гранями, отделяющими время нашего зона от другой вечной действительности”². С такой “иной действительности” и начиналась

¹ *Портильо Х.Л.* Кецалькоатль, М., 1982. С. 174.

² *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 65.

наша история, и не учитывать этого обстоятельства — значит не понять философского смысла самого исторического процесса. Сама же мифология есть продукт Космической эволюции и результат энергетического взаимодействия Духа и материи на самых различных уровнях мироздания.

Согласно концепции Живой Этики главной энергетической структурой одушевленного Космоса является Космический Магнит, ритмы которого влияют на все процессы, идущие в Мироздании, на каком бы уровне они ни происходили. Он представляет собой как бы сердце Вселенной.

Когда мы говорим о магнитах, имеющих отношение к структурам самого Космоса, то имеем в виду, прежде всего, энергию, которая притягивает к себе другую. Одним из мощных магнитов, как утверждает Живая Этика, является Дух. Взаимодействуя с материей, он физически сцепляет и организует последнюю. Магнитом также является и сам человек, или энергетика его центров и ауры, а также планета и ее аура, или электромагнитное поле. Любой объект, пришедший в соприкосновение с энергетическим магнитом, обретает магнитные свойства. На магнитах держится весь механизм энергообмена в Космосе. “Так существует напряженная спираль Космического Магнита, — сказано в Живой Этике, — в которую входят все проявления жизни. Непреложность закона соединения всех проявлений является Магнитом творчества Космоса”¹. Космический Магнит проявляет себя на всех энергетических уровнях, взаимодействует со всеми энергетическими процессами и влияет на все стороны бытия в Космосе. “Космический Магнит есть Космическое Сердце или Сознание Венца Космического Разума, Иерархии Света. Именно Космический Магнит есть связь с высшими мирами в велении Бытия. Наша сердечная связь с Сердцем и Сознанием Высшего Иерарха нашей планеты вводит нас в мощный ток Космического Магнита”².

Вся наша Вселенная, являясь аурой Космического Магнита, живет и действует в ритме последнего. В этом ритме рождаются и умирают миры и люди, развивается Космическая эволюция, поднимаются и спадают энергетические волны. Праляйя, или Ночь Космоса, сменяется Днем Космоса. Эти два явления отражают так называемое дыхание Космического Магнита. На “вдохе” Вселенная стягивается в единый атом Ночи Космоса, на “выдохе” создается Новая Вселенная Дня Космоса, которая в глубинах своей энергетики несет потенциал и информацию умершей Вселенной. Новая Вселенная, как правило, будет выше исчезнувшей и по энергетическому потенциалу, и по качеству состояния материи.

Ритм Космического Магнита регулирует приток и отток энергий, образование и распад энергетических форм, отбор в этом общем процессе устойчивых форм. Последние, в свою очередь, образуют стабильные световые магнитные структуры, которые и переходят на другой, более высокий уровень Космической спирали. Все высокое творчество Космоса сосредоточено в Космическом Магните.

¹ Беспредельность, 256.

² Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. I. С. 344.

Человек, являясь частью Вселенной, имеет возможность взаимодействовать с Космическим Магнитом через свои первоэлементы, которые формировались под всеобъемлющим влиянием последнего. В силу этого обстоятельства взаимодействие человека с Космическим Магнитом является самым решающим моментом в его жизни, определяющим его эволюцию, путь совершенствования, качество его Духа и его творчества. Человек нес ритмы Космического Магнита в своей первоначальной энергетике, и информация, заложенная в ней, рождала в человеческом существе первые мифологические образы. С Космическим Магнитом было связано зарождение сознания в человеке, а в ритме этого Магнита он улавливал то, что называлось велением Космоса или волей Бога, которая толкала его на то или иное историческое действие. Ритм Космического Магнита звучал в переселениях народов, в завоевательных походах, в творческой мысли человека, в великих произведениях искусства, в идеях выдающихся реформаторов. Исторический процесс, как таковой, полностью подвластен Космическому Магниту. Ритмы Космического Магнита определяют исход земных войн, влияют на судьбу королевских тронов, управляют государствами.

Особое внимание Живая Этика уделила взаимодействию земного человечества с мирами иных состояний материи и иных измерений, энергетика которых самым решающим образом влияет на Космическую эволюцию человечества и его бытие.

“Величайшие подъемы духовного творчества, — писал Н.А.Бердяев, — связаны были с признанием существования иного мира, независимо от того, в какой форме это признавалось. Исключительная посюсторонность делает жизнь плоской. Замкнутость в имманентном круге этого мира есть закрепление конечности, закрытие бесконечности. Но творческий акт человеческого духа есть устремление к бесконечности, к трансцендентному, которое парадоксально должно быть признано имманентным”¹.

Из книг Живой Этики нам известно о существовании трех миров различных состояний материи, энергетически взаимодействующих друг с другом. Это мир физический, в котором мы обитаем и основу творчества которого составляет так называемое рукотворчество. Затем мир Тонкий, особое пространство мыслетворчества, и, наконец, Мир Огненный, высший из названных трех миров, мир духотворчества. Эти три мира далеко не исчерпывают всего богатства состояний материи и качества измерений, существующих в Мироздании. Ни мир Тонкий, ни Мир Огненный не доступны человеческому глазу и являются для нас невидимыми. Этим и объясняется то обстоятельство, что обычному человеку трудно поверить в их существование, несмотря даже на то, что духовно-энергетическая структура самого человека отражает это тройственное строение ближайших к нам космических миров. Космический Магнит взаимодействует с мирами самых различных измерений и является как бы мостом между ними, или их главным связующим звеном. Энергетическое влияние Высших Миров необходимо

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 312-313.

учитывать при исследовании любого земного явления, которое связано с деятельностью человека, в том числе и исторического процесса. Энергетика Высших Миров есть причина зарождения нашей планеты и возникновения жизни на ней, формирования нашего исторического процесса.

“Правильно думать, что между земным планом и Миром Огненным существует координация, только незримы причины всех развитий <...> Истинно, все творящие энергии повторяются на земном плане и в Мире Огненном. Ток есть единый провод, только люди не могут всегда понять истинное значение действия”¹ — так сказано в одной из книг Живой Этики.

Этот “единый провод” соединяет Высшее с внутренними энергетическими структурами человека, и по нему же идет сложнейший и тончайший энергообмен между человеком и подчас неведомым ему Высшим Миром.

Внутренний, глубинный характер взаимодействия человека с Высшими Мирами делает это взаимодействие одним из важнейших, а иногда и решающих факторов в жизни и деятельности человека, к какой бы области эта деятельность ни относилась. Отрицание такой деятельности неизменно приводит к неправильному, одностороннему осмыслению исторического процесса и его движущих сил.

“...История дана нам не извне, — пишет Н.А.Бердяев, — а изнутри, и мы в конце концов, воспринимая историю, конструируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной”².

Высшая духовная действительность создает в материи исторического процесса те различные измерения, через которые идет его взаимодействие с Высшим Миром, определяющим причинно-следственные связи такого процесса, складывающиеся на протяжении многих веков. Пренебрежение этим обстоятельством, неважно по какой причине — невежеству или высокомерию, — убивает в философии истории самую ее сердцевину — духовную суть самого процесса.

Историки традиционного направления, особенно материалисты, как правило, исследуют внешнюю часть исторического процесса, не беря совсем в расчет его глубинно-причинную суть. “Кто может утверждать, как творятся события? — замечают создатели Живой Этики — Можно заметить лишь несколько внешних признаков, но истинное русло жизни не записано в государственных анналах <...> Именно, есть история Мира внутренняя и внешняя. Не колдовство, не магия, но путь Мира Высшего”³.

Н.А.Бердяев, чьи мысли о сути истории созвучны идеям Живой Этики, видит в историческом процессе два неразделимых потока — историю земную и историю небесную. “Что нужно понимать под историей небесной? В небесной истории, в глубинах внутренней жизни духа предопределяется та история, которая раскрывается и разворачивается в земной жизни, в земной

¹ Мир Огненный, III, 4.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 20-21.

³ Мир Огненный, II, 259.

человеческой судьбе, в земной исторической судьбе человечества, в том, что мы называем земной историей”¹. Небесная история есть причина земной. Мы должны помнить, что первый толчок истории дала мифология, которая несла в себе энергетическую информацию миров иных измерений.

Русский философ предвидел эволюционное смыкание миров различных состояний материи и вхождение земной истории в небесную. С этой точки зрения огромное значение для осмысления исторического процесса обретает такое явление, как свобода, которая, как и сам исторический процесс, имеет небесное, или внутреннее, содержание и земное, или внешнее, содержание. Иными словами, в такой сложнейшей категории, как свобода, взаимодействие самого Духа и материи выступает достаточно четко, чтобы иметь возможность исследовать это взаимодействие с культурно-научной точки зрения. “Если бы не было свободы, — справедливо пишет Бердяев, — не было бы и истории. Свобода есть метафизическая первооснова истории”².

Свобода сама по себе есть энергетическое явление Высших Миров, к которым принадлежит и Дух человека. Уровень духовного развития человека определяется степенью и качеством осознания им свободы. Магистральное развитие Духа идет по пути свободы. Именно в точке свободы как энергетического явления соединяется и пересекается небесное и земное содержание исторического процесса. Взаимодействие того и другого типа свободы, носящее крайне сложный и противоречивый характер, является одной из основных особенностей самого исторического процесса и составляет его философскую наполненность.

Учение непредвзято и смело объединило научные знания и озарения религиозного опыта, мысль духовных Учителей Востока и научные находения Запада. Одним словом, оно свело в синтетическое целое все, что к данному периоду развития человечества сохранило свою жизнеспособность и могло влиять на эволюционные процессы планеты и Космоса.

Этот синтез создал новый уровень в мышлении, мировоззрении и мироощущении человечества. На смену религиозному мышлению пришло научное, социологическое мироощущение сменилось космическим, стало формироваться новое энергетическое мировоззрение. Однако все эти процессы, возникшие в XX веке, носили крайне сложный характер, они были далеко не однозначны, их восприятие затруднялось старым мышлением, которое не могло исчезнуть в короткий исторический промежуток. Мешало многому также и то, что основные эволюционные понятия не всегда осмысливались в достаточной их полноте, часто одно подменялось другим, смешивалось, искажалось и приводило к неправильным выводам в социально-культурной практике. В трудах философов Серебряного века и в книгах Живой Этики по-иному рассматривались такие установившиеся явления, как религия. В течение тысячелетий человечество накопило богатый религиозный опыт, в котором мы можем наблюдать несколько уровней разного духовного характера.

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 31.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 160.

Первый уровень составляет то, что мы можем назвать религиозностью, имеющей общий характер, не зависящий ни от религиозного учения, ни от конфессии. Религиозность, как таковая, приходит вместе с сознанием человека и является естественным качеством, характеризующим состояние его души. Дух человека заявляет о себе самоорганизующейся системой Культуры, в понятие которой входит и религиозность. Последняя есть энергетическая основа, на которой развивается и совершенствуется этот Дух. Религиозность, неотъемлемая часть человеческой энергетики, несет в себе информацию о связи с Высшим как вечной непреходящей ценности. Изначальная религиозность, в течение жизни человека и в ходе истории человечества, обнаруживает себя в разных формах и в разных системах мысли. Когда такое проявление по каким-либо причинам начинает подавляться извне или подвергаться насилию, в силу тех или иных обстоятельств, то оно не исчезает, а лишь искажается и трансформируется, превращаясь в комплекс различных суеверий.

На универсальной основе религиозности возникает религия или религиозное учение как мировоззренческая система. В отличие от естественной религиозности, религия сужает и дифференцирует эту основу, придает ей определенную конкретную форму, нарушая ее изначальную целостность. Но религиозное учение дает возможность более четко осознать связь с Высшим, формирует практику и средства этой связи, совершенствует методы познания окружающей действительности. Религия, или, точнее, религиозное учение, вместе с философией, возникшей на ее основе, есть инструмент познания окружающего мира такой же, как и наука. Однако средства познания, практикуемые в науке, и ее методы отличаются от религиозных.

В истории человечества существовал период, когда религия и наука представляли собой целостное явление. По мере усиления энергетических процессов дифференциации, пути науки и религии расходились, и каждое составляющее этого культурного целого стало приобретать свои конкретные качества. Со временем это расхождение, в силу определенных исторических условий, приобрело характер противостояния. Произошло это уже на третьем уровне религиозного сознания, когда на основе учения возникли различные конфессии. Всем известно, что в христианстве существуют различные церкви: православная, католическая, протестантская, баптистская и др. Религиозные войны и вражда зарождались на уровне конфессий, как внутри них, так и вне их. Конфессиональное сознание сузило значительно пространство самого учения, а вместе с тем и пространство религиозного сознания. Дифференциация углубилась, а сама церковь и ее иерархи, отойдя от проблем Высшего, занялись чисто земными, материальными делами. Конфессиональное обустройство жизни, особенно в Средние века, усилило тоталитарный образ мышления и привело к конфронтации с отделившейся наукой на уровне “конфессия — свобода мысли”. Развивающаяся наука требовала свободы мысли как главного условия ее существования. Церковь с ее догмами и отжившими традициями противостояла этой свободе. История

такого противостояния вписала не одну драматическую страницу в историю культуры человечества. Инквизиция преследовала вольнодумцев, для которых церковные каноны становились цепями. Застенки и костры сопровождали крупные научные открытия. Со временем это привело к еще большему разъединению науки и религии. В результате к XVIII веку, веку свободомыслия и французских энциклопедистов, сформировалась экспериментальная, грубо материалистическая наука, которая отрицала существование Духа, Бога и не принимала в расчет религию. Конфессиональное сознание “обезбожило” и лишило науку духовности, оторвало ее от нравственных постулатов и этического мышления. Последнее самым трагическим образом сказалось на науке XX века.

Известно, что история человечества знает три типа мышления, или сознания: мифологическое, религиозное и научное. Именно наш XX век есть тот период, когда совершается переход от религиозного сознания к научному. Течение этого процесса, эволюционного по своему характеру, натывается сейчас на ряд препятствий, или заторов, которые сформировались в ходе предыдущих веков человеческой истории. При анализе происходящего необходимо учитывать то обстоятельство, что зарождение и развитие различных видов мышления, или сознания, происходило на одной и той же основе — естественной религиозности человека. Эта основа была как бы тем грунтом, по которому писалась картина истории мысли человечества. Все три вида мышления имели тот же самый “грунт”, несмотря на различия в формах и красках картин, созданных на нем. В конечном счете, “грунт” и был тем энергетическим пространством, в рамках которого развивалась история человеческого сознания. Переходы из одного состояния сознания в другое были мирными и не мирными. Иными словами, всегда существовала альтернатива: мир — вражда. Но здесь надо учесть одно обстоятельство. Энергетический процесс перехода, как и любой другой, шел и “поверх”, и “внизу”. Поток “поверх”, как уже было сказано, представлял уровень духовной культуры, подчинялся законам эволюции, в основе которых лежала космическая энергетика, “нижний” формировался волей человека и теми структурами, которые он сам создавал. Альтернатива находилась внизу, верхний поток был безальтернативен. Он плавно перетекал в новое, внедряя в него все ценное и нужное, что было необходимо для развития этого нового. “Внизу” же рушили и старое и новое. Предыдущее мышление старалось убить последующее. Новое сознание, окрепнув, набрасывалось на то, что осталось от старого. Участники боев, длившихся иногда веками, меньше всего заботились о ценностях, которые были нужны для будущего. В острые переходные моменты, как говорят, “с водой выплескивали ребенка”.

Конфессии в разных их формах, с разным содержанием играли важную роль в этой борьбе. Языческие жрецы преследовали христианских священнослужителей. Буддисты сходились в смертельной схватке со жрецами тибетского бон-по. Индийские брахманы шли в наступление на буддийских монахов. Крестоносцы безжалостно рубили головы мусульманам, преградившим им путь к гробу Господню. Костры инквизиции

пылали над зарождавшейся новой наукой. Конфессиональный путь был в большинстве своем не мирным, агрессивным и насильственным.

Сложившееся к XX веку энергетическое пространство неуклонно и объективно обуславливало замену религиозного сознания и мышления научным. Какие бы процессы, связанные с историческими и культурными особенностями человечества, ни происходили в этом пространстве, какие бы препятствия ни возникали, неизбежность будущего господства научного мышления становится все более очевидной. Все три слагающих — искусство, философия и наука, — формировавшие новое планетарное мышление, в той или иной степени затрагивают эту проблему. В Живой Этике она разработана наиболее диалектично и глубоко. Философско-практический результат этого исследования сводится к одному понятию — синтез.

Путь подавления конфессионального догматического и агрессивного сознания не может быть плодотворным и неизбежно приведет к нанесению ущерба религиозному мышлению, как таковому. При этом потери окажутся невозполнимыми. Авторы Живой Этики тщательным образом анализируют те условия, в которых в данное время находятся составляющие синтеза — религиозное и научное мышление. Короче говоря, и синтез и дифференциация есть энергетические категории человеческого сознания и мышления. Все зависит от уровня, с которого мы смотрим на то или иное явление. Чем ниже уровень сознания и мышления, тем выше в нашем представлении степень дифференцированности и разъединенности Мироздания. Чем выше сознание и мышление человека, тем целостнее, синтетичное становится окружающая нас действительность, тем ближе она к ее реальности. В конечном счете, синтез — это лишь качество нашего сознания и уровень нашего мышления. Поэтому, считая синтез одним из важнейших энергетических процессов эволюции, авторы Живой Этики ставят в качестве главной задачи эволюционного восхождения формирование расширенного, т.е. высокого, сознания.

Обладая высочайшим сознанием, создатели новой философской системы смотрят по-другому, нежели мы, и на религиозное, и на научное мышление. Они справедливо считают, что религиозное мышление, из которого они исключают узкодогматическое конфессиональное, есть способ познания мира, средство связи с Высшим, и обращают наше внимание на бесценный духовно-нравственный опыт этого сознания, на достижения религиозных Учителей, на Учения, менявшие сознание огромных человеческих сообществ. Уничтожить мысль христианского или буддийского Учения в бессмысленной борьбе так же преступно, как сжечь ученого на костре или уничтожить его труды. Но в то же время соединить религиозное мышление с научным в том состоянии, в котором они находятся в данный момент, задача мало выполнимая. Религиозный опыт требует научного осмысления. Он нуждается в новой огранке, которая даст ему возможность занять свое достойное место в системе новых ценностей. В то же время и современная наука нуждается в коренной трансформации, в новой методологии, в отказе от вульгарного материализма и изменении

сущностных исследований. Живая Этика ставит вопрос о необходимости одухотворенной науки и о ее нравственной наполненности. Наука должна быть, прежде всего, утверждают авторы Живой Этики, этической, непредубежденной, не отрицающей никакой формы знаний. Новая наука обязана использовать вековые духовные наработки человеческой культуры и выйти на новый уровень изучения тонких энергий и тонких явлений, которые требуют научных объяснений и научной практики. Иными словами, сами книги Живой Этики, включающие немало достижений религиозной мысли, как бы дают энергетический импульс формированию той трансформированной науки, которая сыграет на новом витке Космической эволюции человечества важнейшую роль. Ибо эта одухотворенная наука станет пространством связи с Высшим, каковым до нее являлась религия. В переходе к новому мышлению авторы Живой Этики предлагают не борьбу и противостояние двух видов сознания, а гармоничный переход одного в другой, с сохранением всех предыдущих ценных накоплений человеческого опыта и человеческой мысли. Как будет называться новое синтетическое мышление, которое, кроме религии и науки, включит в себя искусство как один из важнейших методов познания окружающего нас мира, сказать сейчас трудно. Ведь речь идет о формировании Синтеза Знания, как такового. Новое мировоззрение, возникающее на основе религиозной и научной мысли, а также достижений искусства и творчества, называется в Живой Этике энергетическим мировоззрением.

Синтез религии и науки не только создаст новые богатые возможности для связи с Высшими мирами и Высшей энергетикой, но и предотвратит тот духовный дисбаланс между различными формами знания, который может возникнуть в силу недостаточного уровня человеческого сознания. Пространство грядущего XXI века, по всей видимости, и станет главным полем процессов синтеза религии, науки и искусства, которые приведут к формированию качественно нового сознания и мышления, к созданию новой системы Знания и Познания. Авторы Живой Этики предвидели, что эти процессы начнутся уже в нашем столетии. Современная наука лучшей частью своих ученых уже входит в область исследования высших состояний материи. Физический вакуум, торсионные поля и другие подобные явления, открытые наукой, свидетельствуют о первых результатах соприкосновения с тонкими мирами и тонкими энергиями.

Земное человечество, преодолевая немалые трудности и препятствия, несет в себе энергетические движения Космоса, идущие в ритме с Космической эволюцией. И сам человек не в силах остановить это движение или заглушить этот ритм.

Что же касается проблемы конфессий в процессе космического синтеза, то это как раз та область, судьба которой зависит от сознания и воли самого человека. Конфессиональное будущее определится выбором, который сделает сам человек. Теперешние конфессии или преобразуются и вольются в общий поток эволюции, или сойдут с исторической сцены, исчерпав заложенную в них многими веками энергетику.

И еще один момент, о котором необходимо упомянуть здесь. Если предыдущие учения выдвигали в качестве инструмента претворения своих идей в жизнь религиозный культ, то новое Учение заменяет последний сознательной и научно осмысленной этикой. Сам процесс этой замены сложен и длителен, а временами драматичен. Переход же от культа, основанного на вере, к этике, основанной на научном знании космических законов и особенностей Космической эволюции, изменит коренным образом структуру сознания человека и создаст качественно иное энергетическое поле его духовно-культурной деятельности на планете.

Люди XX века оказались свидетелями уникального эволюционного Действия, которое было произведено в очередной раз Учителями на нашей планете в целях изменения сознания человечества и дальнейшего его продвижения по лестнице Космической эволюции. Оценивая по достоинству такого рода деяния, Елена Ивановна Рерих писала: “Если бы не эти величайшие Духи, давшие импульс к зарождению мысли на заре нашего земного, физического человечества и продолжавшие двигать эволюцию земного сознания на всем протяжении этого труднейшего и самого длительного процесса, то человечество земное и по сей час не вышло бы из состояния пещерных жителей”¹. Те, кто стояли на бессменном дозоре Космической эволюции человечества, держали под особым вниманием Россию и важнейшие духовно-энергетические процессы, которые там происходили. Это они определили ее мировое значение в пространстве XX века. Они же и осмыслили непредвзято и строго все разнообразие ее противоречивых особенностей.

“Мы любим некий народ (русский. — *Л.Ш.*), — писали они в одной из книг Живой Этики, — ибо он менее других замкнут в тесный круг. Ур[усвати]² правильно понимает, что искание справедливости и стремление к служению делают народ подвижным. Такой народ уже движется к продвижению. Пусть осуждают его за многие несовершенства, но в таких несовершенствах заключается возможность. Хуже нет совершенного шарика, бегающего по замкнутому кругу. Народ учится на невзгодах. В истории человечества нет преуспеваний в спокойных периодах. Каждый народ-победитель умеет быть и подвижным. Мысль такого народа открыта к новым смелым находениям. Суровый обиход направит народ в будущее”³.

Полагаю, что этот фрагмент в комментариях не нуждается. Хотелось бы отметить другое. Самые большие препятствия и в усвоении, и в распространении Живая Этика встретила именно в России. Закономерности энергетики Космической эволюции и исторического процесса, протекавшие в пространстве этой страны, могут объяснить нам многое в судьбе России и в тех важнейших поворотах, на которых ее заносило над гибельными провалами под “космическими ветрами”. Ситуация в ее энергетическом пространстве усугублялась, а может быть, даже и определялась еще и тем

¹ Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. I. С. 354-355.

² Е.И. Рерих.

³ Письма Елены Рерих. 1932-1955. Новосибирск, 1993. С. 480.

обстоятельством, что из одного зерна, из одной эволюционной потребности перемен выросло как бы два стебля: Духовная революция и социальная, каждая со своим мировоззрением и мироощущением. Одна несла Космическое, другая — социологическое, но вместе они так и не сошлись.

“ВО ИМЯ СВОЕ...”

Надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге < > и человечество устроится окончательно.

Ф.М.Достоевский

Одним словом, он признал себя тем, чем в действительности был Христос. Но это сознание своего высшего достоинства на деле определилось в нем не как нравственная обязанность к Богу и миру, а как право и преимущество перед другими, и прежде всего перед Христом.

В.С.Соловьев

Даны достаточные доказательства, насколько все, порожденное самостью, непригодно для эволюции.

Аум, 236

Вряд ли достаточным будет просто сказать, что старое мышление никуда не годится, а новое, обладающее более высокими качествами в познании Мира, должно быть как можно скорее принято человечеством. Такая постановка сложнейшей проблемы “уплощает” последнюю, лишает ее энергетической сердцевины и не дает возможности определить, что есть старое, а что есть новое и в чем состоит необходимость замены одного другим. Проблема эта была достаточно глубоко затронута, и в какой-то степени даже решена, в пророческой русской литературе XIX века, в трудах философов Серебряного века России, а затем получила свое завершение в книгах Живой Этики.

Процесс смены старого новым идет через внутренние духовные структуры самого человека. При этом качества человека играют важнейшую роль уже потому, что они нередко как бы “отстают” от такого процесса. Среди них есть одно, которое Живая Этика называет самостью. Последняя является противоположением самоотверженности. Самость — одно из самых

живучих качеств, которое может существовать при любом способе мышления, при любой системе. “Самость — отделение или восстание против сотрудничества, — определяет Живая Этика. — Даже умы большие часто не различали, где самость плоти и где действие великого сотрудничества”¹. И еще: “Самость есть земное царство. Она не существует в Огненном Мире — остаток ее в Тонком Мире и тяжким цепям подобен”². Самость имеет разные уровни, начиная с самого низшего, где все ограничено лишь едой, и кончая самостью превосходства над другими. “Самость превосходства, — отмечено в одной из книг Живой Этики — есть одно из самых позорных проявлений несовершенства духа. Она не только разлагает все окружающее, но и остается самым препятствующим условием для продвижения”³.

Самость превосходства может низринуть не только человека, но и целое общество в такую бездну, в которой могут погибнуть самые лучшие намерения, самые прекрасные мечты. Это губительное качество так владеет человеком и так действенно по своей энергетике, что любой уровень мышления или сознания может оцениваться по тому, способствует он или препятствует его развитию. Наличие или отсутствие самости в носителях любой социальной системы или явления характеризует их этическую сердцевину. С этой точки зрения крайне важно рассмотреть особенности Духовной и социальной революций в России, каждая из которых стремилась построить свой Град Светлый, со своей степенью его реальности.

“Раскрываются новые перспективы “космического” мироощущения и мирознания, — писал Н.А. Бердяев в 1915 году, — общественность не может уже быть оторванной и изолированной от жизни космической, от энергий, которые переливаются в нее из всех планов космоса. Поэтому невозможен уже социальный утопизм, всегда основанный на упрощенном мышлении об общественной жизни, на рационализации ее, не желающий знать иррациональных космических сил. Не только в творческой русской мысли, которая в небольшом кругу переживает период подъема, но и в мысли западноевропейской произошел радикальный сдвиг, и “передовым” в мысли и сознании является совсем уже не то, во что продолжают верить у нас слишком многие, ленивые и инертные мыслью”⁴.

Как известно, социальная революция имела идеологической основой старое социологическое мироощущение, которое опиралось на доктрину Маркса.

И если новое мышление, формировавшееся в пространстве Духовной революции, основывалось на широкой космической концепции, включившей в себя религию как средство познания и признававшей существование миров иных, более высоких состояний материи, с которыми человек связан и от которых зависим, то в социологическом старом мышлении дело обстояло иначе.

¹ Мир Огненный, I, 448.

² Там же, 443.

³ Братство, 604.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990 С. 87-88.

Известно, что Маркс относился отрицательно к религии, как таковой. Для него не существовало понятия Высшего, а причиной развития человечества и исторического процесса он считал экономические факторы. Марксизм не был философией духовных ценностей, а исповедовал экономическое благо. Основой жизни человека становилось не высшее качество, которое заключено в духовных ценностях, а низшее качество, содержащееся в понятии материального блага. Материализм, понятый Марксом достаточно ограниченно, согласно его социологическому мировоззрению, исключал такие понятия, как душа, сердце человека. Внутренней, духовной структуре человека создатель выдающейся экономической доктрины не уделял никакого внимания. Все эти моменты потом перекочевали к его русским последователям, которые стали во главе социальной революции в России. Знали ли они о новом мышлении XX века — сказать трудно. Для этого нужно специальное исследование. Нам известно одно: мысли Маркса двигали творчеством социальной революции и устремлениями ее вождя.

Выдающийся философ Серебряного века о. Сергей Булгаков писал: “По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия — не только в узком, но и в широком смысле слова, т.е. высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную сердцевину — это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное”¹.

С этими словами нельзя не согласиться. Отца Сергея как философа отличало глубокое проникновение во внутреннюю природу человека и тонкое понимание его космической роли в историческом процессе. Этого нельзя сказать о Марксе. “Основание нерелигиозной критики, — писал основоположник марксизма, — таково: человек делает религию, а не религия делает человека. Именно религия есть самосознание или самочувствие человека, который или не нашел себя, или же снова себя потерял. Но человек не есть абстрактное, вне мира стоящее существо. Человек — это есть мир людей, государство, общество. Это государство, это общество производят религию, извращенное сознание мира, потому что они сами представляют извращенный мир <...> Она есть фантастическое осуществление человеческой сущности, ибо человеческая сущность не обладает истинной действительностью. Борьба против религии непосредственно есть, стало быть, и борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия <...> Религия есть вздох утесненного сознания, настроение бессердечного мира, а также дух бездушной эпохи. Она есть опиум для народа. Уничтожение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья”². И еще “Религиозное отражение реального мира может вообще исчезнуть тишь тогда, когда условия

¹ Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 51.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. М., 1950. Т. I. С. 422.

практической будничной жизни людей будут каждодневно представлять им вполне ясные и разумные отношения человека к человеку и к природе. Общественный процесс жизни, т.е. материальный процесс производства, лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он как продукт свободно соединившихся людей станет под их сознательный и планомерный контроль”¹ Иными словами, религия должна быть ликвидирована. У нее нет будущего, и она лишь помеха грядущему всеобщему счастью людей.

По мнению Маркса, в этом подлунном мире не существовало ничего, кроме недолговечной (на одну жизнь) материи человека, его производства и его производственных отношений. Три сосны, между которыми заключалось малое пространство человеческой жизни. Вот здесь и начинались дальние подступы к той пропасти, в бездонность которой рухнут миллионы людей, а затем и огромное государство, созданное по замыслу основоположника. Замысел был неправильным, а этической его сердцевиной оказалась та самость превосходства, о которой упоминалось выше. Она ощущалась уже в первых работах Маркса, в их категоричности, в их претензии на истину. “Человек делает религию”, религия “есть фантастическое осуществление человеческой сущности”, “есть опиум для народа” и т.д. Небо, отрываясь от земли, уходило в невидимую высь, сны, обычные и пророческие, вслед за ним покинули нашу твердь, прервалась связь с Высшим. Внутреннюю, сокровенную жизнь человека, так необходимую ему, заволокло пеленою тьмы, исчезли красота и любовь. Художники и поэты превратились в регистраторов происходящих рутинных событий. И только дымили трубы, грохотали станки, надрывно свистели паровозы. И над всем этим поднялись люди в промасленных робах, чтобы установить равенство сытости и стать хозяевами жизни, выше которых не видала земля за всю свою историю. Пролетариат. Именно пролетариату поручалась миссия освобождения мира от религии, миссия переделки этого мира согласно плану великого политэконома, который считал, что нашел ключ к тайне исторического процесса, сведя всю его сложность и богатство к особенностям способа производства и производственным отношениям.

Мысль Маркса о том, что философы до него только объясняли мир, а нужно его переделать, носила страшный и опасный характер и, как мы знаем, ни к чему хорошему не привела. Ибо самость превосходства (индивидуального и классового), однобокий, заземленный взгляд на мир привет не только к отрицанию Высших творческих сил Мироздания, но и к “передаче” их функций “обезбоженному” человеку. Иначе говоря, к замене (если вообще такое можно сделать) этих Высших сил деятельностью человека, не имеющего представления об этих силах. Все свершилось “во имя свое”. Ключевая фраза Христа вскрывает сокровенную суть подобных деяний. “Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете”². Пришедший от Высшего и работающий во

¹ Там же Т. XXIII. С. 724.

² Евангелие от Иоанна [5,43].

имя этого Высшего отторгается и заменяется тем, кто старается “во имя свое”.

История человечества знает немало примеров, когда самость губила великие духовные начинания и искажала намеченный путь эволюции. Россия оказалась жертвой подобного процесса. Такие же тенденции мы видим и в современной науке, когда ученые-материалисты, далекие от этики космического мироощущения и нравственно не подготовленные, пытаются подменить собой Высшие творческие силы, стремясь создать искусственный интеллект, продублировать живую клетку, заменить человека роботом, сконструировать мощное оружие массового уничтожения.

Великий Инквизитор из “Братьев Карамазовых” Достоевского, переделывающий мир по собственному усмотрению и стремящийся убрать Христа со своей дороги, из их числа.

В 1900 году В.С.Соловьев, один из крупных философов Серебряного века, написал “Краткую повесть об Антихристе”. Эта повесть была такой же пророческой, как и многие труды философов Серебряного века и произведения талантливейших писателей XIX века. Читая эту повесть, мы видим, как неплохой человек, желающий добра своему народу, в силу самости превосходства превращается в Антихриста, стараясь присвоить себе миссию самого Христа. Правитель вымышленной страны не может победить в себе эту самость, ибо не в состоянии отличить Христово “во имя Отца” от своего “во имя свое”. “...Ясный ум, — пишет Соловьев, — всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал ему себя. Он верил в добро, но всевидящее око вечности знало, что этот человек преклонится перед злою силою, лишь только она подкупит его — не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрез одно безмерное самолюбие”¹.

Уверенный в своей способности спасти человечество, он стал ждать подтверждения Свыше. Однако его временами охватывали сомнения, которые философ описал с достаточной долей драматического таланта:

“А если?... А вдруг не я, а тот... галилеянин... Вдруг он не предтеча мой, а настоящий, первый и последний? Но ведь тогда он должен быть жив... где же Он? Вдруг Он придет ко мне... сейчас, сюда... что я скажу Ему? Ведь я должен буду склониться перед Ним, как последний глупый христианин <...> Я, светлый гений, сверхчеловек, нет, никогда!” И тут же на место прежнего разумного холодного уважения к Богу и Христу зарождается и растет в его сердце сначала какой-то ужас, а потом жгучая и все его существо сжимающая и стягивающая зависть и яростная, захватывающая дух ненависть. “Я, я, а не Он! Нет Его в живых, сгнил в гробнице, сгнил, как последняя...”².

Соловьев ставит проблему подмены Христа самостным человеком как всечеловеческую, я бы сказала, историческую трагедию. Но это была

¹ Соловьев В.С. Сочинения, М., 1994. С. 416-417.

² Там же, С. 418.

трагедия верующего человека, во имя самости предавшего своего Бога. Маркс же представлял собой уже иной духовный тип. Он как бы продвинулся вперед в своей борьбе с Богом, полностью отказавшись от него, и не только отказавшись, но и объявив его несуществующим — “человек делает религию”.

В повести Соловьева прозвучало пророчество о пришествии Антихриста, почва для которого в значительной мере уже была подготовлена природой самого человека, уровнем его сознания и теми событиями, свидетелем которых явился XX век. Персонаж повести Соловьева в конце концов счел Христа лишь своим предтечей. “И в этой мысли, — пишет философ, — великий человек XXI века будет применять к себе все, что сказано в Евангелии о втором пришествии, объясняя это пришествие не как возвращение того же Христа, а как замещение предварительного Христа окончательным, то есть им самим”¹. Касаясь крайне опасных особенностей подобного явления, С.Н.Булгаков пишет. “... Зло, как мы знаем, ведет непримиримую борьбу с добром и, что самое опасное, в этой борьбе выступает иногда и под личиною добра, различаясь от него не по внешним, а только по внутренним признакам”². Скрытые от других, эти внутренние признаки дают возможность произрасти злу в человеке, которое может сформировать “синдром Антихриста”, присущий и малым, и великим мира сего. В этом “синдроме” и заключается основное различие между человеком развитого духа и человеком малоразвитым, между личностями с высоким сознанием и низким, между тем, кто самоотверженно служит Высшему или Общему Делу, и тем, кто все делает “во имя свое” и, если обстоятельства ему позволяют, посягает на это Высшее, присваивая заслуги Общего Дела лишь самому себе. Определить исторические особенности Духовной и социальной революций невозможно без учета особенностей такого “синдрома”. Это вовсе не значит, что данный “синдром” был свойствен лишь революции социальной и от него была полностью свободна революция Духовная. Линия его воздействия оказалась достаточно извилистой, ибо была тесно связана с внутренним, духовным миром самого человека. “Синдром” действовал в пространстве социальной революции более активно и ярко уже потому, что учение, взятое ею на идеологическое вооружение, несло его в себе во всем богатстве и определенности. Отрицание Высшего и его производного — религии, стремление подменить это Высшее производственной деятельностью человека, а Бога (как бы он ни понимался) этим же человеком нашло в самости самую плодородную почву.

“Сама историческая плоть социализма, — писал С.Н.Булгаков, — т.е. социалистическое движение, может воодушевляться разным духом и принадлежать к царству света или делаться добычей тьмы. Тайнственная грань разделяет свет и тьму, которые существуют в смешении и, однако, не могут смешиваться между собою”³. Усилению этого “царства света” в

¹ Там же, С. 417.

² Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 69.

³ Там же, С. 51.

русской социальной революции содействовало уже известное нам совпадение Духовной и социальной революций, появление нового, космического мироощущения, синтезированного в учении Живой Этики. И если этого не случилось, то за это ответственны не Высшие силы или эволюционный план, а свободная воля людей, их качества, уровень их сознания, приведшие к эволюционному искажению результатов социальной революции.

Каждая из совпавших во времени и пространстве революций строила, как уже сказано, свой Град Светлый. Подход к этому строительству у тех и других был разный. В разности этих противостоящих друг другу решений сошлись Свет и тьма, небесное и земное, историческое и внеисторическое, Царство Божие и царство кесарево. Высшее и низшее.

Те, которые составляли ядро русской Духовной революции и формировали новое мышление в противовес социологическому, достаточно четко себе представляли, что именно стояло за понятием Града Светлого, или Царства Божьего, и чем все это отличалось от того, что можно было создать на земле. Апостол Павел в послании к Евреям изрек: “Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего”¹. И история человечества, и лучшие его мыслители свидетельствуют о том, что Царство Божие, о котором говорил Христос, или, условно, Град Светлый, на Земле построить нельзя. Подобная цель носит внеисторический характер и может быть достигнута в пространстве более высокого состояния материи, нежели наша. С этой точки зрения Град Светлый может рассматриваться лишь как факел в ночи, дающий путнику ориентир, но приблизиться к нему, а тем более овладеть им в земном пути нельзя. Этот ориентир носит нравственно-этический, религиозный характер идеала, к которому должен стремиться человек в своем восхождении к более высокому состоянию. Этот Град Светлый находится внутри человека и никак не вне его. Каждый строит его сам, повинаясь законам Высшего, внимая указаниям этого Высшего. Земного аналога Града Светлого не существует. Он не может быть построен или сотворен в наших плотных земных условиях.

Первую такую попытку сделала, как ни странно, сама церковь. Хотя в этом есть своя историческая логика. Ибо церковь является земным установлением, ей служат земные люди, преследующие, что бы они об этом ни говорили, свои земные цели. Даже вера (если она искренняя) и связь с Высшим (если она вообще там существует) не могут победить земного “во имя свое”. Объявленный наместником Бога на земле римский папа стал главой карликового государства — земного Града Светлого. В какой мере Ватикан отвечает качествам последнего — это уже другой сюжет. Идея, что церковь, как таковая, и есть такой Град, остается в определенных церковных кругах и до сих пор. “Этот же яд, — писал С.Н.Булгаков, — проникает и в православие в учении о мистическом самодержавии, будто бы призванном осуществить земной град”².

¹ Евангелие. Послание к Евреям [13,14].

² Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 11.

В самом христианстве существовало разное осмысление Града Светлого, или сути такого понятия, как Царство Божие. Эту разницу четко и ясно сформулировал один из крупнейших христианских мыслителей средневековья Августин Аврелий. Один Град создается “любовью к Богу, доведенной до презрения к себе”, другой “создан любовью к самим себе, доведенной до презрения к Богу”. Первый воздвигнут внутри самого человека, следующего Высшему самоотверженно и неуклонно. И такой Град может послужить и другим. Второй создается, как правило, вне человека, на твердой земле и, не скрепленный истинной связью с Высшим, в любой момент может рухнуть, как карточный домик, или превратиться в нечто иное, не имеющее отношения ни к Граду Светлому, ни к Божьему Царству, как таковому.

То, что именно Церковь пыталась создать Царство Божие на земле, а ей в этом уподобились те, кто отринули и Высшее, и религию и совершили социальную революцию, не есть нечто парадоксальное и неожиданное. Здесь проявилась та закономерность, о которой я уже упомянула, — противостояние двух позиций: “во имя Отца” и “во имя свое”. И то и другое разделено чем-то неуловимо тонким, похожим на лезвие бритвы. Только высокому, не самостоятельному сознанию суждено ощутить это и вовремя остановиться. История сомкнула противоположности, лишний раз показав всю опасность перенесения мерок Высшего на земного человека, даже если он и в рясе. Внешний атрибут далеко не всегда свидетельствует о внутреннем качестве его носителя. Булгаков был глубоко прав, когда утверждал, что добро и зло отличаются друг от друга “не по внешним, а только по внутренним качествам”.

Он же дал и развернутое определение, что есть Град Светлый в Высшем и земном выражении. Реальный град, будучи внеисторической задачей, может осуществиться лишь после “спадения часовой стрелки”, т. е. когда “времени уже не будет”¹. Речь здесь идет об ином мире. Но когда недостижимое в земных условиях “объявляется достижимым и уже достигаемым во времени, тогда духовный взор ослепляется миражем земного града, манящим и дразнящим, но обманывающим. Призрак делает свое дело, ибо гонит вперед, не давая успокоиться, но эта призрачность проникает в душу человека и роковым образом уводит на путь человекобожия. Человечество целует раны свои, поклоняется страстям своим, измеряет трудный путь свой, но уже присваивает себе самому все совершенное, отлагаясь от Бога, хочет жить “во имя свое”. На протяжении всей всемирной истории можем мы наблюдать это зрелище. Один за другим создаются эти земные идеалы, мысленно строится земной град, разрабатывается его план и чертеж”².

Русская социальная революция, вдохновленная Марксовой мыслью и его расчетами, имела своей целью построить Град Светлый на грешной земле. Град этот назывался коммунизмом. Но название не меняло его сути.

¹ Евангелие Откровение [10,6]

² Булгаков С.Н. Два Града. СПб., 1997. С. 11.

“План и чертеж” уже были готовы. Мы знаем, что из этого получилось. Но для того, чтобы все это понять, мы должны еще раз осмыслить тот главный момент в истории России XX века, в котором, как в слепящем фокусе, отразились все высокие достоинства и все низкие побуждения ее народа.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Эволюция мира складывается из революций или взрывов материи. Каждая эволюция имеет поступательное движение вверх. Каждый взрыв в конструкции своей действует спирально. Потому каждая революция в своей природе подвержена законам спирали. <...> Потому строительство в революции является самым опасным моментом. Множество несовершенных элементов будут нагнетать построения вниз, в слои вещества отработавшего и отравленного. Только безумство мужества может обратить построение вверх, в слои неиспытанные и прекрасные содержанием новых элементов. Потому Говорю и буду Говорить, чтоб в построении избежать ветхих форм. Опускание в старые вместилища недопустимо. Нужно понимание Нового Мира во всей суровости.

Община, 66

Революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребенка, уродливы и насильственны муки рождающей Матери, уродлив и подвержен насилию рождающийся ребенок. Таково проклятие греховного мира. И на русской революции, быть может, больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса.

Н.А. Бердяев

Промозглым октябрьским вечером 1917 года в России началась социальная революция. Ее назовут социалистической. Здесь нет нужды проводить всесторонний — социальный, политический, экономический и, наконец, исторический ее анализ. О Русской революции немало написано и правды и лжи. Ее влияние на все стороны нашей жизни мы будем ощущать

еще многие годы, а может быть, и века. Мифы о революции, прошлые настоящие и будущие, еще долгое время будут тревожить наше воображение, нашу совесть и нашу мысль.

Оценивать социальную революцию, я полагаю, правильнее всего с точки зрения общего революционного процесса, охватившего и Дух, и материю исторического бытия России. Самое важное в этом процессе — совпадение в едином пространстве и времени Духовной и социальной революций. Взаимодействие между ними внесло в революционный процесс черты, которые впоследствии определили характер исторического развития России. Совпадение революций, произошедшее в переломном XX веке, можно рассматривать с различных точек зрения, и прежде всего с эволюционной и исторической. Феномен такого совпадения, не имевший аналогов в предыдущей истории человечества, свидетельствовал о причинах космического характера и тех задачах, которые эти причины несли в своей энергетике. Иными словами, сама эволюция предоставляла определенные возможности, свободная воля делала свой выбор. При мирном взаимодействии обеих революций могли возникнуть процессы, которые, как уже было сказано выше, привели бы к процессу синтеза Культуры и цивилизацию, переживавшую и XX веке острый кризис. Иными словами, Культура бы получила крепкое социальное обрамление, а цивилизация стала бы одухотворенной и избежала бы многих бед, которые впоследствии поразили планету. Такое же взаимодействие способствовало бы и изменению концепции самой социальной революции, ее целей и смягчило бы ее традиционные зло и процессы разрушения. В результате возникло бы новое общество, новый человек, максимально приближенные к идеалу Града Светлого. Степень этого приближения решалась в первую очередь, уровнем Духа, присутствующего в революционных деяниях и революционном строительстве.

Энергетическая неизбежность и необходимость Духовной революции была теснейшим образом связана с социальной революцией, ее концепцией, целями и задачами.

Сейчас трудно или пока невозможно рассматривать проблему, почему эволюционный план совпадения не принес ожидаемых результатов. Кроме свободной воли человека, на арене русской революции действовали и другие факторы, специфика которых требует длительного исследования. Но, не уклоняясь от размышлений на эту тему, можно сказать, что ни та ни другая революция не смогли найти энергетической точки соприкосновения. Ибо уровень социальной и экономической агрессии, который сформировался в рамках социальной революции, привел к сознательному наступлению на духовные ценности и завершился духоборчеством, которое делает людей слепыми.

Наступление социальной революции на Духовную привело к противостоянию их, которое заблокировало революционным силам путь в Новое. Все попытки Высших сил, в лице Космических Иерархов, разблокировать этот путь, к сожалению, не привели к желаемому результату.

Слишком была сильна энергия хаоса, охватившего страну, и специфической являлась концепция самой социальной революции.

Философы Серебряного века, в первую очередь Н.А.Бердяев, которые участвовали в формировании нового мышления, нового космического мироощущения, предчувствуя стихию надвигающейся социальной революции, стремились осмыслить обстоятельства, связанные с этим процессом. Бердяев и его единомышленники, считая исторический процесс природно-объективным, связанным с энергетическим воздействием на земное бытие миров иных состояний материи, рассматривали революционный взрыв как явление, не зависящее от воли отдельных людей, даже целых сообществ.

“Вся общественная и политическая деятельность, — писал философ, — должна быть изнутри одухотворена и вдохновлена высшими целями и абсолютными ценностями, за ней должно стоять духовное возрождение, перерождение личности и народа. Но этот духовный закал личности и народа совсем не то, что внешнее применение отвлеченных идей к жизни. Духовно возрожденный человек и народ по-иному будут делать политику, чем те, что провозглашают внешние абсолютные принципы и отвлеченные начала. Моральный пафос не ослабляется, а увеличивается, но он переносится в другую плоскость, делается внутренним, а не внешним, горением духа, а не политической истерикой или политическим изуверством”¹. Осмысливая важнейшую для обеих революций проблему Нового Мира и нового человека, Бердяев отмечал: “Революционность определяется радикальным уничтожением прошлого. Но это иллюзия революции. Яростное уничтожение прошлого есть как раз прошлое, а не грядущее. Уничтожить можно лишь прогнившее, изолгавшееся и дурное прошлое. Но нельзя уничтожить вечно ценного, подлинного в прошлом. Идеализация прошлого есть такая же ложь, как и идеализация грядущего. Подлинная ценность не зависит от времени, она от вечности”².

И еще: “Явление действительно нового человека, а не изменение лишь одежд, предполагает духовное движение и изменение. Без существования внутреннего духовного ядра и творческих процессов, в нем происходящих, никакой социальный строй не приведет к новому процессу. Материализм признает лишь внешнее и отрицает внутреннее. Материалисты не понимают даже, о чем говорят, когда говорят о внутренней жизни, о духовной жизни. Они находятся в таком же состоянии, как слепой, который не видит красок и цветов”³.

В силу исторических закономерностей, эволюционное пространство Духовной революции было много шире, богаче и разнообразней, нежели такое же пространство социальной революции. Последнее было сужено и ограничено тем старым социологическим мышлением, основу которого составляло экономическое учение Маркса, уже не соответствующее

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 201.

² Там же, С. 325.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 201.

планетарным задачам, поставленным новым космическим мироощущением XX века.

Казалось бы, эволюционные цели Духовной и социальной революций были внешне одинаковы. И Духовная и социальная стремились к созиданию Нового Мира, Града Светлого, к преображению человека и формированию новой индивидуальности. Но смысл этих понятий, который складывался в пространстве той и другой революций, был разным. Такими же разными были и цели и средства их достижения.

Если Духовная революция, в недрах которой создавалось новое мышление космического мироощущения, ставила перед собой цель — изменить духовную структуру человека, которая и составляла причинную основу последнего, повысить его сознание, одухотворить цивилизацию, и в первую очередь науку, повысить роль Высшего в духовной Культуре, то социальная революция ставила внешние, в основном экономические цели, которые были сформированы на основе старого социологического мышления. Главным в системе этих целей являлось экономическое благосостояние угнетенных прежде классов и перераспределение богатств в их пользу. Ситуация усугублялась также и тем обстоятельством, что социальная революция имела не только острые противоречия с Духовной, но и порождала подобные противоречия в своем собственном пространстве.

Однако, несмотря на отчужденное противостояние друг другу, обе Революции были связаны теснейшим образом с национальной культурой и национальным характером русского народа. В основе той и другой лежало духовное мессианство, столь присущее русской духовной культуре и русскому народному характеру. И большевики, и русские мыслители, заложившие основы нового планетарного мышления, вышли из одного и того же лона. Однако если Духовная революция и ее лучшие представители черпали свои духовно-энергетические резервы в лучших качествах этого народа, то пришедшие к власти в 1917 году большевики использовали в своих политических целях всю культурно-духовную палитру народных особенностей, во всех ее противоположностях. Большевизм “воспользовался, — пишет Н.А.Бердяев, — свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России”¹.

Я бы не согласилась с выражением Бердяева “использовали”, ибо значительная часть перечисленных качеств, и особенно мессианство — готовность к самопожертвованию во имя Общего Блага, — были свойственны и самим большевикам, как неотъемлемой части русского народа. Но на этом, пожалуй, сходство участников двух Великих революций России кончается. Если русские философы, ученые, подвижники

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 115.

представляли себе процессы, идущие в духовной революции, во всем их энергетическом богатстве, то их антиподы из пространства социальной революции, зашоренные догмами старого мышления, действовали в значительной мере наощупь, часто не понимая действительной сути происходящего и его эволюционной значимости. Обе революции шли не только на разных параллелях, но и в различных плоскостях и уровнях. Духовная революция охватывала пространство, которое Н.К.Рерих называл “поверх всех Россий”, социальная гремела в “нижней” России. Тем, кто вложил в социальную революцию энергию своей мысли и воли, “...была чужда русская философия, их не интересовали вопросы Духа, они оставались материалистами или позитивистами”. Культурный уровень не только “средних революционеров, но и вожakov революции был невысок, мысль их упрощена”¹. Поток нового сознания, нового мышления шел мимо них. Но идея Светлого Града не давала и им покоя, и они спешили, подчас жертвуя собой, построить такой град на грешной и многострадальной земле российской, где воцарятся, наконец, справедливость и благоденствие.

В пространстве социальной революции России разворачивалась гибельная драма людей, увлеченных христианской идеей мессианства — спасения трудящихся всего мира от эксплуатации и нищеты. Они составляли духовное ядро революции, и ядро довольно высокой пробы. Попав в энергетический поток революционного взрыва материи, они не осознавали этого, будучи уверенными, что все полностью зависит только от них, руководителей и вдохновителей Великой социальной революции. Позже сила неведомого им потока сомнет их, бросит в тюрьмы ими же “освобожденной” России, поставит к стенам расстрелов, сгноит в концлагерях. Умирая и погибая, они так и не узнают, в чем причина случившегося с ними, не поймут, что были обречены на это с самого первого дня революции.

Мир же стал свидетелем трагедии поистине космического масштаба — гибели лучшей части русских революционеров. Заплатив своими жизнями за незнание, они помимо своего желания ввергли Россию в многолетние страдания и бедствия. Уплощенное мышление поставило перед социальной революцией ложные цели, которые в действительности были лишь средством жизни. Такие цели продиктовала Русской революции марксистская теория, которая не учитывала и не могла учитывать социально-экономических особенностей России, характера ее национальной культуры и душевного склада ее народа. Отрицание же основоположником Высшего, а также важного значения религии в культурно-историческом процессе, наряду с монополией на истину, которая проглядывала в каждой строчке его труда, усложнили и без того запутанную и противоречивую ситуацию, сформировавшуюся во время революции.

Перенесенный русскими большевиками в чуждое для него пространство и в иное для него время, марксизм не мог дать России того, что от него тщетно ожидали идеологи Русской революции и ее вождь Ленин. Переломный XX век требовал иных, более углубленных и широких

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 92.

подходов, иного мировоззрения. Использование же экономической теории, не соответствующей ни стране, ни характеру ее народа, сделало социальную революцию России бесплодной и более опасной, чем любая другая подобная революция. На фоне развивающейся Духовной революции с ее новым космическим мироощущением марксизм как идеология Русской революции “не работал”. Обращавшие на это внимание русские мыслители, писатели и ученые, которые действовали в поле Духовной революции, к сожалению, не были услышаны.

Большевики и их вождь были абсолютно уверены в своей правоте. Силой своей веры и своей энергией они вселили на какое-то время вторую жизнь в марксизм, в этот концентрированный “остаток” прежнего мышления, старого социального утопизма, в котором “новая жизнь, — по определению Бердяева, — ожидалась исключительно от изменений социальной среды, от внешней общественности, а не от творческих изменений в личности, не от духовного перерождения народа, его воли, его сознания”¹.

Бытие определяет сознание — утверждали философы-марксисты. Само же бытие, по их мнению, было тесно связано с формой и уровнем развития производственных отношений. Схема была дана раз и навсегда. В ней не было места ни для Космоса, ни для всего богатства его энергий, ни для мировых состояний материи. Мыслители социальной революции упрямо отрицали какие-либо связи жизни человеческого общества с тем невидимым, но реальным, что окружало планету и ставило жизнь самого человека в зависимость от Беспредельности. Устаревшая мысль Европы забила все духовные поры Русской революции и перекрыла доступ живительного воздуха нового в сложный и мятежный ее организм.

Марксизм, справедливо замечает Бердяев, “был совершенно лишен космического мироощущения и явил собой крайний образец социологического утопизма, замыкающего человека в ограниченной и поверхностной общественности. Марксизм верил, что можно до конца рационализировать общественную жизнь и привести ее к внешнему совершенству, не считаясь ни с теми энергиями, которые есть в бесконечном мире над человеком и вокруг него. Марксизм — самая крайняя форма социологического рационализма, а потому и социологического утопизма. Все социальные учения XIX века были лишены того сознания, что человек — космическое существо, а не обыватель поверхностной общественности на поверхности земли, что он находится в общении с миром глубины и с миром высоты”².

Следуя марксистской теории, в большинстве случаев догматически, русские революционеры, сами того не сознавая, насильственно удерживали мышление человека в более низком измерении, лишая его космической глубины. Известный русский философ и писатель Д.С.Мережковский метко определил это измерение как “плоское”, или двухмерное.

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 212.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 141-142.

“Плоские борются, — писал он, — против глубоких, чтобы их истребить — или сделать себе подобными. В этой борьбе на стороне плоских большие преимущества, ибо глубокие могут только медленно передвигаться, преодолевая разнообразные препятствия; глубокие поднимаются на вершины и падают в пропасти, но плоские маневрируют с поразительной легкостью, не встречая никаких препятствий на своем пути; они скользят по гладкой поверхности или ползут, подобно распластанным насекомым, они всюду проникают и проходят в любые щели. Слишком часто, увы, у глубоких бывают разногласия: ведь они не равны между собой и глубоко индивидуальны, они стремятся к свободе, между тем, как плоские едины в своей стадности в силу безличия и стремления к абсолютному равенству. Глубокие страдают и душевно, и физически, но плоские испытывают лишь неясные страдания, ибо им не дано постичь глубин души”¹. И еще: “Главным преимуществом плоских над глубокими является ложь. Гладкая поверхность иногда представляется нам глубокой только потому, что она отражает глубину. Плоские пользуются этим оптическим обманом, чтобы в своих плоских зеркалах отражать неведомые им глубины искусства, науки, философии и даже религии”². Проникая в суть происходившего в России, Мережковский приходит к выводу, с которым нельзя не согласиться, — “большевикам удалось основать первое царство плоских”³. Однако он не мог и предположить, что оно продлится так долго и доживет до наших дней...

Это царство плоских, будучи порождением Русской социальной революции и узкосоциологического мышления, которое в ней господствовало, противостояло тем процессам, которые шли на ниве Духовной революции. Социальная революция, в силу бедной духовной оснащенности, снижала измерение человеческого Духа, Духовная — поднимала. Социальная революция, противостоя Духовной, сужала пространство Духа, освободившиеся ниши которого сразу заполнялись косной материей “плоского” измерения.

Духовная революция несла ощутимые потери под напором революции социальной. Человеческий дух отступал, не выдерживая духовного и физического насилия, уступая грубому натиску плотной материи.

“Список тех, кто сознательно расстался с большевиками, растет день ото дня, — писал Рерих в 1919 г. — Это люди широких взглядов и глубоких знаний в своих областях. Они не станут маскировать свои действия. Прогресс человечества всегда был близок и дорог им. Они создали себе имя истинным личным талантом и упорным трудом”⁴.

Всегда выдержанный и спокойный, Николай Константинович не мог сдержать ни своего гнева, ни своего глубокого горя по поводу вершившегося в России. “Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святых основ человечества — вот что такое большевизм. Это наглый

¹ Мережковский Д. Большевизм и человечество. “Независимая газета”, 23.06.93.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 28.

монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то ненастоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура. Знайте, наконец, больше, чем вы знали”¹.

Никогда больше, ни до ни после, Рерих так не писал. Глубокий шок и острая боль за Россию продиктовали ему эти, идущие из глубины его возмущенного духа, строчки. Крупнейший русский философ Бердяев, кому оставалось тогда еще лишь три года жить в России, и куда он никогда больше не смог вернуться, пророчески говорил как бы от имени самой Духовной революции: “Великая духовная культура прошлого, великие творческие подъемы, великие творческие гении — все это будет признано продуктом эксплуатации в пользу привилегированного культурного слоя, основанного на несправедливости. Вслед за героем Достоевского скажут, и это говорят: “Мы всякого гения задавим в младенчестве”².

Подмена цели духовной целью материальной, имеющей инструментальное, обслуживающее значение, привела к смещению шкалы иерархии ценностей, к искажению ее критериев, навязыванию иных подходов, имеющих более мифологический характер, нежели реальный и жизненный. Энергетика Космоса связана не с экономикой, а с духовной культурой, занимающей в этой иерархии ценностей главное место. Духовная культура, в отличие от экономики и разного рода “производственных отношений”, есть устой космической эволюции человечества, ее энергетический механизм.

“Величие народа, его вклад в историю человечества определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой”³. Фундамент любого построения, в Космосе ли, на планете ли, покоится на внутренних духовно-энергетических основах самого человека. Если такие основы отсутствуют, то ни экономика, ни организованное социальное пространство этому человеку не помогут. Им не на чем будет держаться, и они все время будут давать сбой, ныряя в кризисные проломы. И наконец, наступит время, когда не скрепленные человеческим Духом структуры начнут рушиться самым необратимым и таинственным образом. Иерархия культурно-исторических ценностей, которую мы находим в марксизме и писаниях его последователей, напоминает перевернутую вверх ногами пирамиду, которая есть мифологическое отображение реальной жизни.

Среди мифов, сложенных идеологами социальной революции, самым опасным был миф о свободе. Что есть свобода и в чем ее смысл — эти вопросы испокон веков занимали человечество. “К свободе призваны вы, братия, — сказал апостол Павел, — только бы свобода (ваша) не была поводом к *угождению* плоти, но любовью служите друг другу <...> Если же

¹ Там же.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 312.

³ Там же, С. 274-275.

друг друга угрызают и съедают, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом”¹.

Эти слова затрагивают самую суть учения Христа, подтверждая главный его постулат о свободе небесной и свободе земной. Чтобы разрешить противоречия между первой и второй, Христос ввел в человеческое сознание любовь к ближнему — мощнейший энергетический принцип, без которого не может действовать Космическая эволюция.

“Легенда о Великом Инквизиторе” Достоевского не только ставит вопрос о свободе земной и свободе небесной, но и показывает, как складывается судьба свободы, как таковой, в реальной жизни, где действует свободная воля человека.

Свобода небесная есть свобода человеческого духа. Свобода земная формируется на тонкой, как лезвие бритвы, грани взаимодействия небесной свободы с материальным миром необходимости. В этом взаимодействии свобода небесная есть определяющий фактор в становлении свободы земной. Если нет первой или она по каким-то соображениям кем-то или чем-то уничтожена, то ни о какой свободе вообще речи быть не может. Мы осознаем свободу земную, только когда постигаем небесную. Иными словами, мы внешне свободны ровно настолько, насколько свободны внутренне.

Марксизм определил свободу как осознанную необходимость, т.е. не включил в определение главную суть свободы — свободу духа, или небесную свободу, тем самым предоставив возможность произвольно манипулировать этим понятием.

Любая революция всегда ставит свой главный вопрос — вопрос о свободе. Слово “свобода” носится в пороховом воздухе каждой революции. Носилось оно и в Русской. И имело свой, присущий этой революции, смысл. Один из самых удивительных поэтов-пророков Александр Блок написал в 1918 году: “Свобода, свобода, эх, эх, без креста”. И этой строчкой точно определил положение со свободой в пространстве Русской революции. “Без креста” — значило без Духа, без связи с Высшим, без той небесной свободы, без которой нет свободы, как таковой. Слова марксистской доктрины — “свобода есть осознанная необходимость” — никоим образом не соотносились с реальной практикой Русской революции. Новое мышление, рождавшееся в недрах Русской Духовной революции, несло и новое понимание свободы, которое опиралось на свободу Духа, на небесную свободу. “Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира”². И еще: “Свобода предполагает существование духовного начала, не детерминированного ни природой, ни обществом. Свобода есть духовное начало в человеке”³.

Обладали ли те, кто делал Русскую революцию и участвовал в ней, свободой подобного рода? Можно твердо сказать — нет. Низкий уровень

¹ Новый Завет. Послание к Галатам [5,13,15].

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С 284.

³ Там же, С. 286.

сознания участников социальной революции и неправильное понимание сути истинной свободы привели к подменам и смещениям, имевшим самые трагические последствия для России. Касаясь проблем свободы, создатели Живой Этики писали: “Свобода драгоценна как охранение личности, как индивидуализация привлеченных энергий. Но именно свобода является самым извращенным понятием. Вместо нее жизнь наполняется тиранией и рабством, именно свойствами, исключаящими сотрудничество и почитание личности; так, некоторые умудряются составить существование свое исключительно из особого соединения тирании и рабства. Конечно, люди твердят о свободе, даже не зная особенных качеств ее. Утверждение свободы будет в них возвышением сознания. Усиленные поиски свободы показывают, что дух в потенциале своем стремится к новым восхождениям, но никто не сказал ему, как обращаться с этим сокровищем”¹. И еще: “Качество свободы замечательно; если она существует, ее ничем ограничить нельзя. Можно заковать тело, но сознание ничто не может умалить, кроме безобразия. Когда касаемся высот свободы, нужно оградиться от безобразия <...> Нет оков, которые не разложатся в свободе Красоты”².

В этих двух фрагментах представлена важнейшая проблема взаимодействия свободы истинной, или внутренней, и свободы производной, т.е. внешней.

Внешняя свобода, принесенная революцией, не есть еще свобода от внутреннего рабства. Если человек остается рабом внутренне, то никакая социальная свобода не сможет его изменить. Сама же социальная свобода, не подкрепленная духовно, рано или поздно гибнет, нередко превращаясь в собственный антипод. Поэтому социальная революция, противостоящая Духовной, никогда не приведет к созданию нового свободного общества. Чем шире пространство Духа в обществе, тем истинней смысл свободы; чем больше пространство материи, тем меньше свободы, как таковой. Концентрация общественного внимания на материальных сторонах жизни, превращение материального в цель жизни общества неизбежно приводит к гибели свободы, к появлению ее суррогата. “Труден и трагичен путь свободы, — отмечает Бердяев, — потому, что поистине, нет ничего ответственнее и ничего более героического и страдальческого, чем путь свободы. Всякий путь необходимости и принуждения — путь более легкий, менее трагический и менее героический”³.

Духовная революция создавала внутреннюю, духовную свободу человека как основу земной свободы. Социальная, отрицая Дух, лишала земную свободу главного ее фундамента и обрекала ее на краткое и драматическое существование. Такая ситуация все дальше и дальше отодвигала желанное “светлое будущее” и лежащий в его идеологической основе Град Светлый. То и другое оставалось лишь путеводной звездой, сияющей на дорогах Духа, проложенных во тьме грубой и плотной материи

¹ Сердце, 85.

² Листы Сада Мории. Книга вторая. Озарение Часть третья, V, 1.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 158.

низкого измерения. Звезда несла весть о нездешнем высоком пространстве иного измерения, где живет познание духовной свободы, гармонии и красоты. Для земных условий XX века Град Светлый был внеисторической задачей.

Однако большевики, в которых самым тесным образом сочеталось мессианское сознание с устаревшим “плоским” мышлением, решили несмотря ни на что спустить эту звезду на землю. Они не понимали, что у звезды есть свои небеса, которые отражаются во внутренней структуре энергетики духа самого человека. Не подозревая о мирах высших измерений, большевики вопреки всему начали строить на грешной земле России Светлый Град, ее “светлое будущее”. Это будущее называлось социализмом.

Оперируя категориями социальной мысли XIX века, они не знали, что мессианство, которое неистребимо жило в их душах, происходит от Царства Духа, а не от царства Кесаря. Подменив одно царство другим, они пытались построить “светлое будущее”, или Божье Царство, в жестких рамках трехмерного царства Кесаря, что привело к гибели не только свободы земной, но и к попытке уничтожить свободу Духа, как таковую.

Трагедия Русской революции и русской свободы была предсказана гениальным Достоевским в его “Легенде о Великом Инквизиторе”. Великий Инквизитор легко подменяет небесную свободу Духа, о которой говорил в своем учении Христос, свободой земной необходимости, чтобы оправдать тиранию и насилие инквизиции. И эта подмена уводит его самого от служения Богу и бросает в объятия дьявола. Инквизитор делает свой выбор между Светом и тьмой в пользу последней, не выдерживая давления земной материи. И созвучны тому, что происходило в вымышленном писателем подземелье, слова, которые мы читаем в одной из книг Живой Этики: “Конечно, на высших планах легко духу устремляться, но низший земной полюс утверждается как решающий путь. Только там, где Свет и тьма сражаются, может дух явить свободный выбор”¹.

Великий Инквизитор подменяет не только свободу Духа земной необходимостью, он подменяет Свет тьмой, приписывая последней функции Света. “Пятнадцать веков, — вещает он, — мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования. Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?

<...>Ибо теперь только <...> стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей <...> Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками <...>

И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей —

¹ Беспредельность, 538.

все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью”¹.

Знакомая картина, не правда ли? В ней легко прочитывается Россия XX века. Но для того, чтобы все так случилось, нужна была инквизиция, насилие над Духом и телом человека. И это тоже пришло.

“Свобода духа, — писал Бердяев, — отрицается не экономикой, которая бессильна по отношению к духу, а духом же, духом, враждебным свободе. Воинствующий духоборческий материализм коммунизма есть явление духа, а не материи, есть ложная направленность духа”².

Духоборчеством была отмечена Русская социальная революция, духоборчеством был отмечен и строй, который возник после этой революции. Ибо невежественное и чудовищное смешение явлений Духа и явлений материи, привнесение абсолютного в царство относительного, подмена свободы внутренней свободой внешней создало такие острые и неразрешимые противоречия, естественное воздействие которых могло привести только к фатальным разрушениям. И тогда Великий Инквизитор стал над страной огромным призраком, и сбылось пророчество русского писателя. Запутанные и сложные пути Духа и материи, свободы и принуждения вывели Россию на путь тоталитаризма. Насильники свободы и рабы этой свободы уничтожали ее, не сознавая смысла свершаемого. В этом заключалась драма Русской революции и историческая драма народа России. Светлый Град начинали строить с откровенного и неприкрытого грабежа и присвоения чужого имущества. “Строительный” раж охватил всю Россию. Многие спешили создать свое собственное “светлое будущее”, соответствующим образом материально обставленное. Люди проявляли нетерпение и больше не хотели ждать. Низкий уровень сознания “движущих сил революции” бросил высокую мечту о Светлом Граде и “светлом будущем” в земную грязь.

Не хотели ждать и вожди. Они тоже торопились. Одни вполне искренне, другие с расчетом. Они спешили построить обещанное народу “светлое коммунистическое будущее”. Но народ был разный, непокорный, опьяненный легко доставшейся свободой и неуправляемый. Для вождей революции хуже всего были те, кто нес в себе действительно свободный Дух. Дух творчества, мысли и несогласия с “плоскими” и их мышлением. Наводить порядок в стране начали с уничтожения этого Духа и его носителей. “Духоборчество” стало одной из важнейших задач в идеологической системе революционного правительства. Во имя “светлого будущего” и “народного счастья” гибли под колесами социальной революции остатки свободы.

“Никогда свобода, — писал Бердяев, свидетель того, что происходило в России, — не осуществляется через насилие, братство через ненависть, мир

¹ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений, М., 1958. Т. 9. С. 315-316, 325-326.

² *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 125.

через кровавый раздор. Дурные средства отравляют. Осень революции никогда не походит на ее весну”¹.

“Осень революции” расчистила путь тоталитарному строю — обществу без свободы, любви и милосердия. Самого Бердяева, одного из крупных идеологов Русской Духовной революции, принудительно выслали за пределы “новой” России. Страну “освобождали” от всякого рода странников Светлого Града, тех, на которых держалось энергетическое поле Духовной революции.

“Новое” же государство России, овладев свободой своих подданных, стало создавать стандартизированные и послушные массы “плоских”, которых называли потом “новыми людьми”. “Новые” искренне считали Дух предрассудком “старого буржуазного общества”.

Обе революции, начавшиеся почти одновременно в пространстве России, Духовная и социальная, не дали тогда ожидаемых результатов в революционном изменении страны и мира. По историческим подмосткам России прошли и ушли в небытие участники трагедии космического масштаба — злодеи и святые, предатели и принесшие в жертву себя во имя всеобщего счастья, подлецы и бескорыстные мечтатели, алчные грабители и убийцы и те, кто отдал жизнь “за народное дело”.

Когда-нибудь история расставит всех по своим местам и воздаст всем по реальным заслугам. И тогда мы содрогнемся при виде картины, которая развернется перед нами, а наши сердца переполнятся благодарностью и гордостью за Россию и ее народ, сделавший безумную попытку, впервые в истории человечества, положить жизни “за други своя”, во имя всеобщего Царства Божьего на земле. Борцы за “светлое будущее” ринулись создавать это Царство, вооружившись старым инструментом, не приспособленным для нового материала. Под гром своих земных побед они потерпели сокрушительное духовное поражение и обрекли собственную страну на десятки лет невиданных страданий и неслыханную рабскую жизнь.

Изменения, которые произошли во время социальной революции, не несли ничего нового по его истинному смыслу, того нового, что было уже сформировано в недрах Духовной революции. Последняя была отторгнута вождами социальной революции, чья свободная воля не приняла ее.

Возможности, которые были предоставлены России Космической эволюцией, сведшей в едином времени и пространстве революции Духовную и социальную, использованы не были. Но тот подвиг, который совершила Россия, несмотря на все обстоятельства, о которых было сказано выше, и в той и другой революции, был оценен создателями Живой Этики по самому высокому духовному счету:

“В безмерных страданиях и лишениях, среди голода, в крови и поте, Россия приняла на себя бремя искания истины за всех и для всех. Россия — в искании и борении, во взыскании Града Нездешнего... Пафос истории почиет не на тех, кто спокоен в знании истины, кто самодоволен и сыт. Пламенные

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 273.

языки вдохновения нисходят не на “Beati possedentes”¹, но на тревожных духом; то крылья Ангела возмутили воду купели”².

¹ “Блаженны имущие” (лат.). — Ред.

² Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. I. С. 99.

ЗАКЛИНАНИЯ НАД БЕЗДНОЙ

Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя.

Н.А. Бердяев

Благосостояние народов складывается около одной личности <...> Такие собиратели не что иное, как мощь Иерархии.

Действительно, при всех явлениях Иерархия избирает фокус, на который можно устремлять ток. Кроме того, личность этого порядка обладает осознанным или неосознанным огнем, делающим общение легким.

Напутствие Вождю

Благодаря Ленину я понял, что, несмотря на Маркса, коммунизм может быть творческой, созидательной силой. <...> Для меня было прямо отдыхом поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком, открыто признающим всю громадную трудность и сложность задач, стоящих перед коммунизмом. Перед ним носятся видения нового мира, задуманного и построенного на новых началах и совершенно не похожего на старый.

Г.Уэллс

Нельзя оценивать ни одну из сторон Русской социальной революции, не остановившись на личности ее вождя В.И. Ленина. Среди многих великих фигур XX века Ленин наиболее сложная и противоречивая. В нем как бы сосредоточились все противоположения, вся правда и неправда Русской социальной революции: ее ложные цели и христианское мессианское самопожертвование во имя Общего Блага, личное бескорыстие и жестокость, подвижническое начало русского странничества и фатальное пристрастие

чуждому России марксизму, прямолинейный материализм и основанное на нем истовое духоборчество, страстное желание свободы и справедливости для народа и в то же время удушение этой свободы и попрание справедливости и, наконец, титаническая попытка создать первое в истории человечества социалистическое государство — Град Светлый — и в то же время полное отторжение нового мышления, его духовной энергетики, его космического мироощущения.

Он был человеком-мифом, созданным самой революцией. Ленин в глазах этих мифотворцев был всемогущим защитником и добрым “новым” царем. Взбунтовавшаяся Россия религиозно верила в него, приписывая ему все то лучшее, что создавало за века народное духовное воображение. Люди мечтали о том, что наконец придет Спаситель, неважно, Христос или вождь революции, и в этой бескрайней, разнообразной, многострадальной стране, похожей на Космос, все уладится и народ заживет припеваючи, так, как это изображено на прекрасной картине Рериха “Три Радости”.

Через несколько десятков лет, когда основанное им государство, укрепляемое его последователями с помощью насилия и принуждения, начнет рушиться, исчерпав свою энергетику, возникнет новый миф о Ленине: злодее, который и был повинен во всем том, что случилось с Россией в XX веке. Эта мифологическая полярность саги о Ленине не давала представления ни о его реальной личности, ни о его деяниях. Она отражала лишь Большие Ожидания народа, а потом его же Великие Разочарования и Великую Скорбь по жертвам, принесенным им на алтарь Русской социальной революции во имя несостоявшегося “светлого будущего” — Царства Божьего на земле. Правда же о вожде находилась где-то посередине этих крайностей, отрицавших друг друга.

И какими бы ни были цели его жизни или ее результаты, подвижническая, героическая ее сторона не вызывает сомнений и заслуживает всяческого уважения и его единомышленников, и тех, кто с ним не был согласен. Наличие героического начала свидетельствует о присутствии высокого и развитого Духа в человеке, даже если этот человек, в силу своих субъективных взглядов, отрицает существование Духа, как такового, или преуменьшает многократно его значение в историческом процессе.

Бердяев, которого именно Ленин выслал из России в 1922 году, так пишет о нем: “Бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила”¹.

Именно он, Ленин, вождь Русской революции, изменил не только Россию, но и мир в целом, и поэтому его нужно рассматривать как фигуру мирового масштаба. Величие Ленина, а он был действительно велик и как

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 97.

личность, и как государственный деятель, нельзя оценивать усредненными обывательскими мерками. Бердяевское определение Ленина как “человека судьбы” заслуживает особого внимания. Оно созвучно мысли, высказанной одним из Учителей в книге “Община”. “Появление Ленина примите, как знак чуткости Космоса”¹. “Человек судьбы” есть личность, без участия которой в историческом процессе не могут совершиться какие-то события, идущие в ритме Космической эволюции. Сама же личность при этом может осознавать или не осознавать космический смысл своей деятельности. В данном случае можно утверждать, что такого осознания не было. Ибо марксистская теория, страстным приверженцем которой был Ленин, полностью отрицала связь социальной жизни человека с космическими процессами. Кармический энергетический поток, в котором в данном времени уже было запрограммировано появление такой личности, как Ленин, вел его по начертанному пути. На что будут направлены усилия этой личности и какими путями они будут реализовываться, зависело полностью от свободы ее воли, от ее нравственного выбора. В результате эволюционной запрограммированности Ленина как “человека судьбы” и блеснул в пространстве России тот “знак чуткости Космоса”, о котором упомянуто в “Общине”. Именно эволюционная точка зрения космического мироощущения дает нам возможность правильно оценить личность и деятельность вождя Русской социальной революции. Парадоксально, но факт: человек, который субъективно отрицал Высшее, считал Дух чем-то второстепенным, не играющим какой-либо заметной роли в историческом процессе, не принял нового мышления, основанного на тесной связи с процессами, идущими в Космосе, — был объективно энергетически связан со всем этим и следовал во внутренней своей сути законам Космической эволюции.

Один из основоположников нового мышления, великий русский ученый А.Л.Чижевский научно объяснил причину и смысл появления таких личностей, как Ленин. Занимаясь проблемами связи истории человеческого общества с космическими явлениями, он обнаружил зависимость земных событий от пульсации Солнца. Именно в Солнце, энергетическом Сердце нашей планетной системы, бьется ритм Космического Магнита, энергетического средоточия нашей Вселенной. Этот ритм определяет бурные и спокойные периоды земной истории. Ученый создал таблицу, где была показана зависимость периодизации человеческой истории от космических факторов и определен характер ее циклов.

Деятельность вождя Русской революции пришлась на третий, самый бурный период исторического цикла, на время войн и революций. “Ветер, ветер на всем белом свете”, — писал поэт и провидец Александр Блок. Ленин строил новое государство в обстановке поистине космического катаклизма, когда рушился старый мир, изживший свою историческую энергетику. Разрушение в кратчайший срок надо было перевести в созидание. Ему удалось это сделать. Он поднял Россию из руин. Ленин созидал новую

¹ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая, IV, 2.

Россию. И сделал это в труднейших земных условиях и конкретных исторических обстоятельствах и теми методами, которые были присущи этим обстоятельствам. Поэтому жестокость и насилие, свойственные любой революции, не обошли и его. Он использовал их, как ему казалось, в справедливой борьбе за классовые интересы угнетенных. Он уничтожал, и в это свято верил, старое, отжившее прошлое. Но вместе с этим он губил национальную духовную культуру России, убивал ее интеллектуальный генофонд. Он не мог действовать иначе, если иметь в виду те цели, которые он ставил перед собой и страной. “Человек судьбы”, он как бы нес в себе жестокость исторической судьбы России, суровость ее исторического испытания. История нашего плотного мира, его косной материи, творится через человеческую боль и страдание. Иного пути в земном, трехмерном мире нет. “Но жертвы и страдания, — пишет Н.А. Бердяев, — могут быть оправданы, если видеть ту глубину всякого существа, на которой судьба национальная, историческая и мировая есть его собственная судьба”¹. Эти слова, как ни к кому другому, подходят к вождю Русской социальной революции.

Несмотря ни на какие обстоятельства, в Ленине жила та “чуткость Космоса”, которая позволяла ему выбирать нужные пути во вселенском хаосе, охватившем тогда Россию. И не только выбирать, но и реализовывать их, в отличие от окружавших его теоретиков, которые много говорили, но не умели действовать. “Ленин—это действие, но не теория”²,—сказано в “Общине”. Духовные Учителя человечества дали глубокую оценку Ленину, отметив его сильные и слабые стороны. Теория, основанная на марксизме, и его взгляды были отнесены ими к слабым сторонам.

Причастность создателей Живой Этики к социальной революции не сводилась лишь к высказываниям о Ленине и знаменитому письму “К советскому народу”. “В Новую Россию Моя первая весть”, — сказал один из них в 1920 году. Несомненное присутствие мысли Учителей в пространстве Духовной революции не требует доказательств. Соприкосновение Космических Иерархов или Разумных сил Вселенной, по К.Э.Циолковскому, с социальной революцией через ее Вождя не было ни случайным, ни спорадическим. Эволюционный характер обеих революций, Духовной и социальной, подтверждает эти связи. Именно в книгах Живой Этики, которые составляют основу нового мышления XX века, дана всесторонняя характеристика Ленина и тех явлений высокого плана, к которым он был причастен, даже не осознавая этого. Есть в книге “Напутствие Вождю” ряд высказываний, подтверждающих связь Вождя социальной революции с энергетическим потоком эволюции и Высшими мирами иных состояний материи.

Авторы Живой Этики всегда избегали прямолинейности и никогда не выражали свои мысли “в лоб”, как это любим делать мы. В подтверждение исследований А.Л.Чижевского в Живой Этике сказано: “В сонное время не

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 194.

² Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая. I, 1.

рождается Вождь, но дни стремлений и дни тягостей создают и Вождя. Он, как символ движения, выводит народы на плодородную землю. Там, где послан Вождь, там уже явлена обетованная Земля. Потому появление Вождя есть знак добрый и знак преуспевания, знак отхода от погребения и приближения к Свету. Так не будем никак сожалеть о времени сонном, когда нас и вести некуда. Пусть Вождь сообщает народу энергию, которую существенно дает Иерархия Света”¹

Если мы не будем рассматривать социальную революцию и ее Вождя мифологически, а сделаем это с точки зрения реальной земной истории, то сможем оценить и ту неиссякаемую энергию, которой был заряжен Ленин, преодолевший на своем пути, казалось, неодолимое.

В некоторых своих утверждениях Учителя завуалированно говорят о тех недостатках достаточно серьезного характера, которые были присущи мышлению и деятельности Вождя. Они как бы разворачивали его в сторону космического мироощущения, делая это корректно и ненавязчиво, как обычно они умеют делать. Каков был результат их стараний, это уже другой сюжет. “Вождь должен постоянно иметь перед собою конечную цель. Много начинаний разрушилось только от утери главной цели. Обиход стирал задачи богоданные, и человеческие задачи приумножались, уничтожая размеры космические. Нужно понять, что лишь общение с Иерархией может удержать подъем духа поверх обыденности. Нельзя избежать подробностей жизни, но они могут быть покрыты радугой излучений духа. Пусть Вождь помнит, что главная задача в самоусовершенствовании народа, когда поняты будут сокровища Трех Миров”². Учителя неоднократно повторяли свою мысль о важности и необходимости энергетической связи с Высшими Мирами.

“Мы утверждаем в пространстве решение Наше. Тот, кто понял связь с Иерархией, должен также усвоить, что решение Мира зависит от наполнения пространства. Ведь не земной мир решает, но вся триада. Так, даже самые, казалось бы, согласованные постановления разрушаются, ибо они не были приняты двумя Высшими Мирами”³.

Правильное восприятие пространственного решения, верное ощущение его энергетики вождем или личностью, играющей важную роль в историческом процессе, полностью зависит от понимания этой личностью фундаментального влияния Миров Высших на земные дела. Вряд ли можно утверждать, что такое понимание было у Ленина. Но то обстоятельство, что он являлся человеком исторической судьбы, которую уже сложила энергетика эволюции, заставляет соглашаться с объективным влиянием на него этой эволюции, о чем не однажды упоминается в Живой Этике. “Не слова, но наполнение пространства толкает Вождя в непреложном приказе”⁴. Именно это “наполнение пространства” и есть та объективная данность,

¹ Напутствие Вождю, 113.

² Там же, 117.

³ Там же, 155.

⁴ Там же, 64.

космическая среда, в которой действовал Ленин как историческая личность со всеми присущими этой личности земными качествами.

“Все великие перевороты, — отмечено в Живой Этике, — напрягались двумя полюсами космических течений. Так устройство Мира насыщается энергиями этих двух полюсов. Чем мощнее напряжение тьмы, тем мощнее творчество Света”¹. Ленин находился в этом напряженном поле, в котором сошлись небо и земля, разрушение и созидание, Свет и тьма, добро и зло. Двигаться в этом поле в правильном направлении мешало ему то старое, социологическое мышление, приверженцем которого он был и которое не в состоянии было объять и объяснить явления космического масштаба, стоявшие за земной социальной революцией. В этом заключалась основная трагедия Ленина как Вождя.

Старое мышление связывало ему руки, в то время как веление Космоса звало его к созиданию основ принципиально Нового Мира. В нем самом, внутри духа его, небо и земля сошлись в трагическом противоречии. Он метался в его пространстве, стараясь пробиться к Свету, стремясь понять суть происходящего. Но земные оковы и старое мышление держали его крепко и тяжело. И даже если бы он осознавал свои эволюционные задачи, понимал воздействие на них Высшего и представлял бы взаимодействие земной истории с этим Высшим, все равно миссия его не освободилась бы от земной тяжести. Чем ближе Высокий Дух к земле, тем ему трудней выполнять задание эволюционного плана. Отягощает его не только косная земная материя, но диктует ему свои условия историческая эпоха, в пространстве которой он находится, социум, который его окружает, те представления, которые у него сложил его жизненный опыт. “...Думается, — писал А.К.Воронский, один из сподвижников Ленина, — никогда не удастся обратить его жизнь в житие, иже во святого Владимира Ульянова. Он не поддается такому почетному омертвлению. Он слишком человек, слишком бродит в нем сусло жизни, слишком он земнороден”².

И, пожалуй, очень точная оценка Ленина, в которой как бы сошлись земля и небо в их диалектическом взаимодействии, заключена в словах М.Горького: “Великое дитя окаянного мира сего”³.

Мысли о Ленине, которые есть в Живой Этике, дают основание утверждать, что авторы Учения знали о нем много больше, нежели те, кто с ним работал или находился рядом. Среди противоречивых сложностей жизни Ленина, разнообразия его человеческих качеств, многогранности его деятельности создатели Живой Этики выбрали то, что, с их точки зрения, носило непреложный характер и являлось неоспоримым в жизни и творчестве Вождя социальной революции. “Книги его мы меньше любим, — отмечено в “Общине”, — они слишком длинны, и самое ценное в нем в

¹ Мир Огненный, III, 140.

² Газета “Советская культура”, 20.04.89.

³ “Независимая газета”, 22.04.94.

книгах не выражено. Он сам не любил свои книги. Ленин — это действие, но не теория”¹.

Таким образом, спокойно и весомо Учителя определили место ленинского теоретического наследия, основу которого составляли идеи Маркса.

Догматические приверженцы Живой Этики пытаются некоторые цитаты о Марксе использовать для того, чтобы искусственно соединить марксизм и Живую Этику и поставить ее создателей под красные знамена. Таким образом, на наших глазах возник еще один миф, который, полагаю, не принесет пользы ни самим мифотворцам, ни новому мышлению, представленному Живой Этикой. Сказанное о Марксе в “Общине” отнюдь не исчерпывается тем, что говорится о нем в этой книге напрямую. Учителя, верные своей этической традиции, не противопоставляют Марксу и Ленину космическое мироощущение, а просто пишут о нем как бы безотносительно к тому и другому. Иными словами, проводят “большую линию”, как это сделал мудрый Бирбал — советник великого индийского императора Акбара в известной многим притче. Ни одно конкретное теоретическое положение Маркса или Ленина в Живой Этике не поддержано. Толкование ими же идеи общины, или коммуны, которая берется тем и другим на вооружение, подвергается существенной коррекции, в первую очередь в книге “Община”.

Учителя обращают наше внимание и на то, что эта идея, носящая эволюционный характер, существовала задолго до Маркса и Ленина. “Кто же захочет изолировать Маркса или Ленина от предшественников, окажет им плохую услугу. Только в безбоязненном утверждении ряда последовательности можно укрепить явление”².

Разумная преемственность, поддерживающая непрерывную цепь исторического процесса, дает нам возможность осмысливать каждое звено этой цепи, даже если оно оказалось неудачным. Исключение или забвение таких звеньев может привести к непредсказуемым последствиям.

Не задевая теоретических конкретных проблем в книгах Ленина, авторы Живой Этики отметили, что Вождь в своей практической деятельности шел новыми путями и сумел ощутить то, что было необходимо для революционного созидания.

“Вы уже знаете о качестве действий и можете уже заметить новые подходы к действию. Надо предпочесть того Учителя, который идет новыми путями. В этом люди Северной Страны имеют отличный пример — их Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный каменщик новых руд. Нужно принять за основание зов новизны”³. Новые подходы требовали подвижности мысли, широкого творчества, смелости и способности отказаться от своих же прежних представлений и идей. Ленин

¹ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая. I, 1.

² Там же, Часть третья, II, 19.

³ Община (Улан-Батор, 1927). Введение.

творил в действии, а не в теории. Эти действия иногда все больше и больше отходили от его теоретических положений. Революционное созидание шло в практике, и все, что ей мешало, он отбрасывал. А вместе с этим отбрасывал и этические и нравственные нормы, если они ему мешали и не соответствовали тем целям и задачам, которые он перед собой ставил. Он стремился осуществить их любой ценой. Его жестокость не миф, а реальность. Вынужденная жестокость во имя Будущего. Трагическая жестокость всех великих социальных революционеров. Учителя о ней не пишут, ибо уровень их оценок находится выше такого явления, как жестокость, которая отражает несовершенство человеческой природы плотного мира. Абсолютное ее искоренение в нашем мире есть внеисторическая задача. Ее можно и нужно только уменьшить. Жестокость и насилие свойственны революционным взрывам. Закономерности этой связи глубинно еще не изучены, но факт остается фактом. Да, Ленин был организатором террора, при нем беспощадно расстреливали “классово чуждых” заложников и иных контрреволюционеров.

“Жестокость войны, — пишет Н.А.Бердяев, — жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, бессердечие людей, личностей, хотя все это и может быть явлениями сопутствующими. Это — жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания. <...> Боязнь жестокости и боли не есть показатель духовной высоты”¹. Так уж устроен наш мир. Теперь, когда со многого снят идеологический запрет, исследователи выискивают документы, приказы, распоряжения и даже записочки — свидетели жестокости Ленина. И почему-то никому в голову не придет посмотреть на все это с эволюционной, более высокой точки зрения и увидеть во всем этом не признак самовластия и произвола, а трагическую обреченность человека, в чьем лице была выражена историческая неизбежность со всеми вытекающими из этого последствиями. Руками Вождя творила сама история нашего плотного земного мира, прорываясь к высотам эволюционной энергетики. Ленин, ошибаясь, разбиваясь о неразрешимые узлы, горя негасимой любовью к угнетенным, дитя своей эпохи и “окаянного мира сего”, созидал на развалинах старого мира, неся в себе его же боль, страдания и его жестокость. Он занимался социальным творчеством, а это был труд не для слабонервных. “Творчества и истории, — справедливо замечал Бердяев, — нет без моментов страдания и боли, без жертвы благом непосредственной жизни”². И еще: “Жестокость сопровождает всякое зачинающееся движение, всякий разрыв, предшествующий творчеству”³.

Те, которые сейчас создают миф о Ленине как жестоком злодее, делают это с позиций марксистско-ленинской концепции истории. Они так же, как и вождь революции, не видят энергетических закономерностей самого исторического процесса.

Ленин отрицал связь истории с космическими процессами, считая, что все в ней зависит от человека, от взаимоотношений, в которые он вступает,

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 176.

² Там же, С. 175.

³ Там же, С. 174.

от его деятельности и способа этой деятельности. Критики конца XX века бьют по Ленину с его же позиций. Иного они не знают. Новое мышление, освобожденное и окрепшее, вновь идет мимо них. И кто знает, когда прервется эта дурная бесконечность...

Революции нет без террора и жестокости. Это страшно, но тем не менее это так. “Взрыв материи”, о котором пишут Учителя, имеет свои чудовищные, с нашей земной точки зрения, последствия. Великая французская революция, несмотря на много меньшую, чем Россия, территорию и меньшую численность населения, была более кровавой, нежели русская социальная революция, но французы до сих пор считают ее Великой и не отрекаются от нее...

“Почтим Ленина со всем пониманием, — пишут авторы Живой Этики. — Явим утверждение Учителя, сохранившего постоянное горение в удаче и неудаче. Среди чуждых ему сотрудников нес Ленин пламя неугасимого подвига. Учение не прерывалось ни усталостью, ни огорчениями. Сердце Ленина жило подвигом народа. У него не было страха, и слова “боюсь” не было в его словаре. Ярко успел он зажечь своим примером свет. Руша, создавал он сознание народа”¹.

И еще: “Можете представить, что в свое время Ленин уже ощутил без малейшего материального основания непреложность нового строения. И невидимые лодочки подвезли провиант к его одинокому кораблю. Монолитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа. Даже в болезни не покинуло его твердое мышление. Его сознание, как в пещеру сосредоточилось, и вместо недовольства и жалоб он удивительно использовал последнее время. И много молчаливой эманации воли посылал он на укрепление дела. Его последние часы были хороши. Даже последний вздох он послал народу”².

Бесстрашие, самоотверженность, неуклонная вера в Общее Дело справедливости и свободы — эти черты составляли облик личности героической и высоко духовной, каковой являлся Ленин. Н.А.Бердяев, у которого не было причин проявлять симпатии к Ленину, отмечал, что последний был “настоящим революционным вождем”³.

Самым важным качеством Ленина было бескорыстное и самоотверженное служение тому Общему Делу, которое лежало в основе его революционного творчества и было продиктовано эволюционными целями. “Видя несовершенство России,— писали создатели Живой Этики, — можно многое принять ради Ленина, ибо не было другого, кто ради Общего Блага мог бы принять большую тяготу”⁴.

Самоотверженностью и преданностью Общему Делу определяется духовная направленность вождей и народных героев. Ленин был человеком, никогда не думавшим о себе, что подтверждается образом жизни, который он

¹ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая, VI, 5.

² Там же, I, 1.

³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1990. С. 92.

⁴ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая, I, 1.

вел до самого последнего часа. Он отдал делу не только жизнь, но и всю свою энергетику, напитав ею то движение, которым руководил. Эта энергетика позволяла побеждать в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Для тех, кому неведомы закономерности действия космической энергетики, в пространстве которой находится человек, так и останутся загадкой эти невероятные победы в гражданской войне или же победы Ленина в острых разногласиях со своими единомышленниками.

Одной лишь только фразой Христос определил духовное качество не только каждого великого, но и каждого малого человека нашего мира плотной материи. Помните? “Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете”. Пространство, заключенное между полюсами “во имя Отца”, или во имя Высшего, и “во имя свое”, и есть пространство борьбы зла и добра, Света и тьмы. Ленин, несомненно, по уровню духа и по практическому творчеству принадлежал к полюсу “во имя Отца”, во имя Общего Дела, которое для него и составляло Высшее. В нем не было делания “во имя свое”. Не было той самости, на которую обращает внимание Живая Этика и которая есть основное мерило пространства зла во внутренней структуре человека. “Даны достаточные доказательства, насколько все, порожденное самостью, непригодно для эволюции”¹. И еще: “Самость есть предательство самоотверженности. Без подвига нет пути”². Самость, утверждают Учителя, порождает зло не только в самом человеке, но и в человеческом обществе. Она противоположна той огненной стихии, которая ведет человека по эволюционной лестнице к Высшим Мирам. Отдавая всего себя на Общее Дело, Ленин был объективно связан с Высшим более тесно, чем любой другой, знающий об этом Высшем, но живущий “во имя свое”. Уже было написано о самости превосходства, как наиболее концентрированном выражении “во имя свое”.

Человек Высокого Духа может потерять ориентир в дебрях земного мира не потому, что не обладает знаниями, а потому, что, как каждый земной человек, меряет этот мир и других, в нем обитающих, “своим аршином”. Работая во имя Общего Дела, Ленин полагал, что если не все, то большинство делающих революцию должны обладать таким же качеством. Следуя теории Маркса, он считал пролетариат тем высшим, избранным классом, на котором лежит всемирная миссия переделки старого мира. Эта концепция присутствовала во всей его деятельности, в его политике, в его подходах к решению практических вопросов. В результате среди многих полуобразованных пролетариев стал складываться тот самый синдром “самости превосходства”, на котором сыграли темные силы и во время революции, и после.

Будучи лишенным качества самости, Ленин, сам не осознавая этого, привил господствующему революционному классу самость самой низкой пробы, которая затем принесла немало бед России и продолжает еще приносить. “Во имя свое” было практически поддержано всей

¹ Аум.236.

² Община (Рига, 1935), 2.

идеологической системой революционного и послереволюционного периода. На этом “во имя свое” и возник впоследствии тоталитарный режим. В самом Ленине, в силу того что он использовал старое мышление для построения нового общества, возникли такие трагические противоречия, которые, уверена, существенно сократили ему жизнь. Очевидно, каждая такая великая фигура несет в себе трагедию, порожденную негармоничным взаимодействием Духа и материи, неба и земли. Революционная обстановка крайне содействует такой дисгармонии. Не зря в книге “Напутствие Вождю” приводится такая притча: “Можно вспомнить, как при встрече одного Победителя старая женщина заплакала горько. Когда же спросили — откуда слезы при общей радости? — она сказала: “Уж очень мне жаль Его”¹. Путь Вождя на средостении старого и нового, на грани разрушения и созидания всегда трагичен. Таковы энергетические закономерности мира, в пространстве которого действует такая личность.

“В 1918 году, — писал Бердяев, — когда России грозили хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов, он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром”².

Эти емкие слова — “заклинания над бездной”, лучше, чем что-либо другое, характеризуют и Россию того времени, и ее Вождя. И как бы в унисон с этим звучат слова, написанные в “Общине”: “Бывает время, когда можно идти лишь вперед. Сохраним зов воли в беге непрестанном и над бездной не промедлим”³. Время революции в России было именно таким временем. Ее Вождь шел над бездной и понимал, что останавливаться нельзя. В нем жило если не точное знание особенностей исторического момента, то какое-то внутреннее, интуитивное, как мы часто говорим, сознание совершающегося, ощущение того космического веления, которое было запрограммировано в его энергетике. И поэтому слова, которые мы читаем в книге “Напутствие Вождю”, — “Можно утверждать, что момент космической возможности невозмещаем”⁴, как бы существовали в его духовной энергии. Его теории и слова были отделены от его действий, и действия его, как бы вне зависимости от его мозга, противоречили этим теориям и словам.

“Пути к вехам непреложности, — сказано в “Напутствии Вождю”, — дышат и волнуются подобно волнам”⁵. Он действовал так, как будто знал об этом. Упущенное сегодня не может быть возвращено завтра. Океан космической энергетики дышал и вздымался, складывая свои комбинации,

¹ Напутствие Вождю, 3.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 95.

³ Община (Улан-Батор, 1927). Введение.

⁴ Напутствие Вождю, 53.

⁵ Напутствие Вождю, 57.

каждая из которых имела свои сроки. Имела свое начало и свой конец. Он удивительным образом, каким-то внутренним необъяснимым чувством ощущал эти сроки. И поэтому спешил. В этой исторической спешке он не щадил ни себя, ни своего времени, ни своих сил, ни других. Его рабочая нагрузка превосходила все допустимые человеческие нормы. Он брался за все, временами даже за немыслимое. Человек высокой ответственности, он понимал, что многое он может сделать лишь сам, и поэтому не ждал помощи извне. Он знал, как это делать и когда делать. Даже у самых близких его соратников ни этого знания, ни таких способностей не было. “Среди чуждых ему сотрудников”, — писали те, кто складывал новое мышление планеты. Обращая внимание на эту особенность Вождя, они говорили: “Особенно трудно преодолеть сознание одиночества. В мудрых сказаниях часто упоминается единоличная битва. Боец — он же разведчик, он же советник, он же решитель, он же герой”¹. Эти слова сказаны о Ленине. Ибо в своей деятельности он часто делал многое за других и действительно выступал при этом в самых разных ипостасях.

Можно перечислить, чем занимался Ленин лично, помимо основных революционных задач и стратегии по созданию нового государства. Я оставляю эти крупные проблемы в стороне, так как об этом написано немало. Особо же интересующихся отсылаю к последним томам собрания сочинений Ленина (IV издание).

Сразу же после октябрьского переворота 1917 года он занимается публичной библиотекой в Петрограде. В 1918 году на различных съездах, митингах и заседаниях выступает по проблемам просвещения. Призывает учителей идти в народ и обучать его, дает свои соображения по созданию новой школы, резко критикует “буржуазных саботажников”, людей, “которые считают знание своей монополией”², требует от культурно-просветительных организаций помочь рабочим управлять государством.

В 1919 году решает проблемы внешкольного образования, вносит в программу РКП(б) пункт о народном просвещении, яростно работает над вопросом использования знаний “буржуазных специалистов”. Мысль об этом не дает ему покоя и в последующие годы. Надо, надо использовать, но как? Временами в нем зрело решение, удивляющее нас, теперешних, своей невыполнимостью и прямолинейностью. Как использовать? Взять да отнять знания. Отнять, как отняли заводы и фабрики у буржуазии, землю у помещиков. Его ужасает низкий культурный уровень трудящихся, улучшить жизнь которых он пришел в этот мир. Он говорит об этом и бьется над этим в самый тяжелый для страны 1919 год. Страна голодает и мечется в тифозном жару. На 8-й Всероссийской конференции РКП(б) Ленин ставит в качестве одной из главных задач — борьбу со вшами. “Здесь первый шаг нашей борьбы за культуру и здесь борьба за существование”³. Он настаивал на чистоте как главном условии этой борьбы.

¹ Там же, 64.

² Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1950. Т. XXVIII. С. 69.

³ Там же, Т. XXX. С. 163.

В 1920 году он лично занимался вопросом распределения продуктов, призывал горожан заводить огороды, чтобы как-нибудь облегчить тяжелое продовольственное положение страны. В то же время сам читал и рецензировал книги, полезные, по его мнению, для школ и учебных заведений. Он рекомендовал для внедрения атеистического мировоззрения распространять труды французских энциклопедистов (особенно Вольтера), наивно полагая, что именно французские энциклопедисты XVIII века смогут убедить русский народ XX века в необходимости такого мировоззрения. Ленин активно поощрял создание рабочих клубов, и, не считаясь со своей занятостью и перегруженностью, сам писал им приветствия, а иногда и участвовал в их заседаниях. Он был как бы вездесущ, вникая во множество дел, которые, казалось, могли и не касаться вождя. Но сам он этого не считал и не уходил от решения “мелких” вопросов, которые по тем или иным обстоятельствам или причинам возникали на его пути. Ленин сжигал себя в той работе, целью которой было созидание Новой страны в самых неблагоприятных для этой страны условиях. Вождь горел перед этой страной на костре, жертвуя собой во имя этой страны и тех, кто в ней жил. И не его вина, что дым костра не всегда был ароматным, ибо на костре горел живой, земной человек.

Среди множества дел, как явствует из вышеприведенных фактов, далеко не исчерпывающих того, что было сделано вождем на этой “малой” ниве, красной нитью проходят проблемы Культуры, по количеству своему поднимаясь в область, представляющую одно из главных направлений в деятельности Вождя. Именно на этой стезе мы можем найти подтверждение тезиса, присутствующего в Живой Этике, что “Ленин — это действие, а не теория”. Тезис, который реально определяет многие стороны ленинской жизни. Культура, как таковая, являлась наиболее противоречивым моментом этой жизни, породившим немало еще более противоречивых последствий.

Ленинская теория Культуры была создана, как и все остальные теории, на основе старого социологического мировоззрения Маркса. Последний, не занимаясь особенно проблемами Культуры и как узкий экономист не разбираясь в них, смешивал в своих рассуждениях два различных понятия — Культуру и цивилизацию. Ленин же не только повторил ошибку Маркса, но и ввел в свою теорию Культуры классовые оценки, пропитал ими все положения своей теории и вконец запутал и усложнил проблему, превратив ее из духовной в политическую.

Ленин был упорен во всем: и в своей созидательной деятельности, и в заблуждениях. Несмотря на то, что новое космическое мироощущение, формировавшееся в пространстве Духовной революции, вырабатывало свои подходы к Culture как естественному внутреннему духовному процессу в сознании человека, носящему эволюционный характер, Ленин продолжал держаться за устаревшее понимание Культуры, содержащееся в марксизме. С присущей ему категоричностью и напором он писал: “...Только мирозерцание марксизма является правильным выражением интересов,

точки зрения и культуры революционного пролетариата”¹. И еще: “...Только вместе с пролетариатом можно привести Россию к культурному расцвету”². Он не понимал, вводя или приспособлявая классовый принцип к любым явлениям человеческой жизни, что духовный процесс Культуры меньше всего соответствует такому принципу. Он разделил Культуру на буржуазную и пролетарскую, что было само по себе чудовищным порождением ленинской мысли, а затем сам же обнаружил, создавая устои новой России, что пролетарской культуры, как таковой, не существует и существовать не может. Ощущая принципиальные противоречия своей теории “двух культур”, он, тем не менее, не отказывается от нее, но старается как бы по-другому повернуть проблему, признавая явное превосходство “культуры буржуазной” над “пролетарской”. “Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры”³. Выступая в 1920 году на III съезде комсомола, он сказал известные потом многим слова: “Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество”⁴.

Оба процитированных фрагмента свидетельствуют о том, что ленинская теория была далека от реальности, а призыв “обогащать свою память знанием всех богатств, которые выработало человечество” едва ли выполним на практике... Столкнувшись с действительностью, реальной ситуацией, Ленин и в этих условиях не отказывается от классового подхода к тому явлению, которое, понимая по-своему, он называл культурой. Он чувствовал необходимость “обогащать память” пролетариата, и прежде всего пролетарской молодежи, но не видел в самом пролетариате основы для этого обогащения. Как творец и созидатель, а он был несомненно таковым, он стал искать выход из создавшегося положения. И нашел. Ленин стал рассматривать пролетариат как организатора Культуры — концепция, которая привела к самым отрицательным результатам. Классовый принцип в этом случае достиг своего кульминационного пункта. Полуграмотный, а в большинстве случаев неграмотный пролетариат был поставлен во главе культурного процесса Новой страны. “Только дальнейшая работа, — писал он, — на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры”⁵. Вот так. Режим классовой борьбы вводится в Культуру, чтобы в угоду этой борьбе она стала выхолощенной, искаженной и приспособленной к интересам пролетарского государства. И в области, далекой от политики, как таковой, началась инициированная Лениным

¹ Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1950. Т. XXXI. С. 291-292.

² Там же. Т. XXX. С. 375-376.

³ Там же, Т. XXXI. С. 292.

⁴ Там же, С. 262.

⁵ Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1950. Т. XXXI. С. 292.

классовая борьба, которая привела сначала к насилию над “буржуазной” культурой, а затем к превращению Культуры в идеологическое средство. Ленинская зашоренность абсолютом классовых взаимоотношений и классовой борьбы заложила тогда, в те революционные годы, самое страшное оружие, которое использовало возникшее затем тоталитарное государство в борьбе против свободы мысли. Неспособный овладеть Культурой пролетариат, по мысли Ленина, должен был ее отнять у буржуазии, иными словами, конфисковать. В 1919 году, выступая на III съезде РКП(б), Ленин сказал: “Все, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворить политические запросы рабочих и крестьян”¹. Полагаю, что данная цитата не нуждается в комментариях.

Ленин стремится решить эту задачу методами принуждения и насилия, испытывая острую враждебность по отношению ко всем носителям “буржуазной” культуры, считая почти каждого такого носителя классовым врагом. И он беспощаден к ним. Отнять фабрики и землю оказалось много проще, нежели отнять Культуру и знания. “Задача практически стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контрреволюционные поползновения и в то же время учиться у них. У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина, — наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; все это необходимо, но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру”². Эта идея забрать у буржуазии Культуру и науку владела им с самого начала его практической деятельности как главы государства и нашла отражение в его “заклинаниях над бездной”. Он был искренне уверен, что только пролетариат способен “сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе”³. Он говорил и писал одно, а жизнь, к которой он чутко прислушивался, проявляя необычайную подвижность мысли и действия, поворачивала его совсем по-другому.

Вне зависимости от того, как он понимал Культуру, как таковую, или ее взаимодействие с цивилизацией, он стремился как бы “окультурить” и саму революцию, и тот класс, который он считал в своем заблуждении классом-мессией, классом-спасителем, рассматривая его как наивысшую ценность в создании нового, справедливого мира. Несмотря на его заблуждения и ошибки, он считал Культуру, а вместе с ней и цивилизацию, важнейшим направлением в работе нового государства, советской власти. Эти его мысли

¹ Там же, Т. XXIX С. 142-143.

² Там же, С. 55.

³ Там же, С. 56.

были отражены в ряде документов революционного периода. В своей практической деятельности он вытянул на себе, пожалуй, самое главное для такой страны, какой была в те годы Россия: сумел ликвидировать безграмотность, наладить широчайшую сеть народного просвещения, книгоиздательство, библиотечное дело и многое другое, что содействовало самой первой ступени образования народа. Он постигал в действии те трудности, которые стояли на его пути как вождя и государственного деятеля. Постепенно его утверждения становятся не столь категоричными, не столь боевитыми, какими они были в 1919 году. В 1922 году он говорит на IV сессии ВЦИК: “Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства, - а только на одних рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его – не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме – на высшие ступени культуры¹. Чем бы он не занимался, строя новое государство, он постоянно натывался на отсутствие Культуры, тормозившее движение. Нет Культуры – нет возможности поднять экономику, нет Культуры – нет настоящего госаппарата, нет Культуры – нет ничего, нет в конечном счете советской власти. Для него это стало ясным еще до того, как он слег, чтобы никогда больше не подняться. И он произносит речь на XI съезде РКП(б): «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»². Этого не хватало крестьянину, который становился кооператором при НЭПе – новой экономической политике, не хватало скороспелому школьному учителю, не хватало тем, кто по классовому принципу был выдвинут на важные государственные посты. Его действия, его интуиция привели его к мысли о том, что без Культуры, даже такой, о которой он говорил, не создать ничего: ни экономики, ни государства, ни Града Светлого. Его творчество, запрограммированное эволюционным потоком, шло неудержимо против мертвых догм Маркса. Культура была не надстройкой, а основанием общества.

В последних своих работах он неустанно продолжает писать о Culture, но в окраске мыслей о ней появляются новые тона. “Но нам первое пятилетие, — пишет Ленин в статье “Лучше меньше, да лучше”, — порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о “пролетарской культуре”: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур до-буржуазного порядка, т.е. культур чиновничьей, или крепостнической и т.п.

¹ Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1951. Т XXXIII. С. 358.

² Там же, С. 258.

В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего”. Последние статьи Ленина содержали осмысление его практического опыта и поэтому не были похожи на то, что он написал до этого. Не исключена возможность, что дальнейший его опыт и дальнейшие размышления могли бы привести к сближению его позиций с теми, кто в пространстве Духовной революции формировал новое мышление XX века. Но ему не было суждено это “дальнейшее”. История же, как известно, сослагательного наклонения не знает...

В последних его статьях, размышлениях и действиях появилось много такого, что могло бы свидетельствовать о наметившемся отходе от теоретического доктринерства Маркса. К сожалению, у него был слишком небольшой срок, всего 5 лет, чтобы проверить теорию Маркса действием и по-новому осмыслить полученный результат. Может быть, он бы понял, наконец, что у человека можно отнять все: имущество, положение, семью, свободу. Но нельзя отнять Культуру, ибо она внутри Духа его. Ее можно отнять только вместе с человеком, с тем человеком, для которого классовый принцип и классовая борьба стоят далеко позади Культуры и с Культурой истинной вместе сойтись не могут, даже если применяются принуждение и насилие.

Но полагать, что Ленин мог кардинально отойти от Маркса, конечно нельзя. Это значит создать о нем еще один миф. Он глубоко впитал в себя марксизм и руководствовался им. Отсюда и противоречия между ленинской теорией и ленинской практикой. Все-таки Культура в истинном смысле слова, лишенная пресловутого классового принципа, а вместе с нею Любовь и Красота, основные устои Космической эволюции человечества, меркли в его сознании перед грандиозностью революционных задач. Он был убежден, что все это второстепенное, ибо свято верил в постулат: “Материя первична, дух вторичен”. Он не был гуманистом в христианском, общечеловеческом смысле этого слова. Скорее, он был антигуманен. Но он не являлся и диктатором того типа, который сложился позже во всех тоталитарных государствах, от коммунистических до фашистских. “Добро было для него все, что служит революции, зло — все, что ей мешает. Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он, в конце концов, потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего”¹.

Это опять Бердяев. Его оценки дают нам представление о Ленине как реальном земном человеке, величие которого состоит в том, что, действуя в естественном историческом потоке, он сумел перевернуть не только Россию, но и весь мир, на который перемены в России оказали всестороннее и мощное влияние. Русская социальная революция, которой руководил Ленин, как бы “улучшила” капитализм в других странах, устранила его “дикие”

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 97.

стороны, значительно снизила норму эксплуатации, заставила предпринимателей позаботиться о социальных правах пролетариата, сформировала “человеческое лицо” капитализма. Как ни парадоксально, но факт: высокий уровень жизни в западных странах, который мы наблюдаем сейчас, есть результат в конечном счете не совершенства самого капитализма как социально-экономической системы, а наличия в мире Русской социальной революции, потрясшей основы не только России, но и мирового капитализма. Сознание того, что подобная революция — реальность, которая угрожает другим странам, привело к необратимым изменениям в самой системе мирового капитализма. В капиталистических странах начало складываться общество, которое устраивало большинство, а не меньшинство. Не заглядывая далеко вперед, мы можем утверждать, что подобных изменений в самой России пока не произошло. Попад непосредственно в область взрыва материи, Россия по ряду исторических причин оказалась как бы в мертвой зоне, не затронутая теми волнами, которые “контузили” старую экономическую систему стран Запада. И возможно, одной из причин неудачи результатов социальной революции для собственной страны явилось сопротивление старого в самих людях тому, что несло им новое. Ленин чувствовал это сопротивление всеми фибрами души и пытался ослабить его, но недостаточно глубоко понимал натуру самого человека, не брал в расчет тот “нематериальный” фактор — Дух, на который так много обращала внимания Духовная революция.

“Столько сделано Лениным, столько явлено теми, кто строил в бесконечность. Наша община имеет основание требовать новых форм. Мы легче начнем слагать новый центр, нежели допустим старые знаки на новых ступенях. Примите это указание для немедленного приложения”¹, — написано в “Общине”. Учителя понимали, сколь тяжок труд созидания нового среди обломков старого. Старое обладало способностью возвращаться, подобно тому как болотная трясина, раздвинутая мощным веслом, вновь смыкается. Соотношение и суть старого и нового нужно уметь верно определить, чтобы не разрушить вечных основ жизни, долговременность которых превышает понятия “старый” и “новый”. Говоря о “старых знаках на новых ступенях”, Учителя обращали внимание руководства Новой России на нежелательность использования старых теорий в Русской революции.

“Но не фабрика, но мастерская духа обновит мир”², — донеслось в 1923 году с Гималаев. Но Вождь не услышал, а если бы услышал, то не поверил бы. Ему оставалось всего несколько месяцев до смерти...

¹ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая, V, 1.

² Листы Сада Мории. Книга первая. Зов. 21.01.23.

ОТВЕРГНУТЫЙ ВЕСТНИК

Может быть, и эта страна, достигшая поворотного пункта в своей истории, получила, в свою очередь, предупреждение и предложение помощи от Сил Светлых, но, как обычно, среди власть имущих не нашлось просвещенного и, главное, сильного духом человека, чтобы воспользоваться спасительными советами. А мы знаем по всей истории человечества, что там, где Вестник не был принят или даже преследовался, там спрашивается со всей страны. Вестник приходит в час трудный, потому отвергание его означает принятие своей полной кармы. Все бедствия, обрушивающиеся на страну, не есть ли грозное предзнаменование? Не избрала ли страна путь труднейший? Но как тяжка карма лиц, отвергнувших помощь Сил Света и тем принявших на себя всю ответственность за грядущее.

Письмо Елены Рерих от 14 мая 1937 г.

После социальной революции и смерти ее первого Вождя пространство свободы в стране все более сужалось и ярко выраженные тоталитарные тенденции заполняли освободившуюся социальную нишу. Развитие событий в России принимало характер, угрожающий тяжелыми последствиями для ее народа. Страну повели по пути, идущему вразрез с Космической эволюцией и ее законами.

...28 мая 1926 года небольшой экспедиционный отряд пересек советско-китайскую границу в районе озера Зайсан. В отряде находились русский художник Николай Константинович Рерих и его жена Елена Ивановна. Они отклонились от маршрута своей Центрально-Азиатской экспедиции, чтобы выполнить задание тех, кто создавал уже в это время книги Живой Этики. В Москву Рерих привез письмо, ларец с землей Гималаев, свои картины и рукопись книги, которую надеялся издать в России.

В письме Учителя, их называли в Индии Махатмы, или Великие Души, обращались к советскому народу. “На Гималаях мы знаем свершаемое Вами,

— писали они. — Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войска рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед Красотою. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии”¹.

В письме Учителя как бы подводили итоги обеих русских революций, Духовной и социальной, указывали на то положительное, что народу удалось сделать за это время, обращая внимание на ликвидацию мешающих будущему элементов прошлого. Когда мы оцениваем это письмо лишь с точки зрения социальной революции, а делаем мы всегда именно так, то возникает, как правило, ложное представление о взглядах авторов письма. Эти взгляды обуживаются и сводятся однозначно к поддержке всех акций социальной революции, к одобрению всей политики большевиков. Смысл письма имел более широкое значение, уровень его сопрягался с задачами Космической эволюции, которые были сформулированы в пространстве Духовной революции. Отметив ликвидацию явлений и институтов прошлого, мешающих дальнейшему восхождению по лестнице эволюции, Махатмы написали слова, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении: “Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед Красотою. Вы принесли детям всю мощь Космоса”. Эти строки относятся к моментам Духовной революции. Они как бы предопределяли дальнейшее развитие страны, указывали на духовно-эволюционные цели этого развития. В какой мере эти цели могли быть реализованы, зависело от уровня сознания тех, к кому обращались авторы письма, стараясь дать понять им эволюционный характер свершенного. Не только крушение старого, истощившего свою энергетику мира составляло смысл революции, этого “взрыва материи”, но главное заключалось в создании Нового Мира на иных духовных и эволюционных основах. Проникая в суть эволюционных и исторических процессов XX века, Учителя понимали, сколь значителен и опасен был период, к которому подошла страна в 1926 году.

В привезенной Рерихом книге “Община” кроме вопросов Космической эволюции шла речь и о делах земных, которые касались России и ее будущего. Учителя блестяще владели методикой исторического прогноза и хорошо понимали, что в ситуации, сложившейся в стране, существуют возможности для альтернативных решений. Они как бы обращались к покойному Вождю, посылая ларец со священной гималайской землей “на

¹ Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 178-179.

могилу брата нашего Махатмы Ленина”. Семь картин Рериха составляли серию “Майтрейя”. Их сюжеты имели отношение к легенде о наступлении светлого века добра и справедливости.

В Москве приехавших приняли два наркома — Г. В. Чичерин и А.В. Луначарский. Оба они были сподвижниками покойного Вождя, но их влияние и власть уже ослабевали под напором наступавших перемен. Оба выслушали Рерихов, но ни Космическая эволюция, ни принципы буддийской философии, ни известия о Махатмах их не заинтересовали. Они были, как и их Вождь, ортодоксальными марксистами и не считали нужным заниматься пустяками.

Их больше волновали земные дела, беспокоило собственное шаткое положение и надвигающиеся политические изменения. Рукопись “Общины” в Москве не увидела света. Год спустя она вышла на русском языке в Монголии, где пролегал маршрут рериховской экспедиции. “Община” затрагивала важнейшие моменты Русской революции и послереволюционного периода России. Не в состоянии остановить разрушительные процессы, идущие в стране и направленные, в первую очередь, против национальной Культуры и самого Духа народа, Учителя пытались разъяснить губительную суть подобных процессов, предупредить о тех страшных последствиях, которые неизбежно возникнут, если все это не прекратить.

Они писали о том, что без прошлого нет будущего. Они утверждали, что, каким бы путем ни шел тот или иной народ, его дальнейшее развитие немыслимо без тех духовных накоплений, которые были сделаны этим народом за предыдущие века. Только такие накопления являются реальной опорой в эволюционном восхождении. “Так надо строить, чтобы все прошлое совпало с будущим. Разрушается все ошибочное и случайное, но нить знания не должна быть нарушена. Не уступки прошлому, но поток вечности”¹. Поток вечности нельзя прерывать, иначе взбунтовавшаяся энергия Времени снесет рискнувших это сделать. “Роскошь разрушения отошла на страницы истории. Мир нуждается не в новых элементах, но в новых сочетаниях. И путь нового завоевания озарен не заревом пожаров, но искрами вновь привлеченной энергии”². В этих словах был заключен важнейший смысл. В течение тысячелетий культурно-духовная эволюция готовит новые комбинации элементов, ее составляющих, чтобы в определенный момент придать им то необходимое энергетическое качество, которое сформирует новый, более высокий виток в эволюции человечества. “Вновь привлеченная энергия”, соответствующая такому энергетическому качеству, становится творческим началом предстоящего витка.

Смысл эволюции всего живого заключается в восхождении от низшего к высшему, от простого к сложному, от несовершенного к совершенному. Объединение как один из основных принципов эволюции является механизмом этого восхождения. В человеческом обществе объединение

¹ Община (Рига, 1935), 215.

² Община (Рига, 1935), 214.

требует развития сотрудничества, или кооперации, как называет этот процесс “Община”. Община, или коммуна, являясь одной из основных эволюционных тенденций обустройства человеческого общества, содержится в объективной энергетике человека, как бы заложена в ней. “Как из наблюдения земного пути рождается представление об эволюции, так каждый человеческий организм носит общину в своем строении”¹. Иными словами, идея общины, или коммуны, есть элемент объективного природно-энергетического уровня. “...Учение Общины должно идти в согласии с явлениями энергии”². Но можно ли считать, что община, или коммуна, о которой пишут Учителя, есть тот же самый коммунизм, который содержится в доктрине Маркса и Ленина? Конечно нет. Понятие это, трактуемое Учителями с позиций нового мышления, носит в “Общине” более широкий и глубокий философский смысл, нежели просто социально-экономическая категория. Коммуна, по мысли Учителей, является пространством для духовного совершенствования человека и развития его свободного творческого труда. В связи с этим возникает важнейшая проблема собственности. Подходы к решению этой проблемы авторов “Общины” и руководителей Русской социальной революции были кардинально противоположными. Первые брали в основу Дух, внутренние побуждения человека и уровень его сознания, вторые же грубо вмешались в уже сложившуюся экономику России, директивами ликвидировали частную собственность, создали условия для ее перераспределения в пользу классов и партии, пришедших к власти. Такие насильственные и поспешные действия, совершаемые в стране с общим низким сознанием, привели к ряду губительных последствий и в материальной, и в нравственной сферах. Лозунг “Грабь награбленное” создал необратимую цепную реакцию. Русский писатель В.Г. Короленко писал в те годы в одном из писем А. В. Луначарскому: “Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупa. Все разрушается: дома, отнятые у прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал... Лучше всего живет всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения”³.

Социальный эгоизм и самоотвержение не могли существовать рядом. В этом заключалось одно из острейших противоречий социальной революции. Оно разрешилось вытеснением самоотвержения всепоглощающим социальным эгоизмом. “Чувство собственности, — писали авторы “Общины”, — измеряется не вещами, но мыслями. Так, Община должна быть принята сознанием. Можно иметь вещи и не быть собственником”⁴. Большинство тех, кто упразднил во время революции частную собственность и перераспределял ее по своему сознанию, являлись духовными

¹ Община (Улан-Батор, 1927). Часть вторая, XI, 6.

² Община (Рига, 1935), 249.

³ Журнал “Новый мир”. 1988, № 10. С. 214.

⁴ Община (Рига, 1935), 85.

собственниками. А это состояние души было во много раз сильнее, нежели материальное владение каким-либо имуществом. Ибо духовное собственничество имеет более сильную энергию, чем материальное. “Отказ, как мы знаем, — писала некоторое время спустя Елена Ивановна Рерих, — должен быть проявлен в сознании, в духе, и все остальное приложится. Также и отказ от собственности. Можно жить в полной нищете и быть привязанным к собственности, так же, как находиться среди вещей и не быть связанным ими. Решительно все измеряется лишь степенью сознания”¹.

Только внутренняя, духовная перестройка может избавить человека от синдрома собственника, и, пока этого не произошло, он будет им всегда, причем в самом грубо материальном смысле этого слова. Подмена чувства собственности, являющегося духовной категорией, материальной субстанцией этого явления представляется одним из крупных и бедственных искажений в духовном движении социальной революции.

Есть вещи — ты собственник, нет вещей — не собственник. Эта примитивная, “плоская” концепция сдвигала и нарушала этические и нравственные ориентиры самой революции. Зависть, порождение неверно понятого экономического равенства, и канонизированный государством грабеж (крестьяне грабили помещиков, комбедовцы — “справных” крестьян, репрессивные органы — арестованных активистов по борьбе с кулачеством и т.д. и т.п.) губили в самом зародыше ростки новых комбинаций жизнеустройства страны и укрепляли старые, как фиговым листком прикрытые громкими лозунгами.

“Современные вожди считают, — пронизательно отмечено в одной из книг Живой Этики, — что строят Новый Мир, но никому не приходит на ум, что их Новый Мир есть оскал старого. Новый Мир идет новыми путями”². Живая Этика по-иному решала проблему “брать или давать”. “Жертва несчастья — так называли вступившего в общину по безысходности. Потерпев полную неудачу, человек жертвовал несчастье свое, и цена неудачи была несчастна. Но именно принесший несчастье считал наибольшим вкладчиком себя: он и пожертвовал, он и отказался, он и предпочел, он ждущий и предъявляющий счет. Мы предпочитаем жертву счастья. Кому есть от чего отказаться, тот менее ждет платы. Так стройте общину по вехам пожертвований”³. Теперь, когда мы обрели драматический опыт наших социальных переустройств, невозможно отрицать справедливости вышесказанного. Человек, сознательно и бескорыстно участвуя в строительстве Нового Мира, отдает. Заведомо ложная концепция — я строю новое общество, чтобы взять, — бесплодна и не выдерживает нравственного испытания.

Социальный эгоизм, о котором писал В.Г. Короленко и который был одним из важнейших идеологических моментов марксистского учения, постепенно превращался в социальную самость. Эта самость выедала и

¹ Письма Елены Рерих. 1932-1955. Новосибирск, 1993. С. 37.

² Братство, 389.

³ Община (Рига, 1935), 188.

разрушала этическое ядро, которое существовало в народе, в его духовной культуре. С постулата “во имя свое” были сняты все ограничения и стыдливые прикрытия. Господствующий класс становился самым самостным и терял последние этические традиции, требуя для себя самого привилегированного места под солнцем и идеологически оправдывая любой произвол и насилие, сделанные “во имя свое”. Отождествляя “во имя свое” с “во имя Общего Блага” (“во имя Отца Моего”), правящие революционеры сдвинули все нравственные ориентиры, что привело к утрате разделительных линий между “во имя свое” и “во имя Общего Блага”, иными словами, между Добром и злом.

И если между Вождем, который, несомненно, действовал “во имя Общего Блага” и брал ради него все грехи на душу свою, и основной массой участников революции, действовавших “во имя свое”, существовало острейшее противоречие, что составляло основную трагедию Ленина, то явившийся ему на смену Сталин был не знаком с подобными внутренними борениями и действовал “во имя свое” во всех направлениях своей политики. И это “во имя Отца Моего” и “во имя свое” и составляли главный духовный водораздел между Вождем и пришедшим вслед за ним правителем. Качество духа того и другого определили результаты их деятельности и характер создаваемого каждым из них государства. Так отрицавшийся тем и другим Дух оказался той основой, которая определила характер и особенности их правления.

У Сталина была своя тактика по отношению к Ленину, которая позволила ему жить и действовать “во имя свое”, прикрываясь именем того, кто жил совсем по другим меркам.

Через много лет нам стало известно о завещании Ленина, в котором он выражал сомнение в том, сможет ли Сталин, оставаясь на посту генерального секретаря ЦК партии, занимать этот пост без ущерба для самой партии. Документ был написан Лениным в 1924 году и адресован XIII съезду партии, но не был прочитан на съезде соратниками Ленина, как об этом просил Вождь. Потом письмо на много лет исчезло в секретных архивах. Пользуясь своим положением генсека, Сталин “приватизировал” сначала самого Вождя, выступив на его похоронной церемонии в качестве любимого ученика и преемника. Многим из ленинского окружения были уже тогда известны разногласия между Лениным и Сталиным. Но они предпочли не принимать этого в расчет. Затем преемник завладел интеллектуальным наследием Вождя революции и установил монополию на его толкование. Лозунг “Сталин — это Ленин сегодня” полностью подтверждает содеянное. Наследие великого человека, находясь в руках Сталина, теперь служило сталинскому “во имя свое”.

Отождествив себя с Лениным, Сталин говорил теперь как бы от его имени, трактовал и искажал ленинские положения, “развивал” их, как хотел, использовал ошибочные моменты в теории Вождя, пытаясь оставить в тени то, что уже было откорректировано самим Лениным в его практической деятельности. Живая ленинская мысль, гибкая и подвижная, забронзовела и

была превращена его преемником в тяжелый статичный монумент “вечно живого учения”. Монумент был призван прикрывать всю деятельность преемника и идеологически ее оправдывать.

Начиная с тридцатых годов имя и наследие покойного Вождя постигались лишь через деяния и имя живого правителя. Последний формировал нужный ему человеческий образ Ленина, его политический и интеллектуальный имидж. Действуя в совершенно иной исторической обстановке, Сталин пытался, ссылаясь на Ленина, переносить в жизнь букву, а не дух ленинской мысли. И если буква не совпадала или не ложилась на другую историческую обстановку, то человек, назвавший себя вождем, насильственно подгонял практику исторической жизни страны под эту букву. Жизнь сопротивлялась этому насилию, и страна платила за это миллионами жизней ни в чем не повинных людей. Сталин, например, оправдывал массовые репрессии якобы обострением классовой борьбы в период построения социализма, механически перенося ленинские положения периода революции и гражданской войны в иную историческую действительность. Таких примеров можно привести немало. Не имея за собой собственного оригинального интеллектуального накопления, социально-философских открытий, Сталин как бы “проедал” ленинское наследие, укладывая огромную страну в прокрустово ложе собственных вымыслов и мифов. Он самым жестоким образом рубил все то, что не укладывалось в мифологию этого ложа.

“Не вытравив сталинский стереотип, — писал один из видных советских историков Л. Оников, — невозможно правильно оценить роль и значение Ленина, смыть с него ту грязь, которой его обливают. Вот где корень того, что его сегодняшние критики оценивают Ленина и его деятельность, как бы протекающую в структуре той единоначальной, тоталитарной системы, которую утвердил Сталин с начала 30-х годов, уничтожив все проявления демократии, и прежде всего партийной”¹.

В книге “Община”, если в нее внимательно вчитаться, Вождь отделялся от того, кто в это время пришел к власти в России. И это отделение пронизывает многие параграфы книги. Понимание общины, или коммуны, Учителями, действовавшими в пространстве эволюции и Духовной революции, коренным образом отличалось от сталинского и тех, кто поддерживал его. Основой общины, утверждали Учителя, должен быть труд. Труд добровольный, творческий, свободный и приносящий радость. Качеством труда общинников определяется их уровень сознания. Для самой России общинное устройство не было чем-то новым. Еще в XIV веке святой Сергей Радонежский создал монашеские общины. Такое общинное житие в значительной мере опиралось на общинное устройство русской деревни и общинную психологию русского крестьянства. Возможно, поэтому, вкупе с остальными факторами, идея коммунизма, принесенная Русской революцией, нашла в нем с самого начала непосредственный отклик. Сразу же после революции появились трудовые крестьянские коммуны. Среди них было и

¹ Оников Л. Великое дитя океанного мира сего. “Независимая газета”, 22.04.94.

немало таких, которые объединяли духовных единомышленников. Например, приверженцев идей Л.Толстого, разного рода религиозных сектантов и т. д. О последних мы находим упоминание в интереснейшем документе — “Докладной записке о том, как поднять урожайность и усилить колхозное строительство”, написанной в 1929 году:

“...есть и такие крестьяне, которые уже изжили собственническую психологию и давно уже вполне искренне, по глубокому своему убеждению, а не по нужде только, стремятся к социализму и коммунизму, каковы, например, духовоборы и другие сектанты-коммунисты, которые создали образцовые колхозы...”¹.

Автор записки, выступая против принудительной коллективизации, обращал внимание на необходимость духовной основы для коммуны, или колхозов. Однако на высказанные в записке мысли никто не обратил внимания. Известно, что коллективизация нанесла непоправимый урон не только самому сельскохозяйственному производству, но и духовной основе деревни, ее традиционной культуре. То, что было ясно немногим в 1929 году, предвидели авторы “Общины” еще в 1926-м: нарушение принципов общинного устройства, разгул насилия, отчуждение от государства духовной основы, резкий поворот к казарменному социализму. Их предупреждения тоже не были услышаны. Свободная воля вождя-диктатора постепенно превращала объективную эволюционную тенденцию к объединению в тоталитаризм. Была искажена идея общины и сотрудничества, нарушены неведомые руководству страны Великие законы Космоса. “Людской миллион в шеренгах на парадных площадях, — писал Тейяр де Шарден. — Людской миллион, стандартизированный на заводе. Моторизованный людской миллион... И все это приводит лишь к самому ужасному порабощению! Кристалл вместо клетки. Муравейник вместо братства. Вместо ожидаемого скачка сознания — механизация, которая как будто неизбежно вытекает из тотализации...”².

“Явно перед вами, — читаем мы на страницах “Общины”, — брошены в грязь большие ценности. Явно попираются пути к Мировой Общине”³. И еще: “Невежество будет худшим основанием. Страх и подлость займут ближайшее место”⁴. Причины порождали следствия. Строители послереволюционной России принимали желаемое за действительное. Среди многих ошибок они совершали и эту, которая принесет им потом неисчислимые беды. Разноцветный занавес манящей иллюзии скроет реальность. Ориентиры сдвинутся, и очевидное отождествится с действительным. На пути к Новому миру возникнет одна из самых коварных опасностей. “Надо наблюдать не так, как хочется, но так, как есть в действительности”⁵, — предупреждали Учителя. “Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно,

¹ Журнал “Горизонт”, 1989, № 1. С. 29.

² Тейяр де Шарден Пьер. Феномен человека. М., 1987. С. 203.

³ Община (Рига, 1935), 254.

⁴ Там же, 94.

⁵ Там же, 161.

что материальное воззрение дает самые неограниченные, законные возможности”¹. Порожденные отклонением от пути, иллюзии держались на лжи, осознанной для тех, кто был заинтересован в таких иллюзиях, и неосознанной для тех, кто покорно и бездумно следовал за иллюзионистами. Устная и письменная ложь мутным потоком разливалась по стране, захватывая все новые и новые этажи правящих структур. Учителя же “именем будущего человечества”² предостерегали, в первую очередь, от лжи в книгах. “Ложь в книгах должна быть преследуема как вид тяжелой клеветы <...> Занимать ложью место народных книгохранилищ — тяжкое преступление”³. Они выступали против “рабской угодливости”, против страха, против “младенческого материализма”, который искажал и обуживал восприятие реальных процессов, идущих в Мироздании и человеческом обществе. Учителя проницательно и точно определили носителей таких качеств. “Помните, что не безграмотный народ будет яриться против действительности, но эти маленькие грамотеи свирепо будут отстаивать свою близорукую очевидность. Они будут думать, что мир, заключенный в их кругозоре, действителен, все же остальное, им невидимое, является вредной выдумкой. Что же лежит в основе этой нищенской узости? Та же самая, вид изменившая, собственность. Это мой свинарник, и поэтому все вне его — ненужное и вредное. Это моя очевидность, и поэтому вне ее ничего не существует”⁴.

Эти “маленькие грамотеи”, распространившие чувство собственности и на духовную жизнь народа, представляли самую большую опасность для культуры страны. Именно на них, тщеславных и амбициозных “первопроходцах”, поднялся вождь-диктатор. Авторы “Общины” разглядели его достаточно ясно еще в 1926 году. Они не назвали его имени, понимая, что обстановка этому не благоприятствует. Отдельные же их замечания дают нам достаточно реальное представление о конкретном человеке, которого страна тогда только что начинала называть вождем. Они предвидели многие его действия. “Также непристойно для водителя переменить направление на обратное”, — читаем мы. “Община” обращала внимание на недопустимость у вождя низкого сознания и в то же время давала понять, что данное обстоятельство уже являлось для страны реальностью. “Сектант мечтает забрать власть для подчинения всего своему негибкому сознанию”⁵. И далее: “Руководство массами обязывает к расширению сознания”⁶ Вот еще несколько высказываний, носящих конкретно-оценочный характер. “Не можете идти уверенно, думая о скудости вождя”⁷. “Плох вождь, скрывающий

¹ Там же, 196.

² Община (Рига, 1935), 199.

³ Там же, 94.

⁴ Там же, 206.

⁵ Там же, 237.

⁶ Там же, 131.

⁷ Там же, 194.

истинную опасность. Преодолеть ее можно лишь полным знанием”¹. “Человек, сеющий ужас, сам безумно боится”².

1926 год был тем переломным моментом, когда перед страной встал выбор: или Общее Благо, или “тьма фетишизма”. Победило последнее. “Напомним о свойствах, совершенно недопустимых в общине: невежество, страх, ложь, лицемерие, своекорыстие, присвоение, пьянство, курение и сквернословие”³. Все это со временем возникло не только в общине, но и в государстве в целом. К этому черному списку Учителя присоединили и насилие, против которого предупредили особо. “...Из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная коммуна. Каждое насилие обречено на реакцию, а самое худшее насилие обречено на реакцию самую худшую”⁴. Через три года страна оказалась свидетельницей насильственной коллективизации, а через несколько десятков лет — “самой худшей реакции”: развала аграрной основы страны и нравственного упадка деревни.

Предчувствие жесточайших репрессий, идеологически оправдываемых ложной сталинской теорией усиления классовой борьбы по мере строительства социализма, находим мы на страницах “Общины”. “Ни капиталистический сыск, ни инквизиторские тюрьмы недопустимы”⁵. И еще. “Труд невозможен среди вражды, — опережая надвигающееся, пишут авторы “Общины”. — Строение немыслимо среди взрывов ненависти. Содружество борется с человеконенавистничеством”⁶. Насилие сопровождалось всякого рода запретами, ограничениями и отрицаниями. “Запретом и отрицанием не повторите тиранов и изуверов. Невежеством и чванством не уподобьтесь золоченым дуракам”⁷.

Невежество и насилие препятствовали росту сознания, лишали человека способности отличать добро от зла, рабство от свободы. “Вы хотите затушить пламя знания, но невежественная община — темница, ибо община и невежество несовместимы”⁸. Авторы “Общины” предвидели превращение общинного, или социалистического, устройства в примитивный казарменный социализм, с принудительной уравнительностью вместо свободного равенства, с всесторонним подчинением вместо свободы, и предупреждали об этом. Они видели, что новый вождь неуклонно вел страну к этому. “Скажут: “Мы для общины отказались от радостей”. Ответьте: “Какая кладбищенская ваша община, если она на постном масле!” Как слезливо унылы лишения! Как облизываются они на запретные лакомства!

Явление лишений незнакомо Нам, ибо вмещение исключает лишение. Учение Наше представляет мир богатым, радостным и увлекательным. Нигде

¹ Там же, 154.

² Там же, 157.

³ Там же, 178.

⁴ Община (Улан-Батор, 1927), Часть третья, II, 3.

⁵ Община (Улан-Батор, 1927), Часть третья, II, 3.

⁶ Община (Рига, 1935), 273.

⁷ Там же, 99.

⁸ Там же, 119.

не указаны вериги и бичевания”¹. В этом небольшом фрагменте точно показана психология насильственной казарменной коммуны. Искусственные лишения во имя мифологического будущего — для одних и вседозволенность — для других. Тяга к “запретным лакомствам” превратит потом эти “лакомства” в цель жизни для многих.

Община, или коммуна, в истинном, духовном ее смысле в России не состоялась. Революция, ведома ложными целями и представлениями, задушила ее. Тоталитарное государство подменило ее коллективизмом или принудительной коллективизацией.

Общинность и коллективизм, понятия как бы похожие друг на друга, на самом деле являются противоположными по своему духовному содержанию.

“Нужно решительно установить, — писал Бердяев, — что личность противоположна не общине и общинности, а вещи и коллективу <...> Коллективизм глубоко противоположен пониманию социализма как превращения человека из объекта в субъект, он именно имеет тенденцию превращать человеческую личность в объект”². И еще: “Коллективизм всегда утверждается через насилие над человеческой личностью. Коммюнитарность и соборность всегда признают ценность личности и свободу”³. Эти мысли русского философа полностью созвучны тому, что мы находим на страницах “Общины”, предупреждения которой тогда так и не дошли до народа России и не были приняты его вождями.

Коллективизация разного рода и принудительное насаждение коллективизма как одного из устоев идеологии тоталитарного государства создали условия для “околлективизирования” основных духовных категорий человека, в первую очередь его совести. Помните, Великий Инквизитор проницательно сказал: “Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть”. Но если можно “коллективизировать” землю, заводы и, наконец, самого человека загнать в шеренги, то совесть, являясь производной Духа, есть, по выражению Бердяева, “глубина личности, где человек соприкасается с Богом”⁴. Иными словами, совесть есть духовная форма нашей связи с Высшим и в силу этого является глубоко индивидуальной. Провести коллективизацию совести не удалось даже “гению всех времен и народов”. Ее можно было только коллективно удушить, что и было сделано. Загнанная в иллюзорную коллективную форму, совесть под воздействием страха постепенно умирала в сужающемся пространстве слабеющего человеческого Духа, чтобы превратиться затем в полное ее отсутствие. Такой человек, подчиняясь коллективу себе подобных, спокойно, “как все”, уходил от нравственного выбора, переставал слушать душой и сердцем то внутреннее сражение между Светом и тьмой, которое происходит в каждом из нас, а потом оказывался неспособным отличить эту тьму от Света, зло от добра. Он с готовностью принимал указания “сверху”, разъясняющие ему,

¹ Там же, 263.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 297.

³ Там же. С. 296.

⁴ “Независимая газета”. 18.03.94.

“что такое хорошо и что такое плохо”. “Наверху” судили об этом “хорошо” и “плохо” весьма своеобразно, ибо утрата совести начиналась с этого самого “верха”.

Потеря или притупление индивидуальной совести в “коллективизированном” обществе привели к старому историческому феномену — потребности коллективного поклонения. Об этом явлении все тот же Великий Инквизитор сказал мудрые и беспощадные слова: “Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно *все вместе*”¹. Вот это коллективное преклонение и есть коллективное рабство, рабство добровольное, принимаемое “с радостью и благодарностью”. Материя жизни тоталитарного государства вытесняла Дух во внутреннем энергетическом пространстве человека, сокращала его границы, отнимала его “жилплощадь”.

В этом сжимании пространства Духа заключалась одна из важнейших особенностей тоталитарного государства, которая влияла на исторический процесс, искажала его, стараясь увести его из вечности в кратковременность тоталитарного кошмара. И в этой кратковременности ложный учитель манипулировал сознанием людей, встречая их полное согласие и поддержку. Без такой поддержки тоталитарное государство не могло бы состояться. В этом странном процессе “верха” и “низы” шли как бы навстречу друг другу, чтобы сотворить то, что можно было бы назвать религией, но с обратным знаком. Такой феномен мог возникнуть только на почве России, с теми особенностями ее народа, о которых было упомянуто выше. В этом процессе духовная энергия “странничества”, которую не смогли уничтожить даже жесточайшие репрессии тоталитаризма, ибо Дух неуничтожаем, была переработана всеми несправедливыми методами в энергию ложной религии. Здесь вновь со всей силой вступает на арену духовной жизни еще одна великая подмена, в которой явление коллективизма, навязанного насильственно народу, сыграло важную роль. Речь идет о попытке объявить царство Кесаря Царством Божиим, заменить одно другим, придать относительности царства Кесаря абсолютность внеисторического Царства Божия. “Коллективизм, — писал Н.А. Бердяев, — есть однопланность. Он идет не к преображению этого мира в Царство Божие, а к утверждению в границах этого мира Царства Божия без Бога, а значит и без человека, ибо Бог и человек неразрывно связаны. Утверждение одного человеческого плана есть неизбежное отрицание человека”².

Таким образом, одно искажение или подмена привели к следующему — к превращению марксистской теории в своеобразную религию, но без Духа и без связи с Высшим. Пользуясь авторитетом такой религии, можно было произвольно, в интересах тоталитарного государства, трактовать, урезать и искажать “вечно живое учение”. И тогда, обожествленное, но потерявшее

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 9. С.319.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 297.

остатки своей жизнеспособности, оно стало мощной идеологией государства и его народа. Этому способствовало еще одно обстоятельство, которое объясняет факт приятия ложной религии “низами”. Если духовная энергия “странничества” была переработана в ложную религию, то в “низах” произошло то же самое — трансформация естественной религиозности человека, что составляло уже массовое явление.

Какие бы эксперименты, какие бы подмены ни производились с сознанием, искоренить природное религиозное чувство в человеке невозможно. Это чувство — одна из важнейших составляющих его Духа, оно унаследовано от космической его изначальности. В тоталитарной же России поток этого чувства, лишенный нормального духовного питания, направился не к Высшему, а туда, где культивировалось чуждое России учение. Предметом веры стала марксистская теория коммунизма, а поклонялись ее основателям и их последователям. Диктатор, создавший тоталитарное государство, стал земным богом и “великим учителем”. Это произошло не сразу. Сначала Сталиным лукаво был обожествлен покойный Вождь. Тот самый Вождь, который положил свою жизнь “во имя Отца”, или во имя Общего Блага, ставшего для него самым Высшим. Страна поклонялась новому богу, при котором его создатель исполнял лишь роль скромного жреца. Но жрец трудился “во имя свое” и в конце концов сработал тот механизм, который провидчески описал русский философ В. Соловьев в своей “Повести об Антихристе”: “Одним словом, он признал себя тем, чем в действительности был Христос. Но это сознание своего высшего достоинства на деле определилось не как нравственная обязанность к Богу и миру, а как право и преимущество перед другими, и прежде всего перед Христом”¹.

На уровне явления “Христос — Антихрист” действовал тот же самый духовно-этический процесс, который привел в новой религии России к замене одного бога другим. Постепенно фигура Сталина “переросла” Ленина. А потом жрец превратился на глазах многих в бога, заслонив собою Вождя. В связи с этим хотелось бы привести знаменательный фрагмент из книги известного историка Э. Радзинского “Сталин”. В нем идет речь о сценариях фильмов “Клятва” и “Падение Берлина”, которые написал П. Павленко.

“Рукопись этого сценария (“Клятва”. — *Л.Ш.*), — пишет Радзинский, — Павленко с благоговением показал моему отцу. Сценарий был изукрашен пометками... самого героя. Сталин правил образ Сталина! Павленко рассказывал: “Берия, прочитавший сценарий со сталинскими пометками, объяснил режиссеру Чиаурели: “Клятва” должна стать возвышенным фильмом, где Ленин — как евангельский Иоанн Предтеча, а Сталин — сам мессия”². В фильме “Падение Берлина” мессия Сталин прилетает в поверженный Берлин. “Одетый, — продолжает Радзинский, — в ослепительно белую форму (белые одежды ангела, спускающегося с неба), он является ожидавшим его людям. И все языки планеты славят мессию.

¹ Соловьев В.С. Собрание сочинений. М., 1994. С. 417.

² Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 582.

Возникает мощное “ура”. Иностранцы, каждый на своем языке, приветствуют Сталина. Гремит песня: “За Вами к светлым временам идем путем побед...”³.

Итак, “во имя свое” сработало точно и необратимо. У Соловьева Антихрист присваивает себе миссию Христа, в России жрец, свергая бога, становится сам этим богом.

“Человек есть религиозное животное, — пишет Бердяев, — и когда он отрицает истинного единого Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров и поклоняется им”¹. Любая информация об истинных духовных Учителях человечества, или Космических Иерархах, о которых говорило новое учение Живой Этики, запрещалась и преследовалась тоталитарным государством. Великие Учителя, без которых невозможна культурно-духовная эволюция человечества, были неизвестны стране и народу.

В иерархии тоталитарного государства существовали лишь должностные “учителя”, которых выдавали за истинных. Эта подмена была самой разрушительной для России. Вслед за Сталиным каждый генсек претендовал если не на должность живого бога, то, определенно, на роль наставника и учителя своего народа. И несмотря на то, что некоторые из этих генсеков были малограмотны и не могли даже овладеть “священным писанием”, последнее “мудрое” слово в любой области жизни и деятельности страны оставалось за ними. Обширный и выдрессированный чиновничий аппарат, “коллективный учитель” народа, вкладывал в уста очередного генсека “мудрые” мысли и “исторические” доклады. На смену старому русскому царству пришло новое “священное” царство. Н.А. Бердяев определяет следующие черты и особенности этой новоявленной религии: “...Строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое может быть лишь истолковываемо, но не подвергнуто сомнению; разделение мира на две части — верующих — верных и неверующих — неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; перенесение совести на высший орган коммунистической партии, на собор; тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплоатации)”².

Царство Кесаря превратилось в уродливое Царство Божие через “божьи” почести безумному Кесарю. Ложная религия, освятившая это царство, оказалась жестокой, мрачной и нетерпимой. Такая религия требовала своей инквизиции, чтобы раздавить и уничтожить все, что угрожало этому “темному царству” и ее насильственной идеологии. Дух Великого Инквизитора как бы вселился в вождя этого царства и его народ. Те, кто не подпустили к себе этот дух, уничтожались. Подобно тому как в мрачные времена инквизиции горели костры, сжигавшие еретиков, так же и

³ Там же, С. 583.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 131.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 305.

по всей России совершались расстрелы и лилась кровь, трусливо и подло скрываемая ото всех. На инквизиторах не было зловещих черных балахонов, но от этого суть происходящего не менялась, а страх был тем же, что и во времена Великого Инквизитора, грозившего сжечь на костре самого Христа. Великий Инквизитор не подозревал, что наступит время и возникнет государство, где Христа расстреляют в миллионах человеческих душ и сердец, а с ним погибнет и принесенная им в мир любовь к ближнему. И, чтобы вновь ее вернуть, потребуются многие годы, а может быть, и века...

Психологическое и энергетическое уничтожение любви как общественного явления, вместе с ее носителями, обесточило Дух человеческий и превратило задуманное основателями царство высшей справедливости в царство Великого Инквизитора. И если мы захотим дать самое краткое определение тоталитаризму, то главное и единственное будет заключаться в одной фразе — общество без любви в самом широком смысле этого слова. “Если я не ошибаюсь, — пишет П. Тейяр де Шарден, — не тот ли это луч Света (любовь. — *Л.Ш.*), который может помочь нам яснее видеть окружающее вокруг нас? Мы страдаем и беспокоимся, замечая, что нынешние попытки коллективизации человечества приводят, вопреки предвидениям теории и нашим ожиданиям, лишь к упадку и порабощению сознанию. Но какой до сих пор мы избрали путь для единения? Защита материального положения. Создание новой отрасли промышленности. Лучшие условия для находящихся в неблагоприятном положении общественных классов или наций <...> Еще один поверхностный контакт и, значит, опасность еще одного порабощения <...> Только любовь, по той простой причине, что лишь она берет и соединяет существа их сутью, способна — это подтверждает ежедневный опыт — завершить существа, как таковые, объединив их”¹.

Через что же надо было пройти, что надо было увидеть и выстрадать, чтобы вновь, через две тысячи лет, вернуться, казалось бы, к простой истине, принесенной Великим Учителем, и понять ее космическое значение и всеобъемлющую духовную роль на более высоком эволюционном витке. Через все это и пролегал путь нового мышления XX века. Оно шло через тяжелые пространства людского непонимания и невежества, через кровь и страдания тех, кто взял на себя бремя Духовной революции.

Второй вождь, Сталин, уничтожил тех, кто вместе с Лениным делал Русскую социальную революцию; он превратил власть из средства в цель и, наконец, ввел тот режим репрессий и концлагерей, который помогал ему держать в повиновении и страхе огромную страну. С помощью всего этого Сталин сумел сделать необходимый человеческий отбор, который и обеспечил поддержку его режиму.

30-е годы были пиком разгула сталинской инквизиции, приведшей к окончательному уничтожению носителей русской духовной Культуры, а также их трудов. Это было время ликвидации всей политической оппозиции

¹ Тейяр де Шарден Пьер. Феномен человека. М., 1987. С. 209.

и насаждения урезанного просвещения, создавшего самые благоприятные условия для развития невежества и бескультурья.

В фальсифицированной истории советского государства, писанной новоявленными идеологами, этот период назывался еще “культурной революцией”. Можно смело сказать, что до сих пор эта “революция” толком не исследована, истинный смысл ее не вскрыт. Формулировки и стереотипы, выработанные этой “революцией”, продолжают мелькать в наших культурологических исследованиях и звучать в научных докладах. Вот некоторые из них, которые приводятся в “Философском энциклопедическом словаре” (ФЭС), изданном в 1983 году, а затем повторены в “Советском энциклопедическом справочнике” 1988 года и в других подобных изданиях более позднего периода. “Важнейшей целью культурной революции, — сказано там, — является превращение принципов марксистско-ленинской идеологии в личные убеждения человека, воспитание умения применить эти принципы в практической деятельности и вести бескомпромиссную борьбу с пережитками прошлого, с буржуазными и ревизионистскими взглядами”¹.

Далее: “Марксистская теория культуры, противостоящая буржуазным концепциям, основана на принципиальных положениях исторического материализма об общественно-экономических формациях как последовательных этапах исторического развития общества, о взаимоотношениях производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, классовом характере культуры в антагонистическом обществе”². Культурная революция, утверждают авторы статьи в “Философском словаре”, создает новые закономерности “духовного развития, на основе которых происходит становление и утверждение социалистической, а затем и коммунистической культуры”³. И, наконец, торжественным завершающим аккордом звучат слова: “Социалистическая культура — прообраз всемирной духовной культуры коммунистического общества, которая будет носить общечеловеческий характер”⁴. Остается только неясным: что же именно будет носить “общечеловеческий характер”. То, что в статье названо “культурой”, к действительной Культуре не имеет никакого отношения. Так же и сама “культурная революция” ни в коей степени не может быть соотнесена с Культурой. Ибо “превращение принципов марксистско-ленинской идеологии в личные убеждения человека” — процесс, который с Культурой не связан. Так же, как не связаны с философией вообще путанные и неясные мысли авторов цитируемой статьи. Упорное повторение высказанной когда-то Лениным мысли о классовом характере культуры как-то не вяжется со временем, когда эта статья была опубликована. Кроме того, Ленин в последние свои годы, столкнувшись с практикой культуры в стране, постепенно подошел к пересмотру своих теоретических положений о культуре.

¹ ФЭС. М., 1983. С. 295.

² Там же, С. 294.

³ Там же, С. 295.

⁴ Там же.

“Не выдумка новой пролеткультуры, — писал он, — а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры”¹.

Практика вновь разбила теоретическое положение Ленина о существовании пролетарской культуры. Теперь он ставил вопрос по-иному, хотя марксистский подход к культуре еще оставался в его рассуждениях. Вождь революции обладал одной удивительной чертой, о которой забывают или не хотят видеть его сегодняшние критики. В сложном разнообразии жизни он умел все-таки видеть реальные ее проявления и имел всегда мужество менять свои теоретические положения, когда не было им практического подтверждения. В революционном, взбудораженном океане огромной страны он не нашел того, что когда-то назвал пролетарской культурой. Класс, волею социальной революции оказавшийся у власти, не только не владел особой своей культурой, но и не имел какого-либо представления о цивилизации. И Вождь революции, не подозревая о том, что Культура и цивилизация — явления разного порядка, начал с последней. Стараясь привить пролетариату и крестьянству начатки этой цивилизации, он не называл этот процесс культурной революцией, а писал и говорил о “культурной работе”. О культурной революции он упомянул лишь в одной из своих последних статей (“О кооперации”) в связи с конкретной обстановкой, возникшей в период новой экономической политики, в которой проблема кооперации прежде всего крестьянства играла важнейшую роль. Он ставил неизбежный для страны вопрос о превращении крестьян в цивилизованных кооператоров. “А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма”².

Он понимал, сколь трудно превратить российского, в основном неграмотного, крестьянина в цивилизованного кооператора, он видел, какие огромные материальные средства для этого нужны, какие людские резервы для этого требуются. “...Условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции”³. И еще: “Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной. Но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)”⁴.

Вот, собственно, и все, что подразумевал Ленин, когда произносил слова “культурная революция”, имея в виду ее конкретные задачи,

¹ Ленинский сборник. М., 1945. Т. XXXV. С. 148.

² Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1951. Т. XXXIII. С. 431.

³ Там же, С. 434-435.

⁴ Там же, С. 435.

конкретную историческую обстановку. Теперь прочтем, что по этому поводу написано в “Советской исторической энциклопедии” (СИЭ). “Ленин, — сказано в ней, — был не только теоретиком культурной революции, но и непосредственным организатором советской культуры, науки и искусства”¹. И еще: “Культурная революция развернулась в России с первых же дней Октябрьской революции. Решающие же победы были одержаны в 30-е годы — в период социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства”. Невооруженным взглядом видно, что две последние цитаты не имеют ничего общего с ленинской постановкой вопроса о так называемой “культурной революции”. Создается впечатление, что здесь все передернуто, искажено и имеет отношение уже к другой “культурной революции” и другому ее вдохновителю. У этой, другой, существовали тоже свои цели, задачи и свое историческое пространство. “Культурная революция” 30-х годов должна была укрепить власть диктатора, превратив культуру в средство идеологии тоталитарного государства, а ее творческие силы — в корпус, преданно обслуживающий интересы этого государства и самого диктатора. Сталинская “культурная революция” была поэтому самым тесным образом связана с репрессиями, “победами” и той атмосферой страха, которая стала знаменем того гибельного времени.

Именно тогда опустился тот пресловутый “железный занавес”, который отрезал СССР, и прежде всего Россию, от остального мира, от информационно-энергетического обмена с ним, от развития мировой Культуры и науки. “Железный занавес” скрыл от всего мира то, что в действительности происходило в стране. Но даже он не мог быть герметичным, и информация о положении дел в СССР время от времени просачивалась в мир. Она доходила и до Учителей, у которых к тому же были еще свои каналы информации, и до Рерихов, которые добывали ее всеми известными им путями. “... Ужасно разрушительное состояние, — писал Н.К.Рерих в 1936 году. — Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих Героев Российской истории”². И еще: “Вот мы слышим о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше, так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения”³. Концлагеря, тюрьмы, специальные места для ссылок становились все многочисленней, заражая чистые пространства России насилием, жестокостью и кровью.

“Там, где все было отнято, — писала Елена Ивановна Рерих в том же 1936 году, — где всякое творчество было задушено, где было забыто человеческое достоинство, там особенно мощно проснется и уже пробуждается жажда к знанию и к истинной свободе. В положенное время

¹ СИЭ. Т. V111. С. 280.

² Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига, 1936. С. 15.

³ Там же, С. 26.

воссияет Чертог Небывалый. Потому сейчас в грозное время нам заповедано хранить торжественность. Мы вступили в разгар Битвы Армагеддона”¹.

И Учителя, и Рерихи, понимая всю суть тяжелого и жестокого времени, через которое проходила Россия, сохраняли спокойствие, твердость и непоколебимую веру в русский народ, в его Будущее. Правда, желаемое Будущее все время отдалялось, но в этом отдалении были и свои преимущества — накопление нужного опыта для дальнейшего продвижения. Говоря о русском народе, Елена Ивановна употребляла выражение “Иван Стотысячный”, которое олицетворяло и сам народ, и его несломленный дух. Она была убеждена, что Россию из ее бедственного положения выведет именно Иван Стотысячный, а не очередной вождь или невесть откуда взявшийся народный радетель. В этой, казалось бы, простой мысли была заключена философская истина. Лишь изменение народного сознания может продвинуть страну не только в ее историческом развитии, но и по спирали Космической эволюции. И пока Иван Стотысячный не осознает этого сам, никто ему не поможет. “...Улучшение в народном положении наступает не от перемены норм правления, но от изменения (я сказала бы, усовершенствования) человеческого мышления. Многие старые понятия неприемлемы для нового народного сознания и не могут входить в словарь будущего. Новый Мир требует новых понятий, новых форм и определительных. Все происходящее ясно указывает, куда направляется эволюция. Создается эпоха общего сотрудничества, общего дела и коллективной солидарности всех трудящихся, вне всяких классов. И самая насущная задача, встающая сейчас перед человечеством, есть именно синтезирование духовного с материальным, индивидуального с универсальным и частного с общественным. Лишь когда будет осознана односторонность узко материальных земных опытов, наступит следующая ступень стремления к объединению мира плотного с миром тонким. И новые достижения в науке, новые исследования и находения законов психической энергии потребуют не отречения от “небес”, но нового открытия и понимания их”².

Елена Ивановна не устает повторять основные положения Живой Этики, стараясь достучаться до России, стремясь как можно скорее помочь ей в ее беде. Она справедливо считает, что новое планетарное мышление найдет свое осознание именно в России. Опора эволюции в России, равновесие Мира — в ней. “Именно, все основы Живой Этики, — отмечает она, — должны быть внесены и применены в жизни, ибо без этого — существование невозможно”³. И через некоторое время: “О родине печаловаться не будем. Конечно, спасут ее не партии, но именно Иван Стотысячный. И этот Иван Стотысячный потребует нового света, новой духовной пищи и догматов, оправданных разумом и логикой. Потому и ризы новых духовных наставников его должны стать, действительно,

¹ Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. II. С. 264.

² Там же, С. 170.

³ Там же, Т. I. С. 412.

белоснежными, и они должны будут идти стопами истинных Подвижников Духа, но не отображать Великие Образы в кривом зеркале невежества и стяжательства”¹.

Несмотря, казалось бы, на самое отчаянное положение в стране, Елена Ивановна предвидит духовные сдвиги в сознании народа России. О подобных сдвигах в то темное время репрессий и уничтожения духовной Культуры нельзя было и предполагать. Но пути Духа таинственны и часто непредсказуемы, а их смысл доступен не каждому. Будучи уверенной в лучшем будущем “лучшей страны”, Елена Ивановна реально смотрела на Ивана Стотысячного. “Конечно, потенциал русской души велик, но сейчас потенциал этот в большинстве случаев еще глубоко захоронен. Пока что нам приходится сталкиваться с проявлениями невежества и со страшным самоедством, этим первым доказательством низкого уровня сознания, лишенного всякого синтетического вмещения. Несомненно, что в Иване Стотысячном имеются большие задатки, но если к сроку он не пробудит их в себе, то можно будет вообще поставить крест на спасении нашей расы, и ковчег нового Ноя за ненадобностью будет отставлен”². Космическая эволюция, считала Елена Ивановна, предоставила Ивану Стотысячному возможности, но в какой мере он сумеет воспользоваться ими, зависит от многих обстоятельств, как внешних, так и внутренних. И прежде всего от того, воспримет ли Россия новое планетарное мышление, Новое Учение или покорно последует за тем, что навязывали ей ее вожди. Как все сложится в действительности, определить было трудно.

В 1933—1934 годах Елена Ивановна Рерих собрала из высказываний Учителей вторую книгу-предупреждение. Она называлась “Напутствие Вождю”. Книга была сделана в совершенно иных исторических условиях, когда страна не только двинулась в направлении тоталитарного режима, но уже укрепляла и развивала его. “Напутствие Вождю” было опубликовано в пятидесяти экземплярах и оставлено до лучших времен. Авторы “Напутствия” хорошо понимали, что предупреждения их тщетны. Заведенная Сталиным государственная машина уже работала на полных оборотах. Поэтому второе предупреждение постигла та же судьба, что и первое. Оно не дошло до адресата. Однако мысли, содержащиеся в “Напутствии Вождю”, до сих пор не утратили своей актуальности и дают нам представление о том, как авторы Живой Этики расценивали деятельность Сталина и его качества. Однако параграфы второй книги-предупреждения, так же, как и первой, не соотносились прямолинейно с конкретной личностью Сталина, а как бы косвенно свидетельствовали о нем и его деяниях.

“Вождь стоит на гребне, у которого нет спуска. Найти границу между противоположениями может Вождь прирожденный <...> Вот перед ним снисходительность или попустительство. Конечно, у первого рождается второе, но между ними лежит Меч Справедливости. Ведь снисходительность от Света, но попустительство уже от тьмы. На гребне между ними лежит Меч

¹ Там же, Т. II. С. 57.

² Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. I. С. 411.

Вождя. Узко место, где может лежать Меч. Также узка грань между мужеством и жестокостью. Лишь сердце Вождя знает, где эти грани”³. В этом небольшом параграфе заключены важнейшие психологические проблемы человека, стоящего у руля власти и ощущающего все бремя ответственности, лежащее на его плечах. Если человек, находящийся на таком месте, действует “во имя свое”, то огромные беды грозят стране, которой он правит. Если мы внимательно просмотрим параграфы, каким не должен быть вождь, то поймем, что человеческие качества Сталина были хорошо известны авторам “Напутствия”.

Вот целый “букет” подобных качеств. “Многие события были искажены именно личным произволом, который вносил насилие в широкие устремления”¹.

“Также Вождь не должен знать месть, как одно из самых животных чувств”².

“Плох Вождь, скрывающий истинную опасность”³. “Страх несовместим с понятием Вождя. Каждое проявление страха уже есть уничтожение уважения к Вождю <...> Страх заставляет даже неглупых людей увеличивать около себя стражу. Но Вождь не нуждается в страже. Он может быть окружен сотрудниками и помощниками. Явление страха разрушило многие Государства”⁴.

“Какое мерзкое чувство подозрительность! Ведь оно не имеет ничего общего с Огненным Миром. Приступ подозрительности делает человека хуже животного, у того остается чутье, но подозрительность выедаёт все чувства. Конечно, этот пережиток от самых темных времен”⁵.

“Действительно, жестокость должна быть искоренена. Не только жестокость действий, но и жестокость мыслей, последняя хуже самого действия”⁶.

“Каждое умолчание Вождя будет заполнено злом, которое преследует каждое отступление добра”⁷.

“При строительстве Вождь наблюдает, чтобы под личиной исполнения заветов не обнаружилось своекорыстие. Уничтожение творческих завоеваний следует за темным своекорыстием”⁸.

Полагаю, вышепротитированное не нуждается в комментариях. В этих параграфах мы находим все, что уже знаем. И глубоко отрицательные качества характера Сталина, и своекорыстное искажение им ленинского наследия или заветов, и отступление от идеалов революции.

В “Напутствии” особо обращают наше внимание на те деяния Сталина, которые потом поставили советское государство на грань катастрофы.

³ Напутствие Вождю, 1.

¹ Там же, 154.

² Там же, 6.

³ Там же, 46.

⁴ Напутствие Вождю, 91.

⁵ Там же, 133.

⁶ Там же, 135.

⁷ Там же, 87.

⁸ Там же, 59.

Привожу только важнейшие из них. “Каждое объединение может состояться лишь на кооперативных началах (т.е. сотрудничестве. — *Л.Ш.*). Стоит только допустить элемент завоевания, подавления и унижения, чтобы рано или поздно эти отвратительные тени превратились в разрушительных чудовищ”¹. Любому ясно, как актуально звучат сегодня эти слова, раскрывающие смысл того, что произошло с нашим государством в последние десятилетия.

“Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете <...> Народ, забыв учителя, забыл свое будущее”².

Это тоже о нас, сегодняшних.

Вождь “понимает необходимость свободы духовных убеждений. Он собирает Советы лиц умудренных, чтобы свобода духовная не нарушалась, ибо такая свобода есть крылья народа”³.

Это писалось в то время, когда духовная свобода народа огромной страны была грубо поправа, унижена и уничтожена Сталиным и его соратниками. Народу подрезали крылья, которые до сих пор так и не восстановились.

И еще один важный момент, о котором сказано в этой уникальной книге. Это необходимость связи вождя с Высшим, которая ставит вождя в цепь Иерархии и придает его действиям эволюционный характер. “Сказано о предвидении Вождя, но откуда может сойти предвидение, если Врата Высшие не открыты? Как создать понимание сроков, если Руководитель не усмотрит течение потока?”⁴ И еще: “...Действительно, Указ может быть жизненным лишь своевременностью. Но что же, кроме Иерарха, может усмотреть своевременность? Потому жемчужина силы Вождя лишь в общении с Иерархом. Нельзя растопить эту жемчужину, ибо в разложении она дает яд. Нужно хранить жемчужину явленную, как единое незаменимое сокровище. Представим себе, что Вождь отринет Общение, тогда он сразу станет самым обычным человеком, и нить порванная отбросит его далеко назад”⁵.

В этом фрагменте особенно важна последняя фраза. Отринувший или не имеющий общения с Иерархией вождь становится обычным человеком. Здесь заключена, я бы сказала, эзотерическая суть государственного руководителя, его космичность, неизбежность его появления в определенном пространстве и времени. При всей противоречивости Ленина как вождя в нем присутствовала эта важная эзотерическая суть, что подтверждали сами Учителя, дав ему соответствующую характеристику в “Общине” монгольского издания. И в то же время у Сталина, при всем его желании, если можно подозревать такое, подобной связи с Высшим просто не могло быть хотя бы в силу того страха за собственную жизнь, который мучил его всегда, заставляя принимать соответствующие меры, начиная от усиления личной охраны и кончая уничтожением всех тех, кого он подозревал в каких-

¹ Там же, 29.

² Там же, 162.

³ Там же, 21.

⁴ Там же, 10.

⁵ Там же, 118.

либо действиях против себя. “Можно представить, — сказано в “Напутствии”, — как Вождь заражается ужасом, разве можно тогда представить общение с Иерархией?”¹ Космические законы, которые управляют и человеческим обществом, были отторгнуты ортодоксальными правителями советского государства и не приняты во внимание. И если просмотреть историю нашего государства под этим углом зрения, то многое станет ясным и смысл многих важных событий найдет свои причинные связи.

Но меньше всего хотелось бы, чтобы ситуация, сложившаяся в Советском Союзе в 30-е годы, рассматривалась однозначно и прямолинейно: с одной стороны вождь-злодей, с другой — его жертва, многострадальный народ. Народ этот, как мы уже знаем, был разным. Помните, у Бердяева? “Русь святая” и “Русь звериная”, два полюса, две крайности, сложившиеся в России к началу XX века. Социальная революция сдвинула и перемешала эти полюса. Обстоятельства, с которыми сталкивался человек, проявляли в нем, в зависимости от уровня его сознания, или то, или другое. “Культурная революция”, подавление духовной свободы, насаждение страха и многое другое поднимали наверх “Русь звериную” и пробуждали ее в душе человека, поставленного обстоятельствами буквально между жизнью и смертью, между тюрьмой и волей. В этих условиях каждый выживал по-своему. “Русь звериная” составила главную опору сталинского режима, в то время как “Русь святая” гибла в лагерях и тюрьмах. Ни один вождь, будь он семи пядей во лбу, не смог бы создать самолично в стране такой режим, если бы у него не было массовой опоры. А она была именно массовой. Механизмы, включенные Сталиным и его соратниками, действовали точно и безотказно. Яд, называвшийся “во имя свое”, в изобилии текший с высот партийного руководства, разъедал души людей, заставлял их забывать о других и понуждал их “во спасение” идти на самые низкие поступки. 1937 год стал кульминацией сталинских репрессий. Тщательно скрываема информация о страшных событиях просачивалась за рубеж, в другие страны, где в это время было немало русских эмигрантов. Некоторые из них писали отчаянные письма Елене Ивановне. У всех них остались в России близкие и родственники, так же, как и у самих Рерихов. Елена Ивановна, отвечая им, писала о том, что наряду с разрушением в народе живут “устремления к знанию и строительству”. “Никакая тьма, — убеждала она отчаявшихся своих корреспондентов, — не может осилить Великий План Света. Истинно, Знамя Преподобного поднялось над Страною”².

Святой Сергей Радонежский, защитник земли Русской, зиждитель русской Культуры, являлся тем духовным символом России, к которому обращались в самые трудные времена национальной истории. Его знамя поднялось над страной в 1937 году, когда разворачивалась основная эволюционная битва между Светом и тьмой. Потом эта битва достигнет своего апогея в годы Великой Отечественной войны, на полях сражений которой решится судьба планеты. Именно там, на этих кровавых полях, Иван

¹ Напутствие Вождю, 91.

² Письма Елены Рерих. 1932-1955. Новосибирск, 1993. С. 213.

Стотысячный начал осознавать смысл действительной свободы. Ибо все духовное движение войны было направлено к свободе. К свободе национальной и к свободе внутренней. Таков был энергетический результат всех человеческих усилий, духовных и физических, проявленных в то страшное время. Но не успел еще в глазах победителей померкнуть свет триумфальных салютов, как новая волна репрессий смела слабые ростки завоеванной свободы. Но вернемся к 1937 году.

Елена Ивановна, в одном из писем того времени, приводит свидетельство келаря Троице-Сергиевого монастыря Авраамия Палицына о смуте 1612 года: “Казалось, что россияне, — писал келарь, — не имели уже отечества, ни души, ни веры, что государство, зараженное язвю, в страшных судорогах кончилось... Ляхи с оружием в руках только смотрели и смеялись безумству междоусобия ...Сердца окаменели, умы помрачились... Гибли отечество и церковь, скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшались кони, пили из потиров, на иконах играли в кости, в ризах иерейских плясали блудницы, иноков-священников палили огнем, допытываясь их сокровищ... Горожане и земледельцы жили в дебрях, в лесах и пещерах неведомых или болотах, только ночью выходя из них осушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей. Матери, укрываясь в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи”¹.

Этот отрывок был выбран Еленой Ивановной не случайно. Он как бы создавал знаковый образ того, что происходило в России в 1937 году и в концлагерях, и на воле. Мы еще до конца не знаем всего того драматического и трагического, чем был в действительности наполнен этот год. Историческая параллель, проведенная Еленой Ивановной, позволяет догадываться о многом. “Пережила Р[оссия] смутное время, — заключает она, — переживет и эту страду. Велик дух ее народа, и в страданиях и исканиях обретает он мощь непобедимую. Так суждено”².

Она, как всегда, оказалась права. Письма и заметки Елены Ивановны Рерих, в которых она касается самых важных и больных проблем России, могут составить целую отдельную книгу.

Предупреждения, предостережения и советы шли в Россию интенсивным потоком, но не все из них доходили, а многие снова не были услышаны.

“Тяжкие сроки, тяжкие времена! — писала Елена Ивановна в 1949 году, — Но лучшая страна станет космическою основой равновесия в мире. Страна лучшая станет страной самой строительной и самой прекрасной. Наша страна узнает яркий расцвет после уявления космических знаков <...> Никто не коснется ее. Она не будет затронута космическими знаками и

¹ Письма Елены Рерих. 1932-1955. Новосибирск, 1993. С. 213-214.

² Там же, С. 214.

пойдет путем особым, путем самостоятельным, путем сотрудничества с Силами Космическими, Силами Света”³.

Елена Ивановна ушла из жизни в 1955 году. До самого своего конца она думала и писала о России. Сдвиг сознания в России, который произошел несмотря на все препятствия, а может быть, благодаря именно им, давал ей основание надеяться на то, что страна выполнит свою миссию, которую возложила на нее эволюция.

За несколько месяцев до смерти она написала пророческие слова:

“События сложатся неожиданно, не так, как мы ожидаем, но, как всегда, на пользу лучшей страны. Страшное время пронесется очищающим вихрем. Трудность в том, что многие еще не понимают причину и смысл совершаемого на всей планете. Новые сознания должны полюбить волну нового строительства. Новое строительство должно раскрепостить мышление, отсюда произойдут благие перемены. Накопившаяся злоба в мире разрешится потрясениями”¹.

Энергетический океан Космоса, подвижный и меняющийся, бился о берега планеты Земля, диктовал ей свои условия, предоставлял ей все новые и новые возможности. Одни комбинации, не замеченные в плотной земной материи и поэтому не реализованные, уходили в глубину Беспредельности, другие возникали оттуда, неся в себе новые элементы, новые построения. Живая Этика говорила о необходимости уметь читать книгу Космоса, видеть его движения, его грубую и тонкую энергетику, пользоваться вовремя возможностями, им предоставленными, предвидеть пути их осуществления. От создания книг “Община” и “Напутствие Вождю” до сегодняшнего дня протекло немало времени. Кое-что изменилось, что-то пропало, что-то появилось. Но остались актуальными те предупреждения, которые сделали Учителя. Одни из них сбылись, другим предстоит еще проявиться. “Когда человек попадает в несовершенную общину, в ужасе он устремляется в противоположность—это неправильно <...> Неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным строениям. Так мыслите о новых возможностях!”² Это нам, сегодняшним. Нам же, теперешним, адресовано еще одно пророчество: “Вы увидите все миражи и будете знать непреложную действительность приближения Мирового сотрудничества”³.

России суждено было увидеть все миражи, пройти через все иллюзии и заблуждения. Тоталитарный мираж был самым страшным уже потому, что это был мираж “светлого будущего”, который вознесся над реальным обманом и низостью, насилием и жестокостью, корыстью и предательством, подлостью и трусостью. Никогда еще в истории человечества низкие качества не излучали таких красивых миражей. Но XX век был во многом особым, как и та страна, над просторами которой гуляли обманные, но такие привлекательные миражи... Один из них, ядовитый и гибельный, назывался

³ Там же, С. 509.

¹ Там же, С. 511.

² Община (Рига, 1935), 226.

³ Там же, 258.

“новый человек”. Этот мираж был самым устойчивым и в какой-то степени самым желанным. Он сумел проникнуть в духовную суть человека и заволочь и сдвинуть своими цветными туманами нравственные ориентиры в этой сути.

“НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК”

Сперва псевдоцивилизация, затем псевдонаука, псевдодружелюбие, псевдодостоинство, а там уже во всем безобразии окостенения псевдочеловек.

Н.К.Рерих

Только новое рождение духовного человека, который раньше дремал и был задавлен, есть действительно явление нового человека.

Н.А.Бердяев

Идеологи Духовной революции в первую очередь обращали внимание на духовное развитие человека. Это был эволюционный подход. Человек, в истинном смысле этого слова, начинался с внутренней его энергетики и внутренней его жизни, где формируются его духовная культура, его мышление и сознание. Именно там, в этих внутренних глубинах, идет таинственный процесс взаимодействия духа и материи, эволюционной целью которого является одухотворение последней. Через это внутреннее, духовное пространство, несущее в себе энергетику Высшего, проходит и связь человека с Высшим, без которого невозможен процесс совершенствования человека как субъекта эволюции, развитие его Духа и повышение его сознания. Формы человеческого общества создаются и развиваются под воздействием этого сознания. Менять общество, а тем более человека, начиная с материальных моментов, так же бесполезно, как создавать писателя или художника, поставив основным условием для этого наличие письменного стола или мольберта.

Великие законы Космоса, по которым живет все Мироздание, распространяются и на человеческое общество. Ибо энергетика Мироздания и человека едины. И если эти законы нарушаются в силу невежества или нежелания их соблюдать по каким-либо причинам, то страдает и искажается энергетика не законов, а тех, кто их нарушает. Духовное развитие человека, его совершенствование, особенно в период социальных взрывов, революций и переломных моментов, тесно связано с тем новым, что они приносят с собой. Проблема, что такое новое и что такое старое, не так проста, как нам кажется. Оценив правильно значение того и другого, мы сможем определить эволюционную и историческую роль самых разных явлений в жизни общества. Не все прошлое должно быть сброшено с “корабля современности”, не все новое безоговорочно служит будущему. Духовная революция, еще до того как разразилась социальная, ставила эту проблему в

работах своих идеологов и философов. Наиболее яркое выражение она нашла в основополагающем Учении Живой Этики.

“Новое, — пишут авторы книг Учения, — нельзя слагать по условным, предрешенным и земным помыслам, но нужно помнить, что широко проливается Благодать; искры ее заносятся вихрем космическим к различным очагам”¹.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что процесс формирования нового, в самом широком смысле этого слова, есть естественный космический процесс, идущий в русле Великих космических законов и отражающий закономерности Космической эволюции. Новое не создается самими людьми, а складывается космической энергетикой. Человек же лишь должен осознать формы этого нового и помочь их реализации.

“Посмотрим, как они приходят, те, кто требует только новое. Вот он, требующий, но даже не знающий гармонизацию центров, — разве ему можно дать новое? Вот он, лишенный энтузиазма, — разве ему можно дать новое? Вот он, не знающий радости, — разве ему можно дать новое? Вот он, не освобожденный от злобы, — разве ему можно дать новое? Вот он, трясущийся от зависти, — разве ему можно дать новое? Вот он, серый от страха, — разве ему можно дать новое? Вот он, отвратившийся от Истины, — разве ему можно дать новое? Вот он, раздраженный и умерший сердцем, — разве ему можно дать новое? Многие придут и спросят, где же новое? Мы готовы попать его. Мышление наше готово к отрицанию. Наше желание — уничтожить то, что вы скажете, — такие слова наполняют Землю”².

Надо всегда помнить о том, что новое есть весть Мира Высшего, пространства более высокого в эволюционном отношении. И неважно, кем и в какой форме приносится эта весть — через научное ли открытие, откровение ли духовного Учителя, уста ли пророка, творчество художника или поэта. Иными словами, естественное формирование нового происходит прежде всего в пространстве Культуры. Оно как бы вырастает из старого, а не противостоит ему, уничтожая и разрушая последнее. Такое соотношение старого и нового обеспечивает необходимую преемственность, на механизмах которой держится не только сама Культура, но и эволюция.

“Спиральные кольца (эволюции. — *Л.Ш.*), — пишут Учителя, — должны почти соприкасаться, иначе спираль не сильна. Потому вкладывайте новое почти неприметно, не беда, если скажут — это все старое! Так скорее воспримут и новое”³.

Но каким же образом, в сложнейших условиях подвижной жизни, можно распознать границу между исчезающим старым и нарождающимся новым, для того чтобы определить эволюционную линию поддержки и развития нового и использования тех элементов старого, без которых это новое может и не состояться? Учение Живой Этики и на этот вопрос дает ясный и четкий ответ:

¹ Сердце, 125.

² Мир Огненный, II, 303.

³ Там же, III, 460.

“Любовь укажет вам границу установления Новой жизни. Чудо распознавания будущего явится без пушек, но колокол призовет растерянных в лесу путников”¹.

Любовь — одно из важнейших космических понятий и опора восхождения человека к Высшему. Только она сможет определить пути этого восхождения и те незаметные границы между различными явлениями, которые служат идущему верными ориентирами во всем: и в эволюции, и в истории, и в бытийной жизни. Н.А.Бердяев, один из идеологов Духовной революции, исследуя феномен нового человека, писал:

“Новый человек, действительно новый человек, есть реализация вечного человека, несущего в себе образ и подобие Божие <...> Поэтому обращенность к грядущему связана с тем, что было вечного в прошлом. Достоинство человека требует, чтобы он не был рабом быстротечного времени”². И еще: “Цели жизни не могут быть подчинены средствам жизни, свобода не может быть подчинена необходимости, царство Духа не может быть подчинено царству Кесаря”³.

Русский философ прекрасно понимал и еще одно важное обстоятельство: революция сама по себе, за свое краткое существование, не могла ни создать Нового Мира, ни сотворить нового человека. Ибо она имела дело со старым человеческим материалом, со старыми, изжившими себя представлениями и особенностями. Именно этот материал нес в себе насилие, кровь, жестокость, алчность, властолюбие и другие отрицательные человеческие качества.

“...Нельзя ждать от революции явления нового человека, — писал он. — Мститель за зло прошлого не есть новый человек, это еще старый человек”⁴. Новый человек невозможен без нового уровня сознания, новых подходов к общественной жизни, новых концепций. Нужны были многие годы кропотливой работы, чтобы на расчищенном взрывом месте появились первые ростки этого нового человека. Но нового человека в своем чреве несла не социальная революция, а Духовная. Ибо именно во имя этого истинно нового человека и произошло то космическое совпадение, в едином пространстве и времени, Духовной и социальной революций. Но Духовная революция, в силу известных нам уже исторических условий, была вытеснена из пространства формирования нового человека. Этим занялась, вооруженная марксистской доктриной, социальная революция.

“...Для марксизма новый человек, — справедливо заметил Н.А.Бердяев, — человек грядущего социального общества, создается фабричным производством. Он дитя жестокой необходимости, а не свободы”⁵.

“Культурная революция” 30-х годов “победно” завершила этот процесс. “Важнейшая цель социалистической культуры, — сказано в “Философском энциклопедическом словаре”, — формирование нового человека,

¹ Листы Сада Мории, Книга первая. Зов. 1922, 1 января.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 326-327.

³ Там же, С. 327.

⁴ Там же, С. 324.

⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 306.

всесторонне развитой личности, превращение научного марксистско-ленинского мировоззрения в осознанное убеждение каждого члена общества, воспитание в нем высоких нравственных качеств, обогащение его духовного мира”¹. Надо сказать, что и “нравственные качества”, и “духовный мир” идеологи советского строя понимали по-своему.

В 1923 году один из сподвижников Ленина А.К.Воронский опубликовал статью, в которой, как бы мимоходом, задел проблему “нового человека”. Представление старого революционера о “новом человеке” заслуживает внимания. “И если на глазах наших, — писал Воронский, — растет и лезет из всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов, крепко, на славу сбитых, Русь рабфаковцев и свердловцев, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени и стали упрямо-крутыми подбородки, как у кавалеристов перед атакой в мастерском, неподражаемом живописании Л.Н.Толстого, — а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали, если эта Русь с каждым днем все крепче, все глубже, все шире вспахивает рыхлые целины русского чернозема, то как можно твердить о Ленине, что — он аскет, схематик, не знающий почвенной, подлинной России?”² Со временем нарисованный образ укреплялся, развивался и стал служить многим сотням и тысячам молодых людей примером для подражания. В “холоде и крепости стали” в глазах “нового человека” отражалась жестокость бездуховности. Искусственно привитая, она доживет до наших дней, а затем, “отпущенная”, когда рухнет Система, ударит кровью и страданиями по всей огромной стране и станет важнейшим, а может быть, и определяющим фактором в ее жизни.

Созданное после революции государство проводило опаснейший эксперимент с “творением” нового человека. Оно напоминало в этом отношении псевдохирурга, который, не зная анатомии, взялся за сложную операцию. То, что в руках такого “хирурга” оказалась, вместо скальпеля, винтовка, несколько его не смущало. По этому поводу “любимец партии” Н.Бухарин писал: “Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная с расстрела <...> является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи”³. “Первопроходцы” и “экспериментаторы” стремились уничтожить в человеке память о прошлом, освободить его от ненужных, с их точки зрения, знаний и “предрассудков”, избавить от “буржуазной” культуры. Они добивались лишь одной цели — расчистить “старое” культурное пространство так, чтобы там не осталось ни травинки, ни былинки, и где можно было бы с нуля, с самого изначального начала строить по-своему, по-революционному и по-марксистски, невиданную никогда в истории человечества, единственную и ни на что не похожую “новую” жизнь, в которой будет место только для “нового человека”. Подавляя Дух и свободу человека, они безжалостно рвали его связи с Высшим, всеми доступными им способами блокировали его сознание,

¹ ФЭС. М., 1983. С. 295

² Газета “Советская культура”, 20.04.89.

³ Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 164.

стараясь не впустить туда космическое мироощущение, знания о Беспредельности. Отторгая от человека традиционного Бога, они начали массовую “промывку” мозгов, завершив ее так называемой “культурной революцией”. К тому времени от действительной Культуры почти ничего не осталось, а сохранились лишь отдельные ее осколки, использовавшиеся в интересах тоталитарного государства.

Но “обновлению” поддавались далеко не все. Старое традиционное сознание сыграло свою охранительную роль, противостоя какое-то время этому разгулу “нового”, создавая в пространстве Духовной революции “островки” сопротивления, которые в какие-то моменты помогали этой революции выстаивать. Процессы взаимодействия “старого” и “нового” были в России не столь просты и прямолинейны, как казалось борцам за “нового” человека. Эта борьба “за” шла как бы в двух слоях, в двух измерениях российской духовной жизни, разделенных к тому же возрастными особенностями ее участников.

В первом слое, где приходилось иметь дело с теми, которые к началу социальной революции сформировались, обрели зрелость и имели свои убеждения, человеческий материал мало поддавался “обновлению”. Неподатливые подлежали изоляции или уничтожению. Среди молодежи “обновленческий” процесс развивался более успешно и со временем захватил всю систему российского образования и просвещения, а также многомиллионную массу членов Ленинского комсомола. Те, кому во время Революции было по 16—18 лет, к концу 30-х годов стали взрослыми и зрелыми людьми. Именно они к этому времени начали играть достаточно заметную роль и во власти, и в науке, и во всех других отраслях деятельности. “Новый душевный тип, — писал Н.А.Бердяев, — призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие *снизу*, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было *ressentiment* (чувство обиды. — *Ред.*) по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести”¹. И еще: “В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость”².

Парадоксально, но факт: в “новых” русских оказались весьма устойчивыми старые, худшие качества народа, из которого они вышли. “Новая жизнь” создала условия для их дальнейшего развития. И это в значительной мере определило культурно-социальную судьбу такого “нового человека”. Искаженное понятие свободы привело к тому, что сформировался своеобразный тип “раба революции” и “раба государства”. “Новый человек”, не успевший толком сложиться как “новый”, уже начинал деградировать как человек. Эта деградация привела страну ко многим бедствиям. Насилие,

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990. С. 101-102.

² Там же, С. 101.

жестокость и властолюбие — вот те основные качества, которые получили и развили представители “новой” элиты. Понятия о Духе, об иных мирах и связях с ними были искусственно удалены из сознания “нового человека”. Это, в свою очередь, лишало его, с одной стороны, независимых и индивидуальных личностных качеств, превращало в стандартизированный винтик государственного организма, а с другой — делало его сущностью с абсолютным чувством посюсторонности и отсутствием ощущения Беспредельности даже на самом незначительном уровне. Отчужденный от сознания ценности собственной внутренней жизни, ее духовных движений и переживаний, “новый человек” проявлял в этой ситуации острый интерес к технике, нередко со временем превращался в незаурядного технократа, “организатора социалистического производства” с ограниченным и плотно зашоренным мировоззрением и таким же подходом к окружающей его действительности. Став “новым”, такой индивидуум утрачивал интерес к человеку вообще, списывал его со своих счетов и смотрел на него как на некое средство достижения своих и государственных целей. Подобно тому как на войне не ценится человеческая жизнь, не ценилась она и в сфере “социалистической экономики”.

“Методы войны, — писал Бердяев, — перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни. Он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором”¹.

Насилие, в самых разных областях жизни страны, постепенно становилось нормой жизни “нового человека” в такой степени, что сам человек переставал ощущать его аморальный смысл, переставал отличать насилие от ненасилия. Насилие процветало в концлагерях и государственном аппарате, оно проникло в науку и сохранившуюся часть Культуры, оно господствовало в творческом труде и на производстве, внедрилось в администрацию всех уровней, в систему школьного воспитания и т.д. Насилие над Духом человека, насилие над его мыслями, личностью, его стремлениями и желаниями, насилие над его телом...

“Новый человек” нес в себе это насилие, дышал им, мыслил им и не мог работать без него. Насилие и принуждение становилось основой его отношения к людям, стилем его жизни, кредо его поступков и кодексом его морального поведения.

Русский философ Бердяев увидел в “новом человеке” России даже какой-то иной антропологический тип, который можно отличить по особому выражению лица. Он не без основания утверждал, что “новый человек” “есть мировое явление”, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме”².

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.

² Там же, С. 101.

Как будто мировое зло, концентрированно выплеснувшееся в пространство борьбы Света и тьмы, обрело свою форму в “новых людях” Германии и России. В первой это были “белокурые бестии”, хватавшиеся за пистолет, когда слышали ненавистное слово “культура”, а потом сжигавшие в печах миллионы “неполноценных”, во второй — борцы за светлое будущее человечества, пытавшие в застенках сотни тысяч людей и расстреливавшие их страшными тайными ночами. И в том и другом случае действовал тот псевдочеловек, о котором писал Рерих и которого сформировали ложные цели, пришедшие откуда-то из темного чрева мировых социальных катастроф и катаклизмов XX века. Можно подумать, что такие люди появились в нашем мире, чтобышний раз напомнить человечеству, сколь опасны невежественные эксперименты с человеческим Духом и сколь разрушительны для него идеи, не имеющие нравственной опоры ни на Земле, ни в Космосе.

Создавая что-то новое, мы должны понять духовный смысл старого, его истинную суть и оценить правильно его потенциал для будущего. Те “новые”, что возникли в России, ничего нового в себе не несли. Представление о Новом мире и новом человеке, в истинном смысле этого слова, мы находим на путях Духовной революции и того нового мышления, которое сформировалось в XX веке. Новый человек появляется там, где происходят изменения не внешние, а в первую очередь внутренние, связанные с движением и развитием человеческого Духа. Только в этом пространстве складываются новые творческие процессы, ведущие к изменениям во внешнем обустройстве того или иного человеческого общества. А не наоборот. Русская социальная революция и социально-политическая практика тоталитарного государства России всем своим горьким и многострадальным опытом подтверждают это. Подтверждает их и состояние России сегодняшнего дня.

Только Духовная революция, а не социальная, сможет улучшить человека, продвинуть его на пути реализации того вечного, что заложила в него космическая Беспредельность. Только такой человек, изменивший и расширивший свое сознание, вместивший новое мышление своей эпохи, может в действительности преобразовать общество, в котором он обитает, и продвинуть его выше, а не “вперед”, согласно концепции европейского прогресса. И если уж говорить откровенно, никто ведь никогда не знает, где это “вперед”. Зовущее слово “вперед” может оказаться в пространстве “назад” или совсем где-то в стороне от магистрального развития Космической эволюции человечества.

“...СО СТАРЫМ СОЗНАНИЕМ НЕ ВОЙТИ В НОВЫЙ МИР”

Свет стоит над Родиной. Людские чаяния и ожидания расходятся с решениями космическими.

Письмо Елены Рерих от 6 сентября 1948 г.

Россия — творческая задача, поставленная перед всечеловечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь. Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела. Всечеловечество имеет великую нужду в России.

Н.А.Бердяев

К 70-м годам XX века социалистическая система начала давать сбои. Если в предыдущие годы она поскрипывала, иногда прокручиваясь на холостых оборотах, то теперь все ясней становилась ее неспособность решать самые простые вопросы, связанные с культурной, социальной и экономической жизнью страны. Когда-то отлаженный с помощью насилия и принуждения механизм постепенно ржавел, терял былую динамичность и замедлял ход. Объявление в стране эпохи “развитого социализма”, основным лозунгом которой стала загадочная фраза “экономика должна быть экономной”, свидетельствовало о неспособности правящей элиты сохранить пришедшее в ветхость государство. Начался скрытый развал, сопровождавшийся моральной деградацией этой элиты и ее окружения. Позже, когда наступит перестройка, это время назовут “застоем” и скроют по стародавней привычке правду о происходившем в стране, в государстве и правящей партии. Происходили же там непростые, а подчас и страшные дела. Ложь, ставшая к этому времени образом мышления правящей верхушки, была уже не в состоянии скрыть от народа эти дела. То, что никакого “застоя” не было, а шел по всей России подземный гул рушащейся, ставшей глубоко антинародной системы, было ясно далеко не всем. Магия старой идеологии продолжала еще действовать на сознание миллионов. Нерушимо стояли древние стены Кремля, неизменно сверкали на его башнях рубиновые звезды — символ мощи и вечности социалистического государства. И очень немногим было ведомо, что творилось за этими стенами...

Законы, нравственные и правовые, по которым жило это государство, никогда не соответствовали ни духу, ни национальному характеру его граждан. Энергетика, заложенная самопожертвованием руководителей социальной революции и теми, кто следовал за ними, беззаветно веря в народное счастье и светлое будущее, с годами ослабевала, а затем полностью иссякла. Механизмы государства, основанные на ложных социальных идеях, устаревших и непригодных для России, лишились “горючего”.

Разворовывание и растаскивание государственной собственности началось еще при генсеке Леониде Ильиче Брежневе, личности, которая если и не войдет в историю, то останется надолго в памяти современников. Именно при нем стала складываться та “теневая экономика”, в создании которой участвовали уголовники и номенклатура, использовавшая власть в собственных интересах. “Теневики” постепенно становились реальными хозяевами страны. Это они совершали многомиллионные хищения государственных денег, растаскивали огромные ценности под “неусыпным оком” правоохранительных органов. Генсек и его непосредственное окружение тоже занимались такой же деятельностью, но придавали ей законный характер, включая ее в число “заслуженных” ими “привилегий”. Позже развал из тайного стал явным, повергнув миллионы россиян в состояние шока и потрясения. На их глазах распалась огромная и мощная держава, “дружбы народов надежный оплот”. Объективная энергетика Космоса разрушила нежизнеспособную, противоречащую его законам систему. Поиски виновных случившегося являются бесплодными и ирреальными. С таким же успехом можно обвинить в сходе лавины человека, оказавшегося в этот момент в ее зоне.

Грядущая гибель Союза была уже заложена в его основание с первых же дней его существования. Ложная концепция национальности и национальной культуры, а также пресловутого интернационализма с самого начала повела вновь созданное государство в тупик.

Позвольте мне привести три высказывания, определяющие суть национальности или нации. Два из них принадлежат И.В.Сталину, считавшемуся главным авторитетом в области национальных отношений. Третье — русскому философу Н.А.Бердяеву, представившему новое планетарное мышление.

“Нация, — писал первый, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры”¹. И еще: “Нация является не просто исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации”².

“Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия, — писал второй, — не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют

¹ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. II. С. 296.

² Там же, С. 303.

ту или иную роль в ее определении. Национальность — сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидającego ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности. Национальность — таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие. Нужно быть в национальности, участвовать в ее творческом жизненном процессе, чтобы до конца знать ее тайну. Тайна национальной хранится за всей зыбкостью исторических стихий, за всеми переменами судьбы, за всеми движениями, разрушающими прошлое и создающими небывшее. Душа Франции средневековья и Франции XX века — одна и та же национальная душа, хотя в истории изменилось все до неузнаваемости”¹.

В процитированных мною фрагментах представлены две противоположные точки зрения — “плоская” и объемная, одномерная и многомерная. В словах автора “плоской” точки зрения слышится скрежет металла, “на века” созданной конструкции, закрытой и категоричной.

В высказывании же Н.А.Бердяева ощущается полет незаурядной творческой мысли, глубина и убежденность в присутствии нездешних сил, участвующих в делах земной жизни, с ее таинственной, но predeterminedной космичностью. Проникая в процесс формирования национальной, русский философ интуитивно ощущает ту энергетику, которая двигает этот процесс, и метко определяет ее как “национальную душу”, на которой и держится такое явление, как национальность. Сама же душа формируется в энергетическом поле национальной духовной Культуры, которая и есть основная эволюционная опора любой национальной. Национальная душа является, как и душа человека, вечной и непреходящей. Она находится в пространстве той внутренней, скрытой от постороннего взгляда таинственной жизни, где национальный Дух вершит свое бесконечное творчество, определяющее судьбу, развитие и лик этой национальной.

В истории любой национальной время от времени возникают обстоятельства, когда насилие и принуждение подрезают крылья этой души. И тогда она, защищая себя и свой народ, выбрасывает холодные струи национализма всякого пошиба, нередко очень агрессивного, в зависимости от сложившейся к этому моменту исторической обстановки.

Определяя нацию как социально-экономическую категорию капиталистического общества, Сталин так и не смог объяснить разницу между нацией и национальной, как и не могли понять эту разницу те советские ученые, которые занимались национальным вопросом, строго следуя в канале традиций, установленных вождем. Это отсутствие разницы между одним и другим понятиями свидетельствует о подмене широкого и сложного понятия национальной, энергетическую основу которой

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 95-96.

составляла национальная духовная Культура, категорией искусственной и надуманной, так называемой нацией. Поэтому возникли такие определения, как буржуазная нация, социалистическая нация и т.д.

Марксист Сталин, догматик и ортодокс, естественно, не подозревал о существовании какой-то нематериальной национальной души и, конечно же, не брал ее в расчет, как и душу самого человека.

Но кроме нации и национальности существовал еще интернационализм, понятие, введенное в социальный и научный обиход приверженцами доктрины К.Маркса.

На грани двух веков, XIX и XX, на планете происходили интересные и таинственные явления, объяснить которые с точки зрения марксистского материализма не представлялось возможным. Для этого надо было вникнуть в концепцию нового мышления. Информационно-энергетические процессы Космической эволюции на планете Земля в это время усилились, и мысли и идеи этой эволюции, как говорят, носились в воздухе. Личности с развитой интуицией принимали их и закладывали в фундамент нового мышления. Менее развитые тоже что-то “слышали”, но до них доходило как бы энергетическое “эхо” эволюции, которое они по наивности своей принимали за собственные мысли. Таким “эхом” идей эволюции явился интернационализм, ставший искаженным отзвуком эволюционной идеи о едином человечестве в отдаленном будущем. “Эхо” как бы заглушило голос самой эволюции, начало жить самостоятельной жизнью, обретя смысл противоположный тому, о чем звучала космическая эволюция. Мечтая о мировой революции, которая соединит пролетариев всех стран, большевики выдвинули интернационализм в качестве главного инструмента в этой мифологической игре. Марксистская концепция интернационализма имела ярко выраженный классовый характер, и другой она быть не могла.

“Национальное единство, — писал Бердяев, — глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов. Каждый народ борется за свою культуру и за высшую жизнь в атмосфере национальной круговой поруки. И великий самообман — желать творить помимо национальности”¹.

Интернационализм в практике тоталитарного государства противопоставлялся национальной культуре, был средством ее подавления, а подчас и уничтожения. Со временем он стал козырной картой в политической игре, в которой с одной стороны участвовали высшие круги тоталитарной власти и сам диктатор, с другой же — невежественные лидеры национальных автономий, входивших в Россию. Они пытались все вместе “творить помимо национальности”.

И Учителя, и философы, такие, как Бердяев, отвергая абстрактный марксистский интернационализм, говорили о реальности всечеловечества, путь к которому лежал только через национальное. Отдельная личность, утверждали они, может понять человечество только через себя, через свою национальную Культуру. Культура, а не класс есть объединяющая сила.

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 95.

Класс же, ограниченная временная структура, имеет свои замкнутые границы и, как всякая закрытая система, направлена на разъединение. В Культуре нет противопоставления национального и общечеловеческого. “В национальном гении, — пишет Бердяев, — раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное”¹.

Под знаменем утопического интернационализма в многонациональном Советском Союзе проводился кровавый эксперимент сотворения мифических социалистических наций, во имя которых разрушалась и уничтожалась национальная культура. Дух самого народа и его душа подвергались страшному насилию и принуждению. Сталин был главным идеологом и инициатором этого эксперимента. В республиках уничтожались лучшие национальные кадры. Любая приверженность к национальной Культуре считалась буржуазным национализмом, любая попытка развития национальной Культуры — отходом от классовых позиций. Несмотря на все старания, эксперимент провалился. Социалистические нации остались существовать только на бумаге да в трудах придворных историков и писателей. Сам же интернационализм постепенно заменялся принудительной русификацией. В национальных районах и республиках стали забывать свой родной язык, свою культуру. Где-то в подполье начала складываться оппозиция подобной национальной политике.

Искусственный “скрепляющий” раствор, в основе которого лежали принуждение и насилие, к концу восьмидесятых годов уже подходил к концу. И поэтому нет ничего удивительного в том, что с крушением тоталитарного государства, его идеологии и механизмов, распался за очень короткий срок и СССР. Но распался не для новой национальной жизни, а для чего-то совсем другого. Национальная номенклатура, та самая, которая, следуя указаниям “сверху”, проводила на местах все ту же антинациональную политику, воспользовалась общим недовольством и захватила власть. Этот захват был назван независимостью и привел к безответственному разрыву уже давно сложившихся экономических связей. “Новая жизнь” под руководством старой партийной и государственной номенклатуры сопровождалась огромными трудностями, сотканными из противоречий прошлого и настоящего. Тяжелое экономическое положение, социальная незащищенность, кровавые столкновения, продолжающееся разрушение национальной Культуры — вот далеко не полный перечень того, что принесла еще одна “новая жизнь” в независимые государства. Эта “новая” жизнь оказалась “оскалом старого”, как сказано в “Братстве”, одной из книг Живой Этики. Истинная новая жизнь приходит новым путем. На этом пути большими буквами будет написано: “Творчество национальных культур и типов жизни не терпит внешней, принудительной регламентации, оно не есть исполнение навязанного закона, оно свободно, в нем есть творческий произвол. Законнический, официальный, внешне навязанный национализм

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 94.

только стесняет национальное призвание и отрицает иррациональную тайну национального бытия”¹.

Старая номенклатура, привыкшая к насилию и принуждению, скорее всего не заметит этих слов.

Ряд черт и “новшеств”, которые возникли в жизни “послеперестроечной” России, также могут быть отнесены к явлениям старого порядка, которые давно ждали своего выхода на поверхность. Начавшийся развал облегчил им путь вверх. Передел собственности, потрясенными свидетелями которого оказались миллионы россиян, пожалуй, можно отнести к одному из самых традиционных деяний большевиков. “Новым” можно назвать лишь своеобразие этого передела. Последний поражал своей открытостью и теми демагогическими лозунгами, которыми он прикрывался. Передел сопровождался изменением социально-экономического смысла самой собственности. Не имея никакой серьезной правовой базы, “передельщики” и “приватизаторы”, названные в народе “прихвизаторами”, объявили “новую” эпоху частной собственности. Движение собственности изменило свое направление. Если в 1917 году шел грабеж частных собственников в пользу пролетарского государства, то теперь грабили пролетарское государство и его народ в пользу собственников, неведь откуда взявшихся. Грабеж шел под руководством все той же номенклатуры, которая находилась у власти в старом социалистическом государстве. Ее не интересовало, откуда появились деньги у бывших “трудящихся, выкупавших эту собственность, движимую и недвижимую. Новые собственники создавали частные фирмы и компании, приобретали контрольные пакеты акций и основывали частную банковскую сеть. До сих пор официально остаются неизвестными источники так называемых “первоначальных накоплений”. Можно только предположить, что часть из них образовалась из государственных и партийных средств, которыми распоряжалась сама номенклатура, другая же часть была предоставлена “теневой экономикой”, сложившейся во времена “застоя” и носившей криминальный характер. Развал тоталитарного государства дал возможность этой “экономике” выползти на поверхность и “узаконить” наворованные деньги. Теперь “теневики” ничего не боялись и только время от времени “отмывали” свои капиталы, не рискуя быть разоблаченными или, как сейчас говорят, “засвеченными”.

Мирное сосуществование бывшей номенклатуры и так называемых криминальных структур, или их тесное взаимодействие, теперь уже не составляет тайны. Но можно спросить, откуда у номенклатуры и ей подобным появилась готовность принять такой резкий поворот в своей судьбе? Ведь десятилетиями в народе “воспитывали” бескорыстие, трудолюбие, самопожертвование Общему Делу, отрицание частной собственности и прочих пережитков капитализма. Вся идеология работала на это, все творчество официальной государственной культуры было наполнено этими благими мыслями. И вдруг такое... Дело же в том, что Дух человека,

¹ Там же, С. 96.

существование которого отрицали большевики, продолжал жить по своим законам. Но насилие, которому он подвергался, изменило и исказило его естественную направленность. И этот Дух стал походить на бледное растение, выросшее под тяжестью валуна и стелющееся по земле, поскольку валун не давал ему расти вверх. Помните, Учителя в “Общине” писали о том, что чувство собственности — категория духовная, не зависящая от того, владеет ли человек материальными ценностями или нет. Большевики отняли частную собственность не только у имущих классов, они лишили и трудящихся возможности когда-либо ее иметь. Социальная революция не изменила внутреннюю структуру тех, кто прошел через нее. В результате многие так и остались духовными собственниками. И чем больше они боролись на уровне внешнего материального мира с этой проклятой частной собственностью, тем глубже она внедрялась в их внутреннюю структуру, в их Дух. С годами это противоречие в человеке росло и развивалось, переходя в нетронутым виде к следующим поколениям. Духовная буржуазность, духовное собственничество были свойственны и коммунистам, и рабочим, и чиновникам, короче, всем тем, кто мечтал комфортно устроиться в жизни и для кого существовало только конечное и была закрыта Бесконечность.

В 1918 году Бердяев сказал пророческие слова: “Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в Советской России. На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество, вполне возможное при коммунизме”¹. Один из крупнейших русских философов, он ясно видел движение человеческого Духа, в пределах конкретной исторической ситуации, те тенденции, которые это движение порождало. Духовное собственничество искало своего выхода, своего материального оформления. Никакой “валун”, никакое государственное принуждение уже не могло его сдержать. Сначала оно нашло свое выражение в подпольной “теневой экономике”, а затем, когда развалилось старое тоталитарное государство и его идеология, вырвалось наружу, подобно гною из вспоротого нарыва. И, ничем больше не сдерживаемый, этот гной залил страну откровенной алчностью, наглой наживой, открытым воровством, различного рода преступлениями во имя собственного обогащения. На этой энергетической волне и стал формироваться тот странный для России слой, который стали называть “новыми русскими”. Эти “новые” в действительности и по сути своей были настоящими старыми. Выбросив лозунги — “Вперед, к капитализму!” и “Забудем о коммунистическом прошлом”, — старая номенклатура, находящаяся у власти, вкуче с “новыми русскими” двинулась к капиталистическому “светлому будущему”. Очередное “светлое будущее” было названо реформами, в голубой дали

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119-120.

которых замаячила еще одна “Новая Россия”. Навязывая “рыночные отношения”, суть которых пока никому не ясна, насильственно отчуждая государственную собственность в пользу частных собственников с сомнительной репутацией, грабя собственный народ, бездумно разбазаривая богатства страны и впуская в нее иностранный капитал, правящие круги используют те же методы насилия и принуждения, которыми строилось предыдущее “светлое будущее”. Одна утопическая идея сменила другую. На высокий трон главной ценности страны взошли богатство, нажива, обман, бескультурие и бросили ее народ в грязный омут морального разложения.

“...Народ, — замечает Бердяев, — опускается и погибает, когда материальное могущество превращается для него в кумира и целиком захватывает его дух”¹.

Мы знаем, что Дух человека есть единственное мерило его внутренней свободы, которая, и только она, определяет его внешнюю свободу. Уровень внутренней свободы народа к моменту перестройки был невысок, у правящей номенклатуры — такой же, а иногда даже и ниже. Перестройка началась под нарастающий гул разваливавшейся старой системы. Было ясно, что с ней опоздали. “Перестроить” в этих условиях что-либо было уже нельзя. Расплывчатые идеи перестройки не имели опоры ни в социально-экономическом, ни в правовом пространстве, ни во внутренней структуре самого человека. Эти идеи как бы плыли в тумане политической жизни, временами исчезали, временами вновь призрачно возникали. 1991 год стал историческим не потому, что “победила демократия”, а потому, что распалось старое тоталитарное государство. И тогда же начался тот странный период в истории России, который длится до сих пор. Я бы назвала этот период временем иллюзий, старых и новых. Эти иллюзии мешают увидеть стране реальность, в которой она существует.

Когда мы говорим “распалось государство”, то имеем в виду разрушение системы. Однако система и государство не одно и то же. Само государство, даже утратившее определенную идеологическую систему, сразу никуда не исчезает. Это может произойти лишь во время революционного взрыва. В России такого взрыва в 80—90-е годы нашего столетия не наблюдалось. Саморазрушение государства как системы революцией назвать нельзя. Старые государственные структуры продолжают действовать. Ими продолжает управлять старая номенклатура. Эти обстоятельства определили и характер российской свободы конца XX века, которая не возникла в результате развития и роста Духа народа, не была завоевана в долгой сознательной борьбе определенных социальных сил. Она даже не была получена сверху царским манифестом, как это было в дореволюционной России. Свобода возникла, как по мановению волшебной палочки, из предутреннего тумана, скрывшего в тот августовский день 1991 года Белый дом и его защитников. Ее как бы выпустила из себя, с последним вздохом, саморазрушившаяся тоталитарная система. И на ней лежал явный отпечаток этого саморазрушения и умирания. Поэтому свобода была похожа не на

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 187.

гордую заокеанскую статую, а, скорее, на бомжа с терновым венцом на голове. Не соответствуя ни в коей степени ни внутренней свободе народа, ни его сознанию, эта пришлица из неведомых глубин *стала* прямо на глазах превращаться во вседозволенность и произвол. Спущенный сверху удивительно удачный афоризм — “Все, что не запрещено, можно” — усугубил ситуацию. Запрещать было уже некому. Старые, ортодоксальные “запретители” ушли, а с ними исчез и тот старый, сковывающий страх.

Эйфория вседозволенности охватила страну. В России начался тот “пир во время чумы”, который обычно устраивали, на костях своих бывших хозяев, чудом освободившиеся рабы. На этих пирах, или так называемых “праздниках жизни”, тон задавали “новые русские”, криминальное и номенклатурное прошлое которых несло убогий и сомнительный опыт подобных развлечений. С Запада, которому стали подражать новые хозяева, хлынул грязный поток массовой культуры. Похоть, бесстыдство, порнография, сомнительные спектакли с раздеванием, фильмы с насилием заполнили экраны телевизоров. Наглела и ширилась пропаганда богатства, материального достатка и животных радостей жизни. Национальная Культура России отступала, неся большие потери. Началось беспардонное и сознательное растление народа, усугубленное растущим его обнищанием и экономическим произволом. Отсутствие в стране настоящего общественного мнения развязало руки силам темным и безнравственным. Власть денег вскоре стала соперничать с властью политической. Вседозволенность, которая сменила еще слабую и неокрепшую свободу, привела к тому, что главное правило — свобода не только право, но и обязанность — было забыто, а может быть, многим и вовсе не было известно.

“Свобода, — сказано в Живой Этике, — есть украшение мудрости, но распушенность есть рога невежества”¹. Пользуясь этой ситуацией, криминальные структуры вышли на поверхность, “узаконили” себя и стали подлинным “ферментом” для роста организованной и любой другой преступности. Именно криминальный мир взял на себя функцию принуждения, насилия и страха, которые еще совсем недавно принадлежали тоталитарному государству и являлись его монополией. Энергетика негативного, античеловеческого, бездуховного пошла вширь и вглубь, захватывая самые разные социальные круги. Преступники и не преступники оказались на одном и том же социальном уровне, в одной и той же категории социального авторитета и веса. Преступления стали привычным явлением в стране. В России начался процесс деградации и расчеловечивания, опасные тенденции которого давно формировались в глубине бездуховного и насильственного государства. Все это, в первую очередь, ударило по детям, по будущему поколению. Дети, брошенные матерями, дети, убежавшие из дома, дети, потерявшие родителей в губительных криминальных “разборках” и в национальных кровавых конфликтах, развязанных амбициозной и безответственной номенклатурой. Количество беспризорных и бездомных детей, брошенных в стихию и во власть криминального мира, значительно

¹ Братство, 569.

превышает количество сирот времен Великой Отечественной войны, пронесшейся по России огненным и смертоносным ураганом.

Свобода и демократия — явления, неразрывно связанные между собой, как связаны Дух и материя. Свобода — явление Духа, демократия — материя человеческого социального бытия. Если они начинают по каким-либо причинам существовать отдельно, то искажения, которые неизбежно при этом возникают в энергетическом пространстве их взаимодействия, неизбежно приводят к видоизменению одной и к гибели другой. “Но демократия, — писал Н.А.Бердяев, — должна быть одухотворена, связана с духовными ценностями и целями”¹.

Считать, что наша теперешняя демократия носит такой характер, не приходится. В государстве, где подавление Духа являлось важнейшим из направлений в политике, демократия не может, как ей положено, действовать в духовном пространстве свободы, ибо последнее еще не сформировалось. Отсутствие такого пространства в стране, усугубленное недостаточным уровнем сознания ее населения, и привело к тому, что сама демократия оказалась такой же хилой и расплывчатой, как и свобода, ее породившая.

Демократию нельзя объявить президентским указом или постановлением правительства. Она должна естественным образом сформироваться в энергетическом пространстве духовного поля страны. Для этого необходимы усилия не одного поколения. Но если по каким-то причинам народ еще не осознал насущной необходимости таких действий, то сроки будут, естественно, отодвигаться... Этот сдвиг в любом земном или космическом процессе приводит к различным нежелательным результатам... Подобных результатов в истории нашей страны было немало. О них писал Н.К.Рерих в своих очерках, носящих пророческий, актуальный характер и для нас, теперешних. И поэтому на них следует обратить самое пристальное внимание. Из прошлого к нам доносятся мысли о Культуре, напоминая нам о том, что именно она есть основа нашей жизни, нашей эволюции и нашего будущего. “Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы”².

В одном из очерков он цитирует фрагмент из Живой Этики.

“Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете. Стыд тем, кто знает, что детей их учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но знак невежества. Можно ли поручать детей человеку удрученному? Можно ли забыть, какое излучение даст горе? Можно ли не знать, что дух подавленный не вызовет восторга? Можно ли считать учительство ничтожным занятием? Можно ли ждать от детей просветления духа, если школа будет местом принижения и обиды? <...> Так говорю, так повторяю, что народ, забыв учителя, забыл свое будущее. Не упустим часа, чтобы устремить мысль к радости будущего. Но позаботимся, чтобы учитель был самым ценным лицом среди установлений

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

² Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, 1932. С. 17.

страны. Приходит время, когда дух должен быть образован и обрадован истинным познанием”¹.

Рерих указывает на причины подобного состояния. Прежде всего это невежество, которое насаждалось у нас в тоталитарный период. Оно процветает и в нынешней “демократической” стране. Невежество “приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью”².

“Кто читал о последних годах Римской империи или Византии, тот с изумлением мог бы найти многие параллели. Среди них бросится в глаза необыкновенное устремление к цирку, к гладиаторам, к конским гонкам и ко всяким условным призам. Разве и теперь каждая деревня, а скоро каждая улица, не будет иметь свою королеву красоты, или свою замечательную руку или ногу, или свой особенный волос”³.

И наконец: “Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь Красоты”⁴.

Но, несмотря ни на что, пространство человеческого Духа и мысли, с которых, так или иначе, снят идеологический пресс тоталитарного государства, начинает постепенно расширяться. Духовная революция выходит на поверхность. И это, пожалуй, на сегодняшний день самое важное. Можно сказать, что теперь перед нами стоит задача — помочь этой революции расправить крылья и донести до тех, кто это может принять, научно-культурные основы того нового мышления, которое сложилось в ее недрах. Но жизнь всегда сложна, и нередко самые простые и ясные истины в своей практической реализации натываются на неожиданные и непредвиденные препятствия.

Великий русский ученый В.И.Вернадский писал еще в 1928 году: “Трудно сказать, удастся ли им (большевикам. — Л.Ш.) долгое время, оставаясь живыми, стоять на базе научных достижений старого времени при той коренной ломке, какой подвергается научная картина Космоса”⁵.

Продержаться “им” действительно удалось сравнительно недолго. В 1991 году старая идеология, подорванная “ересью” последних лет, официально перестала существовать. Номенклатура и ее государственные структуры остались без “указующей и направляющей”. Идеи Духовной революции не нашли отклика ни в сердцах, ни в душах государственных чиновников, а проблемы русской духовной Культуры обошли их стороной.

Идеология православной церкви⁶ пришлась им больше по вкусу. Для этого были свои основания.

¹ Там же. С. 124-125.

² Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига. 1936. С. 189.

³ Рерих Н.К. Нерушимое. Рига, 1936. С. 12.

⁴ Рерих Н.К. Пути Благословения. Нью-Йорк, 1924. С. 15.

⁵ Журнал “Коммунист”, 1988, № 18. С. 70.

⁶ Необходимо отметить, что речь здесь идет именно о церковной идеологии, а не Учении Христа как таковом.

Несмотря на различные гонения и притеснения церкви в период тоталитарного режима, русский народ сохранял в своих духовных глубинах христианскую веру и приверженность Великому облику Христа и Его Учению. Именно эта гонимая, но негаснущая вера помогла многим пройти через те страдания и рабскую жизнь, на которую была обречена Россия. Номенклатуру привлекла массовость этой веры и ее широкое воздействие на души и умы верующих. В этом феномене заключалась определенная политическая перспектива.

Наряду с этим, от церкви, от ее строгих уставов и правил, от ее непримиримости к другим конфессиям, от ее претензии на окончательную истину веяло чем-то родным, понятным и тоталитарным. И опять захотелось кому-то поклоняться, следовать чьим-то советам и указаниям. Религиозность идеологии государства направила правящую номенклатуру напрямую к православной церкви. Держа в руках свечи и неумело крестясь, номенклатурщики стояли со смиренно-окаменевшими лицами на долгих церковных службах, посещали исправно церковные праздники и ходили за советами к патриарху Алексию II. Быстрое это “прозрение” и обращение к ценностям, ранее не признаваемым ими же самими, производили странное и удручающее впечатление.

Священнослужители, цепкие и умные, воспользовавшись этим неожиданным поворотом, потребовали вернуть церкви когда-то конфискованные у нее ценности. Стараясь добиться благосклонности православных, правящая элита стала их возвращать. Методы при этом опять были старые. Принуждение и категорические директивы. Привыкшие еще со времен тоталитаризма свободно распоряжаться любой собственностью (все, что на этой земле, принадлежит государству), высокие чиновники не задумывались о том, что значительное количество этих ценностей было спасено во время гонений усилиями работников культуры и бережно хранилось в музеях и галереях как национальное достояние. Если раньше церковные ценности гибли от рук варваров, выполнявших распоряжения тех же чиновников, то теперь принудительное и скоропалительное их возвращение церкви нанесло немалый ущерб национальному культурному достоянию. Не всегда грамотная реставрация старинных росписей, фресок, икон усугубила и без того тяжелую ситуацию.

Наивно полагая, что духовная Культура - это и есть церковь, что духовные ценности сосредоточены именно там, номенклатура, старая и новая, проявляет к российской Культуре еще большее небрежение, чем в тоталитарном государстве. Разрушаются культурные учреждения, мажутся грязью великие имена Пушкина, Толстого, Достоевского. Помещения, где были когда-то музеи, театры, музыкальные школы, отданы коммерческим структурам, приватизированы частными банками и фирмами. Культура и наука посажены на голодный бюджетный паек. Гибнут библиотеки, разрушаются театры, закрываются музеи. Никакие призывы о помощи, никакие разъяснения не дали результатов. Ситуация эта задела, и весьма

существенно, одно из бесценных и важнейших культурных наследий России — наследие семьи Рерихов.

Известно, что вплоть до конца 80-х годов, буквально за два-три года до крушения идеологической системы партии, творческое наследие Рерихов находились на полулегальном положении, а их идеи, составлявшие основу нового планетарного мышления, были под запретом. За чтение подобной литературы исключали из партии, увольняли с работы, а тех, кто распространял эти идеи, отдавали под суд. Книги Живой Этики имели тот же нелегальный статус, что и произведения А.И. Солженицына, статьи А.Д. Сахарова, работы Лидии Чуковской и многие другие так называемые “диссидентские” книги. В идеологическом отделе ЦК КПСС был запущен механизм борьбы против “еретических” рериховских идей, которые по своей сути не совпадали с марксистской материалистической философией. Средства массовой информации разоблачали подобные идеи и в буквальном смысле слова предавали их “анафеме”. Вот только несколько цитат из множества публикаций, которые в 80-е годы наводнили страну. Государственная идеология давала очередной бой Духовной революции.

“Коммунизм не нуждается в том, чтобы его пропагандировали при помощи мифической Шамбалы”¹.

“Агни Йога — учение опасное. Оно уводит от реальной жизни в мир иллюзий, заставляет отказаться от любого дела, даже стирки собственного белья. Люди, издающие и распространяющие учение Агни Йоги, — убежденные противники марксизма-ленинизма, деятельности КПСС в области формирования научного мировоззрения трудящихся”².

“Формирование научного мировоззрения, борьба с проявлениями чуждой идеологии (философия Н.К.Рериха.— *Л.Ш.*) была и остается одной из центральных задач коммунистического воспитания”³.

“Письмо Махатм Советскому правительству и даже целая книга (“Община” — *Л.Ш.*), изданная от имени Махатм в Монголии, с изложением основ будущей религии, — это типичнейшие первичные документы новой религии, вроде скрижалей Моисея или Евангелий”⁴.

Каждый из процитированных выше авторов понимал прочитанное по-своему. Но всех их объединял один и тот же метод, который так долго с успехом практиковался в идеологической сфере КПСС. Найти в прочитанном, или, вернее, вырвать из прочитанного, строки или строку, которой можно было навязать свою интерпретацию и вступить в борьбу с созданным таким образом фантомом. Научную теорию можно было таким методом превратить в “идеалистическую”. Если соображения известного всем академика А.Д.Сахарова не подходили руководству партии, они превращали эти соображения в антинациональные и “предательские” и боролись с “предателем”. Подобных примеров можно привести множество.

¹ “На стыке науки и мистики”. Журнал “Литературное обозрение”, 1984, № 4.

² “Алтайская правда”, 20.04.85.

³ “Литературная газета”, 05.02.86.

⁴ “Демократия духа”. Журнал “Горизонт”, 1988, № 5.

Этот “ряд волшебных изменений” помогал любому малограмотному и невежественному “борцу” лихо разделяться с самыми сложными проблемами, с самыми оригинальными мыслями, с самыми талантливыми личностями. За каждым из этих “воинов” стояла несокрушимая монополия на истину. С помощью такой монополии любой, принадлежавший к “воинству” идеологическому, мог одержать “победу” над любой реальной истиной. Если носитель такой истины не раскаивался, его подвергали тюремному заключению и ссылке.

Именно тогда же и возникло мнение о том, что философско-научная система Живой Этики, представлявшая новое планетарное мышление, есть религия, а ее последователи не кто иные, как новые религиозные фанатики. Начавшееся саморазрушение системы и последовавшая за этим ликвидация идеологического пресса в стране дали возможность расставить правильные акценты в оценке философского наследия Рерихов и привлечь к нему внимание тех, кто искал свой духовный путь. Форпосты Духовной революции укреплялись, а ее пространство росло.

По всей России создавались культурные и научные организации, в деятельности которых важнейшее место занимало изучение творческого наследия Рерихов и идей Живой Этики. Стала складываться пока еще немногочисленная группа представителей различных сфер знания, которые хорошо понимали, что идеи Живой Этики, реализуя себя через науку, являются важнейшим условием неизбежной трансформации последней. Новая система направляла внимание носителей науки на изучение тонких энергий, предлагала сделать науку более гибкой и непредвзятой, настаивала на ее обязательной нравственности и глубокой духовности.

В 1989 году, по инициативе Святослава Николаевича Рериха, младшего сына Н.К. и Е.И.Рерихов, возник Советский Фонд Рерихов, впоследствии переименованный в Международный Центр Рерихов. В 1990 году Рерих передал Центру последнему бесценное наследие своих родителей: художественное, философское, литературное. Начало культурной, научной и просветительской деятельности МЦР совпало со временем нового идеологического поиска старой номенклатуры, стоявшей у власти независимой России. Как уже было отмечено выше, поиск этот привел номенклатуру к церкви. В силу своей тоталитарности, роднившей церковь с развалившимся режимом, именно она и стала идеологическим преемником этого режима. К церкви, а не к какой-либо другой социально-культурной структуре перешла большевистская монополия на истину, специфические методы ее утверждения и, наконец, нетерпимость к свободной мысли, где бы она ни проявлялась. Иными словами, церковь оказалась в первых рядах противостоящих Духовной революции, пространство которой продолжало расти, захватывая самые разные слои Культуры.

Идеи Рерихов, идеи Живой Этики, связанные с новым мышлением, с новым космическим мироощущением, естественно, по праву преемства, попали под обстрел новоиспеченных российских идеологов. “Отцы церкви”, не утруждая себя особо, спокойно взяли из арсенала идеологического отдела

ЦК не новую мысль о том, что Живая Этика — религия, а те, кто ей следуют, — члены религиозной секты. Приняв сей постулат за основу своих действий, Московский Патриархат и Священный синод в мае 1993 года делают заявление:

“...Мы не можем молчать и перед лицом активного антихристианского движения, включающего в себя теософию, антропософию, “Живую Этику” Рерихов и культы. Распространение “Агни Йоги” Рерихов в России, происходящее с поддержкой государственных лидеров и структур, вызывает нашу тревогу. Со всей ответственностью мы свидетельствуем: учение Рерихов — это религиозная секта, не только несовместимая с христианством, но и прямо ему враждебная”.

Церковные преемники идеологического отдела ЦК КПСС оказались активней и шустрей своих учителей. Слова “со всей ответственностью мы свидетельствуем”, которые, естественно, не могут быть приняты за доказательства, превзошли даже расхожие идеологические штампы их атеистических предшественников. Но этого иерархам православной церкви показалось мало. В конце 1994 года собравшийся в Москве Архиерейский собор вынес следующее определение:

“Возродилось язычество, астрология, теософские и спиритические общества, основанные некогда Еленой Блаватской, претендовавшей на обладание некоей “древней мудростью”, сокрытой от непосвященных, пропагандируется **“Учение живой этики”, введенное в оборот семьей Рерихов и называемое также “Агни йогой”** <...> Люди, разделяющие учения этих сект и движений, а тем более способствующие их распространению, **отлучили себя от Православной Церкви.**

Архиерейский Собор <...> не благословляет участие православных в мероприятиях, организуемых указанными в сем Определении группами”¹.

Итак, после взвешивания данных групп “на предмет их корректности и адекватности”, благочестивым христианам запрещено присутствовать на мероприятиях в МЦР, где проводятся научные конференции, читаются курсы лекций по Живой Этике, издаются книги Н.К. и Е.И. Рерихов, полные глубоких мыслей и неожиданных открытий. Люди, приходящие в МЦР, принадлежат разным конфессиям. Они приходят в залы, на стенах которых висят картины великого художника, не отправлять культ или участвовать в богослужении. Они приходят за знаниями. Еще несколько лет тому назад подобные мероприятия запрещались идеологами тоталитарного государства, а теперь церковью, которая посягнула уже на регламентацию нашей светской жизни.

Вот брошюра, изданная церковью в Новосибирске: “Как защититься от злых духов”. Послушайте: “Нет ничего более страшного для демонов, чем Слово Божие, поэтому у верующих христиан не только должна быть дома Библия, но и душе полезно ее читать каждый день, хотя бы понемногу — прежде всего книги Нового Завета. Литература же оккультного и языческого содержания — черная, белая и прочие магии, книги по теософии,

¹ Кураев Андрей, диакон. Об отлучении Рерихов от Церкви. СПб., 1994. С. 29-30.

антропософии, “Бхагават-гита”, “Агни йога”, “Детка” П.К.Иванова и прочее — все эти книги, как предметы притягивающие нечистых духов, должны быть уничтожены (обычно их сжигают). Квартиру же необходимо освятить”¹.

Инквизиция и тоталитаризм начинаются с уничтожения книг. Во дворе одной из московских церквей уже жгли книги Рериха, и “действие” это показывали по телевизору.

Учение Живой Этики и рериховские идеи известны сейчас во всем мире, во многих странах есть общества Рерихов, издаются их книги. И ни одна церковь мира, будь то католическая, протестантская, лютеранская, баптистская или какая-либо иная, не додумалась до такого запрета и таких “действ”. Не додумались до этого и зарубежные средства массовой информации. В России же уважаемые газеты — “Труд”, “Независимая газета”, “Сегодня” — предоставляют страницы таким борцам с новым мышлением, как диакон Кураев. Демократическая пресса и борец с новым планетарным мышлением — одно с другим не вяжется. Будучи в прошлом студентом философского факультета МГУ, а затем аспирантом Института философии АН СССР, будущий диакон серьезно занимался проблемами марксистско-ленинской философии и ее методологией. Методы работы, усвоенные им в то время, навсегда наложили отпечаток на его деятельность и определенным образом выделяют его среди той церковной братии, которая возросла в лоне самой церкви. Двухсторонние связи диакона как бы усилили вдвойне его энергию в борьбе против “ереси” и неугодных ему направлений мысли. В этой борьбе он употребляет до боли знакомые методы, которые были отработаны идеологическими руководителями партии: агрессивность, ложь, клевету, подмену одного другим, критику без разумной аргументации, претензию на окончательную истину и, наконец, выходки, свидетельствующие о психологической неустойчивости и завышенной оценке собственной персоны.

Одна из главных его задач — доказать, что духовно-культурное рериховское движение есть “нелегальная религиозная секта”. “Религиозным рериховское движение, — аргументирует диакон, — является хотя бы потому, что выдает себя за синтез всех религий. При этом оно имеет и свой собственный культ, и свои оккультные таинства. Министерство образования России, столь любящее Рерихов, должно рекомендовать учителям не меньше трех раз в день призывать детей поклоняться идолам и, не понимая слов, образовать секту трясунов”². Вряд ли надо кому-либо говорить о том, что диакон клеветает и лжет, занимаясь недостойным для него делом. Диакон нападает не только на Министерство образования, он пытается контролировать и руководить научными исследованиями Военного университета, который проявляет большой интерес и к идеям Космической эволюции человечества, и к самим Рерихам. Под все искажающим пером диакона это выглядит так: “Слухи о том, что военные не прочь создать оккультно-магическое оружие, ходили давно. Теперь тайное стало явным”.

¹ Как защититься от злых духов. Новосибирск, 1996. С. 6-7.

² Газета “Труд”, 13.10.94.

Полагаю, что даже сам диакон плохо себе представляет, что такое это “окультино-магическое оружие”. В лице диакона новое научное мышление имеет последовательного противника, не останавливающегося ни перед чем. Непреходящий зуд строчить статьи-доносы на учения Востока, на философские идеи Живой Этики вызывает мысли о средневековой инквизиции, время которой, будем надеяться, уже прошло. Объемистая статья Кураева против Рерихов в “Новом мире” (№ 10, 1994) представляет собой недобросовестную комбинацию из ложных посылок, выхваченных из контекста цитат, произвольно трактуемых и сопровождаемых полуграмотными формулировками.

В этой же статье диакон договорился до предложения ввести церковную цензуру, проявив несомненную способность к генерации “оригинальных” мыслей. Мы только освободились (а может быть, и не совсем) от государственно-партийной цензуры, как нам предлагают еще одну. И то, что это делает диакон, лишний раз подтверждает сказанное выше о взаимодействии церкви с рухнувшей идеологией тоталитарного государства.

“При сегодняшней моде на религию, — пишет диакон, — не помешала бы толика церковной цензуры: книги, статьи, передачи, которые ставят своей сознательной целью положительное свидетельство о Православии, было бы полезно взвешивать на предмет их корректности и адекватности”¹.

Кажется, мы уже это проходили. Взвешивали человеческие мысли и творчество на “предмет их корректности и адекватности”. В свое время взвешивала святая инквизиция, затем взвешивали нацисты и взвешивали идеологические цензоры нашей страны. Насаждали “корректность и адекватность” с помощью костров, тюрем, расстрелов и отлучения от жизни. Если церковь желает, по совету диакона, насаждать цензуру у себя, это ее сугубо внутреннее дело.

В одной из публикаций диакон Кураев хвастливо написал: “В церковной Москве нет, наверное, человека, который не знал бы, что полемика с рериховцами — моя постоянная тема”². И далее он утверждает, что ведет ее не от себя, а от имени церкви. Я не собираюсь как-то оценивать это утверждение. Это дело самой церкви. Я уделила диакону столь пространное место в этой книге не потому, что считаю его кем-то выдающимся. А потому, что именно он, на данный момент, есть персонифицированное и концентрированное выражение борьбы церкви против свободы мысли, некий, я бы сказала, “символ”. И чем меньше будет у церкви таких “символов”, тем результативней будет ее истинная духовная работа, которая не должна соприкасаться ни с войнами, ни с борьбой, ни с “врагами веры православной”. Наша жизнь, индивидуальная и общественная, управляется объективными космическими законами. На смену старому приходит новое. И никакие “символы” не в силах остановить энергетические процессы, идущие в Космосе и на планете Земля. Их не смогли остановить

¹ Журнал “Новый мир”, № 10. С. 131.

² Газета “Радонеж”, 1997, № 4.

даже те, в чьих руках была обширная власть. В истории человечества мы находим немало таких примеров.

Стремление уходящих сил сузить пространство идущей Духовной революции ни к чему не приведет. Энергетика, сформировавшаяся в стране помимо воли и желания этих сил, работает против них. И время различных инквизиций, надо полагать, прошло.

Отношение народа к своему прошлому есть мерило его зрелости, уровня его исторического сознания. То, что мы сейчас это прошлое оплевываем, занимаясь не спокойным тщательным его исследованием, а бесплодными поисками виновных и врагов, свидетельствует о том, что ничего в нашем мышлении и в нашем сознании пока не изменилось. И сама номенклатура, стоящая у власти, и послушно следующее за ней творческое и интеллектуальное сообщество делают сейчас то же, что делали большевики во время революции и после нее. Те с большевистской прямоотой отреклись от того, что было в России до социальной революции, переписали историю заново, переписывали не однажды, пока все это не утратило свой первоначальный вид и не превратилось в идеологический миф. Большевиками, в том “историческом” труде, руководило чувство “классовой справедливости”, неизменная приверженность догматам марксистской теории и неистребимый синдром “первопроходцев”. Нечто подобное мы наблюдаем и сейчас. В процессе очередного “переосмысления” нашей истории участвуют самые разные люди — ученые и политики, журналисты и актеры, писатели и публицисты и т.д. Более всех буйствуют на этой ниве “демократы” и “реформаторы”, представляющие, в значительной степени, все ту же старую номенклатуру. Никогда еще история в России не была так беспощадно брошена под грязные сапоги политики. Принося все, что было сделано русским народом в самых тяжелых и трагических условиях послереволюционной России, “демократы” стремятся возвысить и “очистить” себя. Сделать это по-другому номенклатурные “последыши” с истощенной социальной и духовной энергетикой не могут. Все надо так переписать, изменить и подменить, чтобы не было видно их собственных следов, идущих прямо из тоталитарного прошлого в “демократическое” настоящее. Ведь по следам узнают наследивших. Узанным можно было бы сказать: “Мы вас узнали. Вы те, старые. Вы родом из тоталитаризма. Не бойтесь этого и не стыдитесь. Возможности человека и его Духа ограничены космическими законами, по которым он, часто не осознавая этого, живет. Оставьте историю нашего государства в покое. Займитесь настоящим делом со всеми вместе”. Но вряд ли такие слова дойдут до их сознания. Они могут их просто не услышать. Слушать и не услышать. Ибо сами они говорят: “Мы — новые. Мы все сейчас сделаем по-новому, но сначала перепишем по-новому историю нашего, теперь уже не существующего, государства и затем создадим новое”. Они не знают, что создать такое при том уровне сознания, каким они обладают, и при том историческом опыте, который ими накоплен, нельзя. Это сделают за них другие. Вернее, не другие, а иные. Те, которые поймут историческое и планетарное значение нового мышления, ядро

которого сложилось в российском пространстве Духовной революции XX века. А пока этого еще не случилось, те, старые, переписывают историю и отвергают все, на чем сами выросли и чему поклонялись. Вдохновленные их примером, шуты и холопы на театральных подмостках высмеивают старых вождей, ибо новых высмеивать по-прежнему опасно. Свергая памятники историческим личностям, они начинают свою запоздалую и неопасную борьбу против тоталитарного государства.

Когда-то язычники секли и топили идолов за то, что те не выполнили каких-то их просьб и желаний. Для многих нашей был богом, если вспомнить о той религии, которая возникла в пространстве государственной идеологии. “Бог” не выполнил своего обещания привести вверенный ему народ к “светлому будущему”. Он обманул его. С надругательства над ленинскими памятниками и над его именем началась российская демократия. Языческие пляски заменили серьезное осмысливание процессов, свидетелями которых мы оказались.

Историческое достоинство народа и отдельного человека измеряется его культурой, его любовью к родине, его мужеством и честностью перед собственной историей. И пока это достоинство особого рода не сложится, мы будем продолжать переписывать свою историю, меняя плюс на минус, минус на плюс и снова наоборот. Мы будем охаивать ушедших, благо не смогут ответить, и восхвалять пришедших, надеясь по старой рабской привычке, что когда-нибудь да что-нибудь за это отколется...

В самом марксизме, на котором еще недавно держалась наша государственная идеология, существовало явное пренебрежение к прошлому, извечное стремление к разоблачению и резкой критике этого прошлого. Все лучшее в настоящем, в прошлом нет ничего. Прошлое не есть основа будущего, а антипод этого будущего. Историческая теория марксизма не содержит концепции единства прошлого, настоящего и будущего в круге вечности. Эта теория рвет связь времен, и поэтому само время становится дискретным, и таким же оказывается и Дух человека, слепо и религиозно следующего такой теории...

Путь, по которому идет и нормально развивается и в духовном, и материальном отношении любой народ, имеет два главных условия. Во-первых, этот путь должен соответствовать характеру этого народа, его национальной Культуре и, наконец, той самобытности, которая сложилась в течение многих веков его истории. Во-вторых, этот путь должен соответствовать основным тенденциям культурно-духовной эволюции, в энергетическом пространстве которой находится этот народ вкупе с другими.

Соединение этих условий в единое целое и представляет то, что можно назвать историческим и эволюционным путем данного народа и данной страны.

Рассматривая ситуацию в России с вышеизложенной точки зрения, мы видим, что многое здесь противоречит этим условиям. Склонность “демократов” к экономической социальной практике Запада, преклонение перед ним, пренебрежение российской самобытностью могут привести

Россию к еще более тяжелым последствиям, чем когда-либо. Исторические уроки ничему не научили “демократов”.

Когда крупнейшего русского ученого Льва Николаевича Гумилева спросили о причинах теперешних наших бед, он ответил: “Если коротко, то в преклонении перед Западом. Нельзя, очертя голову, перенимать чужие идеи и чужой опыт. Тем более стране столь оригинальной и, уже хотя бы в силу этого, не готовой к восприятию пусть очень хорошего, но для нее, быть может, неподходящего учения. Смотреть на Россию как на пробел в человеческой истории, культуре и нравственности — это полнейший идиотизм”¹. Лучше и короче сказать трудно. Русский народ в сути своей не принимает ни импорта западных идей, ни его “рыночных отношений”. Он не приемлет, гордясь своей национальной Культурой, своими духовными достижениями, безответственного подражания чужому и попыток перенести нечто, не свойственное его характеру, на российскую почву. Но старая номенклатура убеждена, как и их предшественники, что Культура лишь “надстройка” над “экономическим базисом”, а духовный склад народа нечто мифическое и мистическое.

“Будущее великого народа, — пишет Бердяев, — зависит от него самого, от его воли и энергии, от его творческой силы и от просветленности его исторического сознания. От “нас”, а не от “них” зависит наша судьба. Сведение старых счетов не должно так исключительно владеть нашим сознанием и волей. И отрицательная реакция не должна связывать нашу творческую энергию. В сознании народов расслабляющая идея блага и благополучия должна быть побеждена укрепляющей идеей ценности. Цель жизни народов — не благо и благополучие, а творчество ценностей, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы. А это предполагает религиозное отношение к жизни”². Это “религиозное отношение к жизни” имеет в виду духовную и естественную религиозность человека, а не какую-либо конкретную религию. Религиозность, в самом широком ее понимании, это чувство Высшего, это то космическое мироощущение, которое было свойственно человеку с первых дней становления его сознания. Подобный подход к жизни мы можем еще назвать эволюционным, когда человек, несущий в себе расширенное сознание, осмысливает энергетику Космической эволюции как основу всего сущего и видит ее влияние в любой клеточке своей исторической, социальной и бытийной жизни. Именно такое мироощущение мы находим в Живой Этике и на страницах произведений русских философов и передовых ученых.

Дорога России, страны, соединяющей Запад и Восток и обладающей, в силу сложившихся исторических условий, огромным духовным потенциалом, лежит на путях Духовной революции, сформировавшейся в ее энергетическом пространстве. Через это пространство сейчас проходит эволюционная магистраль бурного взаимодействия Духа и материи,

¹ Газета “Подмосковье”, 06.07.1996.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 53.

острейшей борьбы между Светом и тьмой. Несмотря на все усилия этой тьмы, идет наступление Духа на косную материю и расширяется его поле.

Дорога России к своему Храму, к истинному Новому Миру, в эволюционном понимании этого слова, идет не через чужие обольщающие блага, а через наши души и сердца. Новое мышление и эволюция требуют от нас сейчас рывка, одухотворяющего материю нашей жизни и тем продвигающего человечество вперед. Россия может и должна совершить этот рывок. В этом состоит ее эволюционная миссия. “Это прежде всего внутреннее движение, повышение сознания и рост соборной национальной энергии в каждом русском человеке по всей земле русской”¹. Необходимо повышение уровня одухотворения в любой области человеческой деятельности и творчества: в политике, государственном аппарате, науке, образовании, экономике, общественных структурах и т.д. Чтобы этот “процесс пошел”, надо обратить внимание на узкое, но самое существенное пространство, куда сейчас загнана усилиями старой номенклатуры национальная Культура. Только ее возрождение и развитие создадут условия для дальнейшего расширения народного сознания. Изменение внутренней, духовной структуры человека приведет к возрождению и обновлению народной жизни, к полному раскрытию того духовного потенциала России, который накапливался в течение многих веков. Старая номенклатура вновь опоздала со своим рыночным “светлым будущим”. Западная цивилизация, которая взята ею за образец подражания, сейчас проходит через самые разнообразные кризисы: экономические, социальные, нравственные. Ей самой чего-то не хватает. Не хватает того, что с избытком существует в духовном пространстве России. И поэтому именно Россия, пройдя тяжелый страдальческий путь, может показать планете новую дорогу, на которой стоят вехи нового планетарного мышления, зародившегося в недрах ее энергетического поля. Дорога эта ведет в Храм, который называется Новый Мир или Новый эволюционный виток планеты Земля.

И теперь, как в том далеком 1926 году, от которого нас отделяет больше 70 лет, перед Россией стоит выбор: принять ли идеи космического мышления, последовать ли рекомендациям тех, кто создал Учение о человеке и его Космической эволюции, или же продолжать старые традиции, смотреть на чужие завлекательные огни и отречься от всего того, что накоплено уже российской и мировой мыслью. Правящие круги России в 1926 году не вняли предупреждениям, сделанным в “Общине”, а затем и в “Напутствии Вождю”. За это народ заплатил высокую цену — миллионами жизней, страданиями и сегодняшними разрушениями. Мы не имеем права второй раз на такую же ошибку. Не имеют права и те, кто нами управляет.

“Только путем напряженного творчества, — писала Елена Ивановна Рерих, — без боязни покаяться в ошибках и сознаться в слабостях, только ценою непрерывных усилий, осуществляющихся в рамках открытого воле “пластического мира”, — возможное станет действительностью”².

¹ Там же, С. 72.

² Письма Елены Рерих. Рига, 1940. Т. I. С. 100.

Слова “со старым сознанием не войти в Новый Мир” — тоже ее. Россия сейчас является огромным полем борьбы старого и нового. В этом состоит ее важнейшее мировое и даже космическое значение. И если хотя бы какая-то часть из нас, оторвавшись от долин материи бытия, поднимется на гору Духа, чтобы осознать самую главную сегодняшнюю реальность, значит, надежда не покинет Россию, а манящий Град Светлый обретет более четкие и реальные черты.